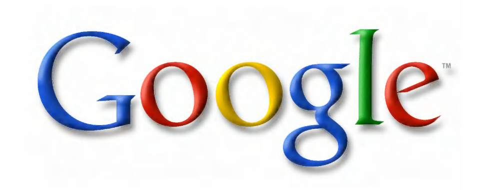

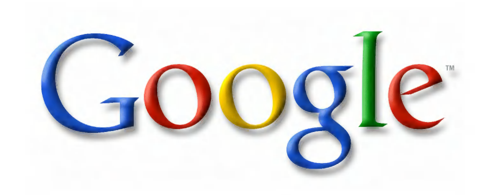

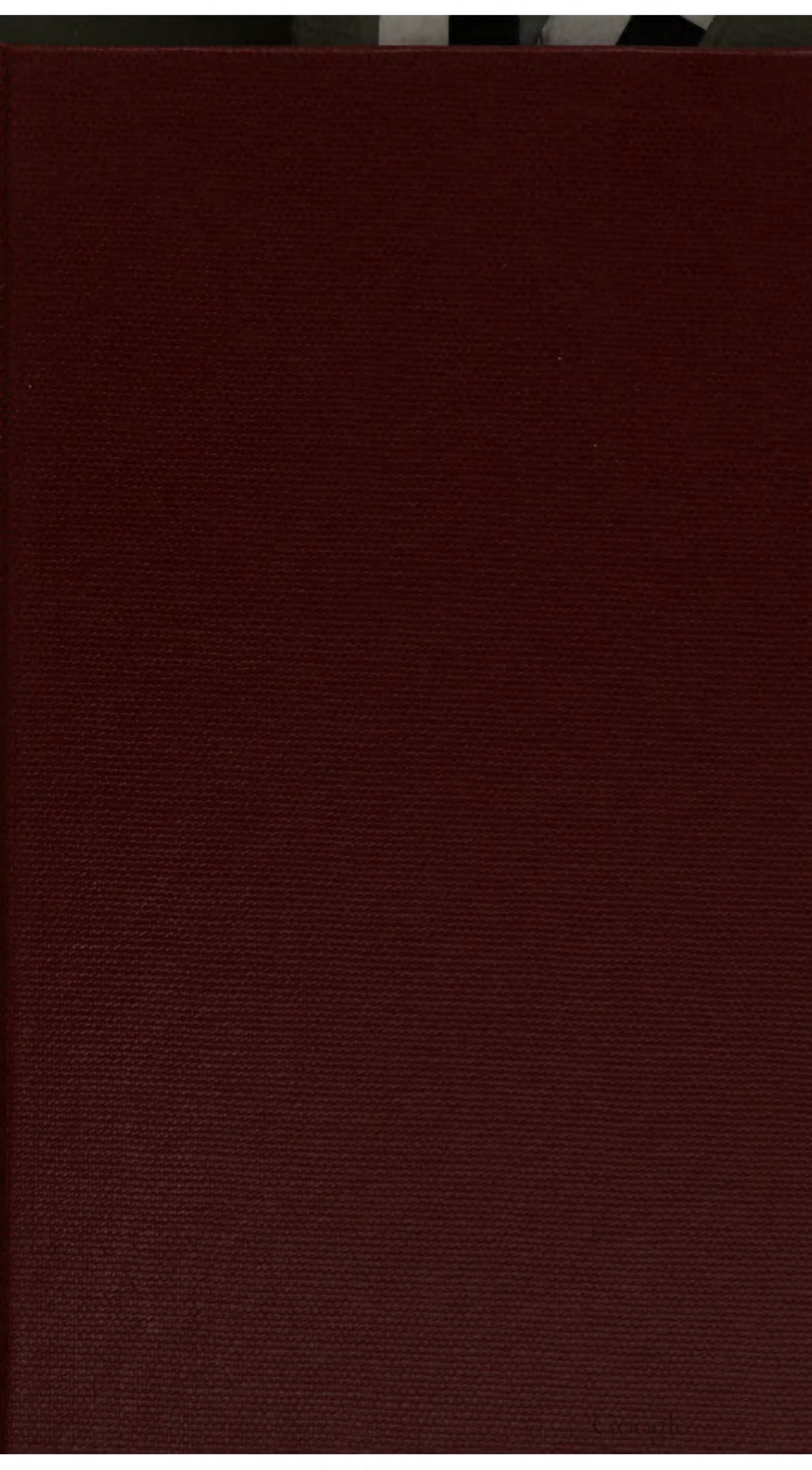

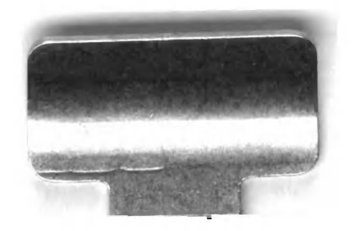

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ VIII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1826.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Тассъ (Torquato Tasso), знаменитѣйшій Италіянскій Стихотворецъ, процвѣталъ въ пятомънадесять вѣкѣ. Поэма его *Освобожденный Іерусалимъ* (la Gerusaleme liberata) поставляется на ряду съ поэмами Гомера и Виргилія. Господинъ Рубби, издатель отличнѣйшихъ Италіянскихъ писателей, говоритъ о немъ:„ скажу съ справедливою смѣлостію, что Тассъ въ Эпической поэмѣ избѣгнулъ многихъ погрѣшностей, примѣчаемыхъ въ совмѣстникахъ его древнихъ и новѣйшихъ, и достигъ высшаго предъ всѣми совершенства. Одинъ Виргилій превзошелъ бы его, естьлибъ великую поэму свою Энеиду могъ исправить. Въ нашемъ Торкватѣ нѣтъ ни мѣлочей, ни пустыхъ распространеній Гомеровыхъ; „нѣтъ неравенства и лишней легкости Камоэнсовой; нѣтъ высокопарныхъ украшеній Лукановыхъ; нѣтъ бѣсовщины Мильтоновой; нѣтъ „вѣропротивнаго Волтерова жеманства; нѣтъ „смѣшаннаго съ Христіянствомъ баснословія „Клопштокова: безъ всѣхъ сихъ неправильностей другихъ эпическихъ Стихотворцевъ онъ „все, что есть въ нихъ изящнѣйшаго и въ разныхъ мѣстахъ разсѣяннаго, почерпнулъ и соединилъ вкупѣ: выборъ содержанія, сплетеніе съ „приличными эпизодами, всегдашнее поддержаніе характеровъ, важность пылкихъ повѣствованій, движеніе явленій, пристойность и великолѣпіе слога, воображеніе, изобрѣтеніе, здравость разсудка, нравоученіе, краснорѣчіе, соста-

„вили тотъ единогласный во всѣхъ державахъ „о Тассѣ судъ, по которому признанъ онъ пер„востепеннымъ Стихотворцемъ.—Онъ *писалъ съ* „*изступленіемъ, и поправлялъ съ хладнокровіемъ*, „сказалъ бы о немъ Лордъ Боскоммонъ." Толь великая похвала отъемлетъ у меня достоинство: гдѣ же, прочитавъ переводъ мой скажутъ, гдѣ сіи очаровательности? гдѣ во многомъ увядшія прелести? но я въ нѣкоторое оправданіе трудовъ моихъ скажу, что превосходная поэма сія едва ли даже и отчасти намъ извѣстна. Она давно уже на Руской языкъ переведена Михайломъ Поповымъ, и хотя переводъ сей исправенъ и хорошъ, однакожъ сдѣланъ съ Французскаго перевода, который во многихъ мѣстахъ невѣренъ, индѣ сокращенъ, индѣ растянутъ, и вообще не имѣетъ ни силы, ни духа подлинника. Въ немъ больше видѣнъ Французской говорунъ, нежели громогласный Тассъ. И такъ намѣреніе и трудъ мой въ преложеніи снова сей поэмы не могутъ мнѣ поставлены быть въ предосужденіе. Можетъ быть скажутъ, что поэма, переведенная прозою, теряетъ отчасти достоинство свое, и что надлежало бы ее перевесть стихами. Я желаю успѣха и щастія тѣмъ, которые на это покусятся. Чтожъ до меня, то я не осмѣлился возвергнуть на себя сего бремени, опасаясь, что оно меня раздавитъ. А дабы о толь великомъ писателѣ имѣть нѣкоторое свѣденіе, то я перевелъ его прозою, стараясь сколько можно подойти къ подлиннику и точностію смысла и высотою

словъ. Я не скажу ничего о моемъ переводѣ; можешъ быть онъ худъ; но да позволено будешъ ему быть хорошимъ, покуда не появится лучшаго.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

ТАССОВА ПОЭМА.

Пѣснь первая.

Пою благочестивое воинство и Вождя, освободившаго великій гробъ Христовъ. Много подвизался онъ разумомъ и рукою, много претерпѣлъ въ славномъ завоеваніи. Тщетно адъ противился ему и тщетно вооружались противъ него Азійскіе и Ливійскіе народы: Небо благопріятствовало ему, и привело подъ святыя знамена странствующихъ его сподвижниковъ.

О Муза! не ты, что на Геликонѣ тлѣнными чело свое увѣнчаваешь лаврами, но ты, что въ небесахъ между блаженными ликами изъ безсмертныхъ звѣздъ свѣтозарный имѣешь вѣнецъ, ты вдохни въ грудь мою выспренній огнь, ты просвѣти пѣснь мою и прости мнѣ, естьли для приданія прелестей истиннѣ, отчасти не тѣмъ, что тебѣ, но что другимъ нравится, сложенія мои украшаю.

Ты вѣдаешь, что свѣтъ бѣжитъ туда, гдѣ льстивый Парнасъ больше разливаетъ

сладостей, и что умащенная сладкогласными стихами правда, самыхъ упорнѣйшихъ прельщая убѣждала. Тако больному младенцу услащенные медомъ подносимъ края сосуда: обманутый піетъ онъ горькіе соки, но сей обманъ жизнь ему даетъ.

Ты, великодушный Алфонсъ, что меня, скитающагося и почти уже посредѣ камней въ свирѣпыхъ волнахъ погрузшаго изъ рукъ злощастія исторгъ и въ безопасное поставилъ пристанище, симъ моимъ стихамъ, аки тебѣ обѣтованнымъ, съ веселымъ лицемъ внемли: можетъ быть пророчественное перо дерзнетъ нѣкогда возгласить о тебѣ то, чему днесь нѣкоторыя токмо излагаетъ черты.

Ты поистиннѣ достоинъ (естьли сбудется, что благочестивый народъ Христовъ, пребывая между собою въ мирѣ и согласіи, пойдетъ кораблями и конями отнять у гордаго Ѳракіянина великую неправедно имъ взятую добычу), да тебѣ, сопернику Готфридову, вручится высокая власть на земли и на морѣ: ты между тѣмъ стихамъ моимъ внемли, и мечъ твой препояши по бедрѣ.

Уже шестый вращался годъ, какъ воинство Христіанское, для совершенія великаго подвига, притекло на Востокъ, и Никею приступомъ, и сильную Антіохію искуствомъ покорило. Послѣ сего битвою про-

тиву безчисленныхъ Персидскихъ войскъ ее защитило, и Тортозу преодолѣло; потомъ суровому времени уступя, новаго лѣта ожидало.

Конецъ дожденосной, успѣхи оружія прервавшей зимы, былъ уже не далекъ, когда Превѣчный Отецъ съ высокаго престола Своего, въ самой глубочайшей части небесъ воздвигнутаго, и колико отъ звѣздъ до преисподняго ада, толико надъ звѣздными кругами превознесеннаго, очи обратилъ долу, и единымъ разомъ и во единъ мигъ все то узрѣлъ, что міръ въ себѣ содержитъ.

Узрѣлъ, и въ Сиріи на Князьяхъ Христіанскихъ вниманіе остановилъ, и тѣмъ взоромъ своимъ, коимъ самыя сокровеннѣйшія склонности человѣческія проницаетъ, увидѣлъ, что Готфридъ помышляетъ изгнать изъ святаго града Іерусалима нечестивыхъ Агарянъ и преисполненный усердія къ вѣрѣ, мірскую славу и власть и богатство въ ничто вмѣняетъ.

Но видитъ въ Бальдовинѣ корыстолюбивое, человѣческихъ величій алчущее желаніе, видитъ Танкреда презирающаго жизнь; толико безотвѣтная любовь мучитъ его и терзаетъ! видитъ Боемонда въ новомъ Царствѣ своемъ Антіохійскомъ высокіе предписующаго законы и уставы, и вводящаго

искуства и нравы и священнослуженіе истинному Богу.

И толико въ мысль сію углубленнаго, что кажется ни о какомъ иномъ намѣреніи не помнитъ. Усматриваетъ въ Ринальдѣ неутомимый къ трудамъ и подвигамъ духъ воинскій, и что не жадность дѣйствуетъ въ немъ къ злату или власти, но горячая къ истинной чести любовь; видитъ его устремляющаго слухъ свой къ словамъ Гвельфовымъ, и поучающагося изъ устъ его славнымъ древнимъ примѣрамъ.

Когда же сихъ и другихъ сокровенныя чувства сердецъ Владыка міра усмотрѣлъ, зоветъ къ себѣ изъ свѣтоносныхъ Ангельскихъ ликовъ Гавріила, изъ первыхъ втораго. Сей между Бога и благихъ душъ вѣрный посредникъ, радостный провозвѣстникъ, относитъ небесныя опредѣленія въ дольнія жилища, и приноситъ на небо усердныя моленія смертныхъ.

Богъ рекъ ему: иди къ Готфриду и во имя мое возвѣсти ему: почто медлятъ? почто съ оружіемъ не текутъ угнѣтенный освободить Іерусалимъ? да созоветъ вождей на совѣтъ, и коснящихъ да подвигнетъ на великое предпріятіе. Да будетъ онъ верховнымъ ихъ вождемъ: Азъ здѣсь его избираю, и всѣ прочіе земные Князи, прежде

сотоварищи его, нынѣ же да повинуются ему и волю его исполняютъ.

Тако вѣщалъ: и Гавріилъ немедленно приготовился, да совершитъ порученное ему дѣло. Невидимый образъ свой въ видимый претворилъ и чувству смертнаго подвергъ. Человѣческіе члены, человѣческій принялъ видъ, но изъ небеснаго составилъ его величія. Между юношества и младости средній возрастъ взялъ, и свѣтлорусые власы свои украсилъ лучами.

Бѣлыя, позлащенныя по краямъ, надѣлъ крылья, легкія и безъ усталости быстрыя; разсѣкаетъ ими облака и вѣтры, и величественно летитъ на землю и моря. Тако въ одѣяніи семъ посолъ небесный направляетъ полетъ свой къ дольному міру. Сперва надъ горою Ливаномъ останавливается и на помавающихъ тихо крыльяхъ виситъ.

Потомъ стремительно въ низъ на Тортозскую долину спускается. Новое на Эойскихъ брегахъ восходило тогда солнце, частію уже появившееся, главною же частію погруженное еще въ воды. Готфридъ, по обыкновенію своему, приносилъ утреннія молитвы Богу, какъ вдругъ подобный солнцу, но паче блистающій, предсталъ предъ него Ангелъ отъ Востока.

И рекъ ему: Готфридъ, се ожидаемое удобное для воинскихъ дѣйствій время на-

стало: почтожъ медлятъ? почто съ оружіемъ не текутъ угнѣтенный освободить Іерусалимъ? призови Князей на совѣтъ; коснящихъ подвигни на великое предпріятіе. Богъ избираетъ тебя вождемъ ихъ, и они да повинуются тебѣ и волю твою исполняютъ.

Богъ послалъ меня; я во имя Его возвѣщаю тебѣ волю Его. О какая тебѣ надежда на побѣду! о какое о ввѣренномъ тебѣ войскѣ долженъ ты днесь прилагать попеченіе! Сказавъ сіе умолкъ и возлетѣлъ на небо въ самую высочайшую и свѣтлѣйшую его страну. Остался Готфридъ отъ сіянія, отъ словъ, ослѣпленъ очами, удивленъ сердцемъ.

Но потомъ, когда отъ смятенія оправился и подумалъ, кто приходилъ, отъ кого присланъ, и что ему возвѣщено, то прежде желалъ, а теперь весь горитъ привесть къ окончанію войну, въ коей онъ избранъ вождемъ. Не честолюбіе видѣть себя отъ небесъ предъ всѣми предпочтеннымъ, воздымаетъ грудь его; но воля его въ волѣ Господа своего, какъ искра въ пламени, сильнѣе разгорается.

Немедленно сподвижниковъ своихъ, по окрестнымъ странамъ разсѣянныхъ, собраться приглашаетъ. Грамоты за грамотами и гонцевъ за гонцами шлетъ; всегда совѣтъ съ прозьбою соединяетъ. Все, что

великодушное сердце подвигнуть и возжечь, и что уснувшую добродѣтель возбудить можетъ, все то изыскиваетъ, и такъ искусно украшаетъ, что приневоливаетъ и нравится.

Приходятъ Князи со множествомъ другихъ; одинъ Боемондъ не пришелъ. Часть внѣ града, часть же внутри Тортозы помѣщается. Во единъ торжественный день великіе повелители войскъ собираются на совѣтъ. Знаменитая дума! благочестивый Готфридъ, посредѣ ихъ, начинаетъ рѣчь, величественъ лицемъ, благогласенъ словомъ:

Божіи воины! Царь неба избралъ васъ къ возстановленію вѣры своей; Онъ изъ нѣдръ браней и коварствъ на земли и на морѣ извелъ васъ и оградилъ безопасностію; отселѣ въ толь немногіе годы покорили мы ему толикое число мятежныхъ областей, и въ народахъ завоеванныхъ и укрощенныхъ распространили имя и знамена его побѣдоносныя.

Не для того, мнится мнѣ, оставили мы драгіе залоги и гнѣздо свое родное; не для того предали жизнь нашу вѣроломнымъ морямъ и опасностямъ долговременной войны, чтобъ овладѣть непросвѣщенною страною и прозвучать пустою непрочною славою; таковое предположеніе было бы слабымъ и скуднымъ за дѣла наши возмездіемъ, и мы

бы ко вреду нашихъ душъ кровь свою проливали.

Но мыслей нашихъ непреложною цѣлію было завоеваніе священныхъ стѣнъ Сіонскихъ; мы предпріяли снять съ Христіанъ недостойное, толь тяжкое ихъ угнѣтающее иго рабства; основать въ Палестинѣ новое Царство, гдѣ бы благочестіе безопасно возсѣдало, и могъ бы странствующій Богопочитатель, исполняя обѣты свои, безпрепятственно посѣщать великій гробъ Господень.

И такъ по сіе время, судя по опасностямъ нашимъ, мы сдѣлали много; судя по трудамъ, еще больше; но для чести мало, а для достиженія намѣренія нашего (ежели остановимся или оружіе наше обратимъ въ иное мѣсто) совсѣмъ ничего. Къ чему Европа собрала толь великія силы, и въ Азіи произвела пожаръ, когда слѣдствіемъ сихъ ужасныхъ движеній будетъ не основаніе, но разореніе державъ?

Тотъ не устрояетъ Царствъ, кто созидаетъ ихъ на бренномъ мірскомъ основаніи, тамъ, гдѣ съ малымъ числомъ правовѣрныхъ соотечественниковъ своихъ водворится между безчисленными нечестивыми народами; гдѣ на Грековъ надѣяться не можетъ, отъ западныхъ же пособій далекъ:

онъ пріобрѣтаетъ земли на пагубу свою и самъ себѣ готовитъ гробъ.

Покореніе Турокъ, Персіянъ и Антіохіи (славнаго и великолѣпнаго града), чудесныя поистиннѣ побѣды, не наши суть дѣла, но даръ небесъ. Нынѣ, естьли мы обратимъ оныя не на тотъ конецъ, на какой Всевышній даровалъ намъ ихъ, страшусь, чтобъ онъ не отнялъ ихъ у насъ, и чтобъ громкая слава наша не превратилася напослѣдокъ въ народное посмѣяніе.

Ахъ! молю Небо, да не будетъ никого, кто бы толь драгоцѣнные дары толь худымъ употребленіемъ испровергъ и уничтожилъ; но великихъ дѣлъ сихъ конецъ да соотвѣтствуетъ высокому ихъ началу. Нынѣ, когда время благопріятствуетъ, когда путь намъ свободенъ и открытъ, почто не йдемъ ко граду, единственной цѣли всѣхъ нашихъ побѣдъ? Кто намъ воспрещаетъ?

Князи! Я возвѣщаю вамъ (да слышатъ то нынѣшній и будущій свѣтъ, да слышатъ и самыя небесныя силы) время къ совершенію предпріятія приспѣло. Чѣмъ больше будемъ мы медлить, тѣмъ меньше будетъ оно удобно, и вѣрное превратится въ сомнительное. Предсказываю вамъ, что естьли мы не поспѣшимъ итти, то Палестина получитъ помощь отъ Египта.

Рекъ и за словами его послѣдовалъ

краткій шопотъ; но вскорѣ возсталъ пустынникъ Петръ, мужъ изъ простаго рода, но сѣдящій въ совѣтѣ между Князьями, яко главный великаго предпріятія сего виновникъ: то, что Готфридъ совѣтуетъ (сказалъ) и я подтверждаю, нѣтъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія; истинна сія сама собою явствуетъ. Онъ доказалъ вамъ ясно, вы соглашаетесь, остается мнѣ присовокупить токмо:

Когда я привожу себѣ на память сіи постыдныя распри и обиды, взаимно вами другъ другу творимыя и терпимыя, сіи разногласія, сію медленность и остановку дѣлъ, то главною симъ сварамъ и коснѣніямъ виною полагаю раздѣленіе между многими вами разномыслящими равной и одинакой власти.

Гдѣ не одинъ повелѣваетъ, отъ коего суда зависятъ и награды и наказанія, отъ коего распоряженій учреждаются и званія и должности, тамъ въ правленіи нѣтъ должнаго устройства и твердости. Составьте, умоляю васъ, изъ дружныхъ членовъ единое тѣло; поставьте надъ нимъ главу, да властвуетъ имъ и управляетъ; вручите единому и жезлъ самодержавія и власть, да будетъ онъ и образомъ и дѣяніями Царь.

Тутъ умолкъ старецъ. О! какой груди не проникнешь, какой мысли не воспалишь ты, святое усердіе, жаръ небесный? Ты

вдохнулъ слова сіи въ пустынника, и напечатлѣлъ ихъ на сердцахъ военачальниковъ; ты превозмогаешь закоренѣлыя, даже врожденныя склонности къ самовластію, свободѣ, любочестію; тобою воспламененные Вильгельмъ и Гвельфъ, самые знаменитѣйшіе, провозгласили первые Готфрида вождемъ своимъ.

Прочіе подтвердили. Возлагаютъ на него повелѣвать и распоряжать другими, предписывать побѣжденнымъ по волѣ своей законы, объявлять войну когда и кому пожелаетъ; другіе, равные съ нимъ, должны ему повиноваться и быть исполнителями его повелѣній. Тако положили: слава летитъ и возвѣщаетъ о томъ Царствамъ и народамъ.

Онъ появляется предъ войсками: онѣ съ радостію на него смотрятъ и находятъ его достойнымъ званія, на которое возведенъ. Онъ съ важнымъ и спокойнымъ лицемъ внемлетъ воинскимъ звукамъ и поздравленіямъ. По семъ, по изъявленіи благодарности своей за оказанные ему знаки чести и покорности, повелѣваетъ, чтобъ въ слѣдующій день всѣ войска на пространномъ полѣ въ боевомъ порядкѣ представлены ему были на смотръ.

Солнце восходило свѣтлѣе и лучезарнѣе обыкновеннаго; съ новыми лучами дня каж-

дый воинъ подъ знаменами своими исходитъ вооруженъ, и, колико можно, украшенъ, предъ лице благочестиваго Готфрида, разъѣзжающаго по широкому полю. Онъ останавливается, и предъ нимъ проходятъ протяженные строи конницы и пѣхоты.

Память, лѣтъ и забвенія непріятельница, ты, которая всѣ вещи хранишь въ себѣ и расточаешь, дай мнѣ твой умъ, чтобъ могъ я въ семъ великомъ ополченіи повѣдать каждую рать и каждаго Вождя: да звучитъ и сіяетъ древняя слава ихъ, отъ множества претекшихъ лѣтъ умолкшая и потемнѣвшая. Украсъ богатствами твоими языкъ мой: да внемлютъ всѣ вѣки глаголамъ моимъ, и звукъ ихъ да не оскудѣетъ никогда.

Первые шли Франки: Вождь ихъ былъ Угонъ, братъ Короля. Народъ отборный съ острова Ильдефранса, изъ обширной и прекрасной страны, четырьмя рѣками орошаемой. По смерти Угона гордымъ воинствомъ симъ, подъ древними знаменами златой лилеи, предводительствовалъ Клотарій, храбрый мужъ, по всему, кромѣ Царскаго имени, Царь.

Тысяча изъ нихъ одѣты въ тяжелую броню: за ними слѣдуетъ толикоеже число всадниковъ, искусствомъ и природою и видомъ и оружіемъ имъ подобныхъ, всѣ Норманцы; начальствуетъ надъ ними природный Князь

ихъ Робертъ. Потомъ съ полками своими идутъ два пастыря, Вильгельмъ и Адемаръ.

Обѣ они прежде божественную предъ олтарями совершали службу; нынѣ же, обременяя длинные власы свои шлемомъ, упражняются въ грозныхъ воинскихъ дѣлахъ. Первый изъ града Оранжа и окрестностей его велъ четыреста избранныхъ воиновъ; второй изъ града Погіо шелъ съ толикимъже числомъ не меньше храбрыхъ.

За сими идетъ на смотръ Бальдовинъ съ Болонцами, воинами брата своего: онъ вмѣсто себя послалъ его съ ними, когда самъ содѣлался надъ Вождями Вождь. За нимъ слѣдуетъ Графъ Корнути, мудрый въ совѣтѣ, мужественный въ брани. Съ нимъ идутъ четыреста пѣшихъ, и тройное противъ того число конныхъ ратниковъ.

Гвельфъ ближайшее къ нимъ занималъ поле, мужъ колико щастіемъ, толикоже и достоинствомъ высокій. Онъ родомъ изъ Италіи, и считаетъ въ Эстскомъ домѣ длинное поколѣніе предковъ своихъ; но принявъ имя и Княжество въ Нѣмецкой землѣ, усыновился великому дому Гвельфовъ. Онъ управляетъ Каринтіею и всѣми землями древнихъ Свѣевъ и Ретянъ между Истромъ и Рейномъ.

Къ сему материскому наслѣдію присовокупилъ онъ еще славныя и великія пріобрѣ-

тенія. Изъ нихъ набралъ людей, со смѣхомъ подъ начальствомъ его встрѣчающихъ смерть. Народъ сей зимою, въ теплыхъ укрываясь жилищахъ, обыкъ въ пиршествахъ и веселіяхъ провождать время. Пять тысячъ было ихъ при отшествіи, но послѣ битвъ съ Персіянами едва осталась третія часть.

За сими слѣдовали бѣлолицые и бѣловласые народы, что между Франками, Германцами и моремъ живутъ, гдѣ Мозель и Рейнъ протекаютъ, въ землѣ изобильной хлѣбомъ и стадами. Съ ними островитяне ихъ, что крутыми отъ яраго Океяна защищаются брегами; Океяна, не токмо корабли и товары, но цѣлые грады и Царства поглощающаго.

Всѣхъ ихъ вмѣстѣ было тысяча: всѣ они шли грудою подъ начальствомъ втораго Роберта. Британскій полкъ былъ нѣсколько многочисленнѣе; Гульелмъ, младшій сынъ Короля, велъ оный. То были Англичане стрѣлометы, и съ ними люди близъ полюса живущіе. Сихъ изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ выпустила отдѣленная отъ кряжа земли, край свѣта лежащая Ирландія.

Но се грядетъ Танкредъ: изъ всѣхъ, толь многихъ, нѣтъ ни единаго (выключая Ринальда), кто бы ему былъ равенъ храбростію, или пріятностію лица и поступокъ, или величествомъ осанки, или неустрашимостію духа. Естьли какая либо тѣнь хулы помра-

чаетъ блескъ его достоинствъ, то одна токмо неблагоразумная любовь, любовь мгновенно среди брани рожденная, печалію питающаяся и въ силу приходящая.

Носится молва, что въ тотъ день, когда Франки одержали славную надъ Персами побѣду, и побѣдитель Танкредъ, утомленный погонею за бѣгущими, ища отдохнуть отъ трудовъ и утолить жажду свою, зашелъ въ приманившую его, закрытую отъ солнечнаго зноя сѣнь, гдѣ зеленыя предстояли сѣдалища и хладный билъ ключъ.

Тутъ предстала ему дѣвица, вся, кромѣ главы, оружіемъ облеченная. Она была Магометанка, и по тойже причинѣ для прохлажденія въ сѣнь сію зашла. Онъ взглянулъ на нее, удивился красотѣ лица ея, заразился и воспылалъ. О чудо! любовь едва раждается, уже побѣдоносна и торжествуетъ.

Дѣва надѣла на себя шлемъ, и естьлибъ не пришли другіе воины, она бы на него напала. Уходитъ, гордая, отъ побѣжденнаго, ставъ по нуждѣ бѣгущею. Но образъ ея грозный и прекрасный такъ сохранился въ сердцѣ его, какъ бы она живая предъ нимъ стояла. Сей видъ и мѣсто, гдѣ видѣлъ ее, не исходятъ никогда изъ памяти его: искра безпрестанно воспаляющая огнь.

Примѣчающимъ можно было на лицѣ его прочитать: сей горитъ и безъ надежды.

Тако ходитъ воздыхающъ, съ потупленными очами и полными печали мыслями. Восемь сотъ ведомыхъ имъ всадниковъ оставили злачныя поля свои, краснѣйшее убранство природы, и зеленые плодоносные холмы, въ Тосканское море смотря на себя любующіеся.

Позади сихъ идутъ двѣсти Грековъ; на нихъ нѣтъ почти ничего желѣзнаго: на бедрѣ виситъ косая сабля, за плечами звѣнятъ лукъ и стрѣлы. Кони ихъ сухощавые прытко бѣгаютъ, неутомимы въ трудѣ, мало требуютъ пищи; сами же они скоры къ нападенію и отступленію, и всегда бьются на бѣгу и врозсыпь.

Татинъ ведетъ ихъ, единственный Грекъ сопровождавшій Латинскія войска. О стыдъ! о преступленіе! не близко ли тебя, Греція, война сія горѣла? Но ты, лѣнивая, сидѣла токмо зрительницею, ожидая конца великихъ дѣяній. Нынѣ, когда ты раба, то рабство твое (не жалуйся) есть не обида тебѣ, но справедливость.

Се послѣднія идутъ войска, но искуствомъ, и честію, и храбростію первыя. Всякъ изъ нихъ непобѣдимый рыцарь, ужасъ Азіи, Марсовъ перунъ. Умолкни, Аргосъ и Миносъ, умолкни и ты, Артусъ! Престаньте баснями о рыцаряхъ своихъ наполнять книги: предъ сими подвижниками всѣ древнія по-

вѣсти умолкаютъ. Кто же достойный Вождь ихъ?

Вождь ихъ Дудонъ Консійскій. Трудно было между ими различить достоинство и породу; для того другіе единогласно ему покорились, яко болѣе содѣявшему и опытному. Онъ въ престарѣлыхъ уже лѣтахъ являлъ однакожъ подъ сѣдыми власами свѣжій цвѣтъ лица, и былъ украшенъ знаками чести, почтенными ранами.

Потомъ въ первѣйшихъ идетъ Евстаѳій, собственными своими достоинствами, паче же брата своего Готфрида дѣлами знаменитый. Тамъ Жернандъ, сынъ Царя Норвежскаго, потомокъ державныхъ предковъ. Тамъ Рогеръ Бальнавильскій и Энгерланъ, древнею славою своею между отличными мужами блистаютъ. Тамъ между храбрыми славятся Гентоній, Раимбольдъ, и два Герарда.

Тамъ мужественный Убальдъ и Роскольдъ, наслѣдникъ Великаго Княжества Ланкастерскаго. Да не погрузится и ваша память во мракѣ забвенія, ты, Опицъ Тосканскій, и вы, три изъ Ломбардіи брата Ахиллъ, Сфорцъ, и Паламедъ; ниже твоя да погаснетъ слава, сильный Оттонъ, завоеватель шлема, на коемъ изображенъ исходящій изъ змѣи нагой младенецъ.

Не оставлю въ забвеніи, ни тебя, Га-

стонъ, ни тебя, Рудольфъ, ни васъ двухъ Гвидовъ, обоихъ знаменитыхъ; не премолчу ни о тебѣ, Эберардъ, ни о тебѣ, Герніеръ, неблагодарно забытыхъ. Но куда еще, уставшаго уже исчислять, влечете вы меня, Гильдиппа и Одоардъ, страстная чета? Неразлучные въ войнѣ супругъ и супруга, да не будете вы и по смерти разлучены.

Въ училищѣ любви чему не научаются? Въ немъ Гильдиппа научилась быть неустрашимою воинственницею. Не отходитъ отъ милаго друга, и жизнь ихъ единому подвержена жребію. Нанесенный кому либо изъ нихъ ударъ не бываетъ никогда одному вредоносенъ, но всегда обоихъ равно поражаетъ, и часто единаго рана болѣзненнѣе другому, изливающему душу, когда тотъ изливаетъ кровь.

Но младый Ринальдъ всѣхъ превосходитъ; никто изъ всего воинства не равняется съ нимъ: пріятно грозенъ подъемлетъ величавое чело свое, и очи всѣхъ на себя обращаетъ. Въ немъ кажется возрастъ и надежда преждевременно прозябли, и вмѣстѣ съ цвѣтами созрѣли плоды. Марсъ, когда съ закрытымъ шлемомъ разитъ враговъ; Купидонъ, когда откроетъ лице.

Софія на брегахъ Адижа, родила его отъ Бельтольда, Софія прекрасная, отъ Бельтольда сильнаго; и прежде нежели отнятъ

онъ былъ отъ грудей кормилицы, Матильда взяла его къ себѣ и воспитала, и Царской научила должности: онъ неотлучно былъ съ нею, доколѣ юный умъ его не прельстился вострубившею на Востокѣ трубою.

Тогда, едва пятнатцать лѣтъ имѣя отъ рожденія, ушелъ онъ и одинъ по безвѣстнымъ путямъ странствовалъ; преплылъ Греческія страны, и пришелъ, гдѣ въ отдаленномъ краю свѣта стоялъ ратный станъ. Благородный побѣгъ, достойный мужественнаго сердца! Три года ратуетъ онъ, и едва еще мягкій пухъ появляется на его брадѣ.

Прошла конница, и се идетъ пѣхота: Раимондъ въ переди, обладатель Тулузы; онъ воиновъ своихъ набралъ у Пиренейскихъ горъ, между Гаронною и Океяномъ. Ихъ четыре тысячи; сильно вооруженные, искусные въ бояхъ, привычные къ трудамъ и терпѣнію. Прекрасный народъ, прекраснѣйшимъ вождемъ предводимый.

Стефанъ Амбоскій ведетъ изъ Блоа и Тура пять тысячъ ратниковъ: люди не крѣпкіе и не трудолюбивые, хотя покрытые сталью ярко блестятъ. Земля ихъ рыхлая, нѣжная и роскошная, подобныхъ себѣ жителей производитъ. Они въ браняхъ первые нападаютъ съ яростію, но скоро утихаютъ и слабѣютъ.

Алькастъ идетъ третій, грозенъ лицемъ:

тако шелъ Капаней подъ Өивскими стѣнами. Онъ съ Альпійскихъ горъ привелъ шесть тысячь Гельветянъ; народъ гордый и смѣлый. Желѣзо, служащее къ раздиранію полей и глыбъ земныхъ, превратилъ онъ въ иной видъ, въ иное знаменитѣйшее употребленіе, и рукою, пасущею презрѣнныя стада, кажется не страшится угрожать Царямъ.

Зри, за сими возвѣваетъ священное знамя съ діадимою и ключами Святаго Петра. Предъ нимъ идетъ Камиллъ съ семью тысячами ратниковъ, облеченныхъ въ тяжелые и блистающіе доспѣхи. Онъ радуется, что небо даруетъ ему толь великій случай возстановить древнюю предковъ своихъ честь, или по крайней мѣрѣ показать, что въ Римскихъ войскахъ, развѣ токмо въ чиноначаліи, въ храбростиже нѣтъ недостатка.

Но уже всѣ войска въ прекрасномъ устройствѣ и порядкѣ прошли мимо; ибо сіи были послѣднія: тогда Готфридъ созываетъ къ себѣ главнѣйшихъ Вождей, и тако мысль свою имъ сообщаетъ: завтра всѣ войска съ появленіемъ утренней зари да поднимутся съ легкостію и скоростію въ путь; да придемъ неожидаемо и какъ можно поспѣшнѣе къ Святому Граду.

Приготовьтесь къ походу, къ битвамъ, и къ побѣдамъ. Сіе смѣлое изрѣченіе мужа

толь мудраго воспламеняетъ и ободряетъ каждаго. Всѣ готовы итти съ первыми лучами солнца, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ зари. Но прозорливый Готфридъ не безъ опасенія въ сердцѣ, хотя скрываетъ оное подъ спокойною наружностію.

Онъ получилъ извѣстіе, что Царь Египетскій вступилъ уже въ путь къ Газѣ, граду изобильному и крѣпкому, удобному для защиты предѣловъ Сирійскаго Царства. А потому воображаетъ, что Государь сей, подвижный и предпріимчивый, не останется бездѣйственъ. Для сего, ожидая имѣть въ немъ сильнаго себѣ врага, вѣрному посланнику своему Генриху вѣщаетъ:

Ступай, преплыви на легкомъ суднѣ въ Грецію: туда прибудетъ (какъ нѣкто нелживый человѣкъ меня увѣдомляетъ) юный Князь, храбрый, желающій соединиться съ нами. Онъ Датчанинъ, и ведетъ съ собою, даже изъ самыхъ сѣвернѣйшихъ странъ великое число войскъ.

Но какъ вѣроломный Греческій Царь употребитъ, можетъ быть, обыкновенныя свои хитрости, чтобъ обратить его назадъ, или устремить отважный полетъ его въ какую либо иную отдаленную отъ насъ страну; то ты, посолъ и наперсникъ мой истинный, отъ имени моего внуши ему, чтобъ, наблюдая свою и нашу пользу, по-

спѣшалъ сюда, и что всякое замедленіе будетъ его недостойно.

Самъ же ты не приходи съ нимъ, но останься у Греческаго Царя, требуя отъ него обѣщанной многократно помощи, и которую онъ по договорамъ долженъ намъ дать. Тако вѣщалъ: посолъ, выслушавъ слова его и наставленія, и получа довѣрительныя грамоты и пропускъ, спѣшитъ отправиться; Готфридъ же становится спокойнѣе.

На другой день, какъ скоро предъ лучезарнымъ солнцемъ отверзлися врата востока, раздался гласъ трубъ и бубновъ, зовущій каждаго воина въ путь. Не такъ пріятенъ въ знойные дни громъ, обѣщающій пролитіе дождя, какъ радостенъ былъ ярымъ воинамъ шумный звукъ воинскихъ орудій.

Всякъ, побуждаемый сильнымъ желаніемъ, спѣшитъ облечься въ обыкновенные свои доспѣхи. Мгновенно всѣ вооружаются; всѣ предъ лице вождей своихъ исходятъ; всѣ становятся въ строй, и знамена свои по вѣтру распускаютъ. На великой Царственной хоругви высоко въ воздухѣ вѣетъ побѣдоносный крестъ.

Между тѣмъ солнце восходитъ и течетъ отчасу выше по пространству небесъ: лучи его, отражаясь отъ оружій, производятъ мелькающіе блески, ослѣпляющіе очи. Воздухъ, наполненный искрами, кажется весь

горитъ. Ржаніе коней, смѣшанное съ бряцаніями потрясаемыхъ оружій, оглушаетъ долины.

Верховный Вождь, желая оградить войска свои отъ незапныхъ непріятельскихъ обмановъ, посылаетъ, для освидѣтельствованія всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, немалое число легкой конницы; отправляетъ напередъ работниковъ, которые бы пролагая путь, загромождали рвы, сглаждали крутизны, прорывали оплоты.

Да не будетъ нигдѣ толикаго скопища враговъ ни такой стѣны съ глубокимъ рвомъ, ни толь великой водотечи, или горы высокой, или лѣса дремучаго, кои могли бы проходу ихъ воспрепятствовать. Тако рѣка, многія другія рѣки въ себя пріемлющая, когда выше мѣры наводнится, выступаетъ съ яростію изъ береговъ своихъ, и ни что быстрому ея потоку противустать не дерзаетъ.

Одинъ Царь Трипольскій, въ крѣпко огражденныхъ стѣнахъ, людей и сокровища и оружіе хранящій, могъ бы остановить шествіе Франковъ; но онъ не осмѣлился объявить имъ войны. Напротивъ прислалъ къ нимъ пословъ съ дарами, и охотно пропустилъ ихъ чрезъ свои земли, согласясь на мирныя условія, какія отъ Готфрида благочестиваго были ему предложены.

Здѣсь, съ горы Сеира, высоко отъ востока надъ градомъ возносящейся, сошли толпами въ долину множество Христіянъ, обоего пола и разныхъ возрастовъ; они принесли дары свои побѣдителю: смотрятъ на него съ радостію, бесѣдуютъ съ нимъ, удивляются оружію пришельцевъ, и служатъ Готфриду надежными и вѣрными проводниками.

Онъ войско свое ведетъ всегда по морскому берегу прямыми путями, зная, что за нимъ по морю слѣдуютъ союзныя суда, везущія всякіе для снабженія войскъ его снаряды и припасы: онѣ нагружены хлѣбомъ, съ Греческихъ островов собираемымъ, и виномъ, въ каменистомъ Хіосѣ и Критѣ изъ винограда источаемымъ.

Стонетъ ближнее море подъ тягостію огромныхъ и малыхъ судовъ: не могутъ болѣе Сарацины съ безопасностію плавать по Средиземному морю; ибо сверхъ кораблей Святымъ Георгіемъ въ Генуѣ, и Святымъ Маркомъ въ Венеціи вооруженныхъ, Англія, Франція, Голландія и плодоносная Сицилія, прислали многіе другіе.

Всѣ они, крѣпчайшимъ союзомъ во едину волю соединенные, снабдили себя и запаслись въ разныхъ пристанищахъ всѣми потребными для сухопутныхъ войскъ припасами. Войска же, нашедъ переходъ черезъ

границу свободнымъ и невозбраннымъ, несутся скорыми стопами туда, гдѣ Спаситель Христосъ претерпѣлъ смерть.

Но вѣстовщица правдивыхъ и ложныхъ слуховъ, молва, предупреждаетъ ихъ: она гласитъ, что побѣдоносное воинство уже собралось, ужѐ двинулось, уже безпрепятственно приближается; исчисляетъ полки, называетъ имена Вождей, описуетъ ихъ доблести, подвиги, храбрость, и грозящая потрясаетъ ужасами сердца Сіонскихъ хищниковъ.

Ожиданіе зла есть зло едва ли нехуждшее, чѣмъ самое зло: при малѣйшемъ разнесшемся слухѣ всякъ протягиваетъ ухо, вперяетъ умъ свой, и смятенный шопотъ внутри и внѣ храминъ распространяется по устрашеннымъ градамъ и селамъ. Но въ подозрительномъ сердцѣ престарѣлаго Царя при наступающей опасности возстаютъ лютыя намѣренія.

Царь сей именуется Аладинъ. Новый обладатель Царства жилъ онъ въ безпрестанной заботѣ. Человѣкъ жестокій, но свирѣпый нравъ его нѣсколько смягченъ былъ старостію лѣтъ. Когда узналъ онъ, что Франки предпріемлютъ стѣны града его осадить, то присовокупя къ старому страху новыя подозрѣнія, боится и враговъ и подданныхъ своихъ.

Ибо во единомъ и томъже градѣ обитали противныхъ вѣръ народы: меньшая и слабѣйшая часть вѣрила во Христа, величайшая же и сильнѣйшая въ Магомета. Но когда Царь покорилъ Сіонъ и утвердилъ въ немъ престолъ свой, тогда многія народныя тягости съ нечестивыхъ своихъ снялъ и обременилъ ими нещастныхъ Христіянъ.

Сія мысль природную лютость, лѣтами смягченную и усыпленную, такъ вновь возбудила и раздражила, что пуще прежняго воспалила въ немъ жажду крови. Тако въ лѣтній зной воспріемлетъ ярость свою змія, въ зимнемъ хладѣ кроткая. Тако домашній левъ, когда раздраженъ бываетъ, возвращается къ природному своему свирѣпству.

Вижу, вѣщаетъ, возраждающіеся знаки радости въ семъ невѣрномъ народѣ. Онъ въ единомъ токмо общемъ вредѣ находитъ утѣшеніе; единыя токмо общія слезы приносятъ ему веселіе; и можетъ быть теперь о измѣнахъ и предательствахъ, какъ бы меня убить, или какъ бы врагамъ моимъ, друзьямъ своимъ, тайно отворить врата, коварно помышляетъ.

Но не будетъ сего. Предварю злыя ихъ намѣренія и гнѣвомъ моимъ гряну; погублю, истреблю ихъ; убію младенцевъ на персяхъ матерей ихъ. Сожгу домы, воспалю храмы ихъ; да сгорятъ тѣла̀ ихъ на сихъ кост-

рахъ, и жрецы ихъ, посреди молитвъ и пѣнія, да падутъ жертвою огня въ сихъ своихъ гробахъ.

Тако лютый въ сердцѣ своемъ разсуждаетъ. Однакожъ родившейся въ немъ злой мысли не послѣдовало исполненіе; но пощада сихъ невинныхъ произошла не отъ милосердія его, но отъ малодушія. Страхъ раждалъ въ немъ звѣрство, но другой сильнѣйшій страхъ укрощалъ оное: боится заградить пути къ примиренію и чрезмѣру раздражить побѣдительное непріятельское оружіе.

И такъ злосердый неистовую и буйную ярость свою погашаетъ, или паче инымъ изливаетъ ее образомъ: сельскія хижины разрушаетъ и плодоносныя пожигаетъ нивы; не оставляетъ ничего цѣлаго, гдѣ бы Франки укрыться и пропитать себя могли. Возмущаетъ источники и рѣки, и чистыя вѡды пагубнымъ заражаетъ ядомъ.

Люто предостороженъ; между тѣмъ не забываетъ укрѣплять Іерусалимъ. Съ трехъ сторонъ былъ уже онъ весьма крѣпокъ, и токмо отъ сѣвера нѣсколько меньше безопасенъ; но при первомъ страхѣ отъ нападенія ограждаетъ онъ слабую сторону его высокими стѣнами, и съ великою поспѣшностію наполняетъ многимъ числомъ своихъ и наемныхъ людей.

Конецъ первой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь вторая.

Между тѣмъ какъ мучитель готовится къ отпору, Исменъ во единъ день къ нему приходитъ, Исменъ, который изъ замкнутыхъ мраморныхъ гробовъ мертвое тѣло извлекать, и духъ въ него влагать и чувства можетъ; Исменъ, который шептаніями своими Плутона въ Царствѣ его устрашаетъ и демоновъ его, какъ рабовъ своихъ, куда хочетъ, посылаетъ.

Онъ былъ нѣкогда Христіянинъ, нынѣ же служитъ Магомету; но отъ прежней вѣры отстать еще не можетъ, и часто оба закона, въ обоихъ несвѣдущій, буйно и нечестиво смѣшиваетъ и злоупотребляетъ. Се изъ вертеповъ, гдѣ далеко отъ людей въ чародѣйственныхъ упражняется дѣяніяхъ, при общей опасности пришелъ онъ къ Господину своему, къ Царю злому Совѣтникъ злѣйшій.

Государь, вѣщаетъ, скоро приступитъ къ намъ страшное, побѣдоносное воинство; но исполнимъ, что намъ исполнить должно; Небо и свѣтъ мужающимся дадутъ помощь.

Ты, яко Царь, всяческая прозорливостію своею приготовилъ и устроилъ. Естьли всякъ такимъже образомъ должность свою исправитъ, то земля сія врагу твоему будетъ гробомъ.

Я съ моей стороны прихожу въ дѣлахъ твоихъ вспомоществовать тебѣ, и въ опасностяхъ твоихъ соучаствовать. Все, что престарѣлыя лѣта мои и чародѣйственная наука могутъ примыслить, обѣщаю тебѣ. Согнанныхъ съ небесъ духовъ призову къ содѣйствію съ нами; но какимъ образомъ хочу я начать волшебства мои, теперьже тебѣ повѣдаю.

Во храмѣ Христіянскомъ есть втайнѣ хранимый подземный олтарь; на немъ стоитъ образъ той, которую народъ сей обожаетъ и называетъ матерію Бога своего, рожденнаго и погребеннаго. Предъ образомъ симъ неугасаемо горятъ свѣщи; онъ одѣтъ покровомъ, и вокругъ его длинными рядами висятъ приносимые легковѣрною набожностію обѣты.

Хочу, чтобъ образъ сей оттолѣ былъ взятъ и собственною рукою твоею поставленъ въ твоей мечети. Я силою волхвованія моего сотворю, что доколѣ будетъ онъ храниться въ ней, до тѣхъ поръ врагамъ твоимъ погибельны будутъ сіи врата. Посредствомъ сего новаго и высокаго таин-

ства можешь ты въ необоримыхъ столицы твоей стѣнахъ пребывать спокойно.

Тако вѣщалъ и увѣрилъ его: Царь съ нетерпѣніемъ стремится въ церковь Божію, расторгаетъ священниковъ и святотатственною рукою похищаетъ изъ ней пречистый образъ, и несетъ его въ тотъ храмъ, гдѣ Небо часто на богопротивное поклоненіе со гнѣвомъ взираетъ: тамо, въ семъ нечестивомъ мѣстѣ, нечестивый волхвъ совершаетъ надъ святымъ образомъ богохульныя свои шептанія.

Но едва новою зарею освѣтились небеса, стражъ нечистаго храма сего не видитъ болѣе образа на томъ мѣстѣ, гдѣ оный былъ поставленъ, и тщетно ищетъ его повсюду. Тотчасъ увѣдомляетъ о томъ Царя, который при семъ извѣстіи воспаляется неукротимою яростію, и воображаетъ, что конечно кто нибудь изъ Христіянъ похитилъ его и у себя скрываетъ.

Неизвѣстно, подлинно ли то содѣлалось рукою правовѣрнаго, или небеса, не восхотѣвъ, чтобъ образъ Богоматери въ недостойномъ пребывалъ мѣстѣ, оказали въ томъ свое могущество. Сомнительная носилась молва, человѣческому ли то приписать дѣянію, или божескому чудотворенію. Поистиннѣ благочестиво, чтобъ человѣче-

ское усердіе и ревность отрицаясь, къ небесному относило то промыслу.

Съ великимъ гнѣвомъ повелѣлъ Царь всѣ молитвенныя мѣста и храмы Христіянскіе осмотрѣть, и кто укроетъ или объявитъ похищенный образъ или похитителя, страшную казнь или великую награду обѣщаетъ. Самъ волхвъ всѣми своими чародѣйствами домогается узнать о томъ, но тщетно: небеса (ихъ ли то было дѣло, или кого инаго) скрыли оное отъ всѣхъ его волшебныхъ гаданій.

Когда лютый Царь увидѣлъ, что никакими поисками не открывается то, въ чемъ подозрѣвалъ онъ Христіянъ, весь возгарается ненавистію къ нимъ, и дышетъ неутолимою яростію и злобою. Хочетъ, забывая всякое уваженіе (чегобъ то ни стоило) мстить имъ и весь свой гнѣвъ на нихъ излить. Да не грянетъ громъ мой праздно, вѣщаетъ, и въ общей погибели всѣхъ да погибнетъ безъизвѣстный похититель.

Да умретъ правый и невинный, лишь бы не спасся преступникъ. Но чтò я говорю правый? всякъ изъ нихъ виновенъ: нѣтъ между ими ни единаго, кто бы имени нашему былъ другъ. Естьли кто и невиненъ въ семъ новомъ преступленіи, то за старыя вины достоинъ новой казни. Возстаньте,

вѣрные мои, возстаньте; берите въ руки мечъ и пламень, жгите и убивайте.

Тако вѣщаетъ народу своему: слухъ сей мгновенно распространяется между Христіянами, и поражаетъ ихъ ужасомъ и удивленіемъ. Страхъ близкой смерти въ такое привелъ ихъ оцѣпенѣніе, что никто не помышляетъ ни о бѣгствѣ, ни о защитѣ, и не смѣетъ ни просить, ни оправдываться. Но устрашенные и нерѣшимые люди, откол̂ѣ всего меньше ожидали, получили спасеніе.

Дѣва была между ими уже въ зрѣломъ возрастѣ, высокихъ и Царскихъ мыслей исполненная, высокою красотою одаренная; но о красотѣ своей не пекущаяся, или пекущаяся токмо, поколику пристойно цѣломудрію. Главнымъ ея достоинствомъ было, что она въ тѣсныхъ стѣнахъ дома своего великое достоинство свое скрывала, и отъ взоровъ юношей, и отъ похвалъ ихъ и воздыханій удаляясь, жила уединенна и безвѣстна.

Но нѣтъ такого затвора, которой могъ бы отличную красоту совершенно укрыть, такъ чтобы никто на нее не смотрѣлъ и ей не удивлялся; ты не потерпишь сего, любовь, и откроешь ее страстнымъ желаніямъ юноши. Любовь, иногда слѣпая, иногда стоглазая, иногда съ завязанными, иногда съ отверстыми и острыми очами, ты

сквозь тысячи преградъ внутрь цѣломудреннѣйшихъ дѣвическихъ жилищъ взоры другихъ впускала.

Она Софроніею, онъ назывался Олиндомъ, оба изъ единаго града и единой вѣры. Онъ толь скромный, сколь она прекрасна, желаетъ много, надѣется мало, и ничего не требуетъ; не умѣетъ, или не смѣетъ открыться; она же или не смотритъ на него, или не видитъ, или не примѣчаетъ: такъ по сіе время, нещастный, служилъ или незримый, или мало знаемый, или худо вознагражденный.

Между тѣмъ носится вѣсть, что приближается часъ бѣдственнаго пораженія всего ихъ народа. Ей толикоже великодушной, колико и честной, приходитъ на мысль, какимъ бы образомъ спасти оный отъ погибели. Движетъ мужество великую мысль, но стыдъ и дѣвическая благопристойность останавливаютъ оную; мужество побѣждаетъ, или паче согласуется и дѣлается стыдливымъ, стыдъ же мужественнымъ.

Дѣва исходитъ и одна идетъ между народомъ, не сокрывая красотъ своихъ и не выставляя ихъ; обернутая въ покрывало, взоръ имѣя потупленный, идетъ скромно и величаво. Не знаешь, украшеніе или небрежность, случай или искуство, дали ей толь

прелестный видъ: природѣ, любви, небесамъ пріятныя небрежности ея суть искуственные наряды.

Обратившая на себя взоры всѣхъ, ни на кого не смотритъ, гордая дѣва, и къ Царю приходитъ. Гнѣвный видъ его не останавливаетъ стопъ ея, и предъ свирѣпое лице безтрепетно предстаетъ. Я пришла, Государь, вѣщаетъ ему (ты между тѣмъ укроти свой гнѣвъ и народъ твой обуздай), пришла открыть и выдать тебѣ искомаго тобою преступника, толико тебя оскорбившаго.

При честной смѣлости и незапномъ блескѣ красотъ важныхъ и невинныхъ, Царь почти смятенный, почти обезоруженный, укротился во гнѣвѣ своемъ и смирилъ свой гордый видъ. Естьли бы онъ душею, а она лицемъ была меньше сурова, то бы онъ воспалился къ ней любовію; но суровая красота суроваго сердца не прельщаетъ: однѣ токмо ласки суть искры любви.

То было удивленіе, была пріятность, было удовольствіе, естьли не была любовь, смягчившая сердце мучителя. Повѣдай мнѣ, вѣщаетъ онъ, повѣдай всю истину. Я обѣщаю пощаду Христіянскому твоему народу. Она отвѣтствуетъ, преступникъ стоитъ предъ тобою. Я, Государь, моею рукою по-

хитила образъ; я та, которую ты ищешь, и меня наказать ты долженъ.

Тако, да обратитъ общую погибель на себя единую, главу свою гордо предлагаетъ. Великодушная ложь! когда была такая прекрасная правда, чтобъ тебѣ предпочесться могла? Поколебался и не такъ скоро, какъ обыкновенно, возвратился къ ярости мучитель. Речетъ ей: открой мнѣ, кто тебѣ далъ совѣтъ, и кто былъ съ тобою?

Я никого не хотѣла ни малѣйшимъ сдѣлать въ славѣ моей соучастникомъ, отвѣтствуетъ она; единая знала о томъ, единая сама себѣ была совѣтница, сама исполнительница. Такъ на тебя единую, прервалъ онъ, упадетъ мстительный гнѣвъ мой? Справедливо, отвѣчаетъ она: когда мною единою совершенъ сей подвигъ чести, то и муки за него претерпѣть мнѣ единой должно.

Тутъ мучитель начинаетъ приходить въ ярость и вопрошаетъ ее: куда сокрыла ты образъ? Я не сокрыла его, отвѣтствуетъ дѣва, но сожгла; и сжечь его сочла похвальнымъ дѣломъ: покрайней мѣрѣ тако не можетъ онъ болѣе оскорбленъ быть рукою нечестивыхъ. Государь! или о похищенной вещи вопрошай, или о похитителѣ: той никогда ты не увидишь, сей стоитъ предъ тобою.

Хотя не есть это похищеніе, ниже я похитительница: праведно взять обратно то, что неправедно было взято. Слыша сіе, затрясся от ярости мучитель и воскипѣлъ грознымъ гнѣвомъ. Не находятъ болѣе пощады ни сердце чистое, ни умъ высокій, ни лице благородное, и тщетно любовь небесную красоту ея ставитъ щитомъ противъ лютаго гнѣва.

Берутъ прекрасную дѣву, и разсвирѣпѣвшій Царь осуждаетъ ее сжечь на кострѣ живую. Ужѐ совлечены съ нея покрывало и одежда; нѣжныя руки ея обременяются тяжкими веригами. Она молчитъ: твердая грудь ея не ужасается, но нѣсколько трепещетъ, и прекрасное лице ея покрывается не блѣдностію, но бѣлизною.

Разнесся слухъ о великомъ семъ случаѣ, и народъ отовсюду стекается. Приходитъ и Олиндъ. Сомнительна особа, но несомнительна казнь. Приходитъ при самомъ послѣднемъ часѣ своей возлюбленной. Какъ скоро онъ прекрасную узницу не токмо въ видѣ преступницы, но и на смерть осужденную узрѣлъ; какъ скоро исполнителей жестокаго повелѣнія къ дѣлу приступить готовыхъ увидѣлъ, ринулся въ безпамятствѣ толкать народъ.

Возопилъ Царю: не она, похитительница, напрасно тѣмъ хвалится; дѣла толь

важнаго ни думашь, ни смѣть, ни исполнить не могла женщина неопытная. Какъ обманула стражей, и какимъ способомъ похитила Святый Богомаперинъ образъ? Естьли сдѣлала то, пусть скажетъ, Я, Государь, похитилъ оный. Увы! толико то не любившую его любилъ пламенно.

По семъ присовокупилъ: я сдѣлалъ сіе ночью, зайдя непроходимыми путями съ той страны, гдѣ въ высотѣ мечети вашей есть отверстіе для воздуха и свѣта. Мнѣ честь сія, мнѣ и смерть принадлежитъ. Да не отниметъ дѣва сія мукъ моихъ у меня. Мои это цѣпи, для меня возжигается пламень, для меня костеръ сей приготовленъ.

Подъемлетъ Софронія главу, и человѣколюбиво-жалостными очами на него смотритъ. Почто пришелъ сюда, невинный и нещастный? Какая мысль, или какое изступленіе ума тебя сюда привело? Развѣ безъ тебя не могу я противустать всей гнѣва человѣческаго лютости? Есть и у меня грудь, которая одна умереть умѣетъ и сотоварищества не требуетъ.

Тако вѣщаетъ любящему; но не можетъ подвигнуть его, чтобъ онъ отъ словъ своихъ отрекся, или бы мысль свою премѣнилъ. О великое зрѣлище, гдѣ состязаются любовь и великодушіе, гдѣ побѣдитель возна-граждается смертію, а побѣжденный нака-

зуется дарованіемъ жизни! Но Царь тѣмъ болѣе раздражается, чѣмъ болѣе упорствуютъ они въ обвиненіи каждой себя.

Онъ почитаетъ то оскорбительнымъ для себя, и мнитъ, что изъ презрѣнія къ нему презираютъ они мученія. Повѣримъ обоимъ, вѣщаетъ, пусть оба будутъ побѣдители и увѣнчаются приличными имъ лаврами. По семъ указуетъ на юношу, и скорые служители тотчасъ возлагаютъ на него оковы. Оба они къ единому столбу прикованы, обращенные хребетъ ко хребту, лицами же отвращенные.

Вокругъ ихъ обложенъ уже костеръ дровъ, и пламя къ возженію приближено. Тогда юноша возстеналъ горько и рекъ соединенной съ нимъ: сіи-то суть узы, коими надѣялся я быть въ жизни сопряженъ съ тобою? Сей-то есть огнь, которымъ льстился я, что сердца наши будутъ взаимно горѣть.

Иной пламень, иныя цѣпи обѣщала намъ любовь, иныя приготовила злая судьба. Долго, ахъ, долго раздѣляла насъ она, но теперь жестокосердымъ образомъ соединяетъ въ смерти. По крайней мѣрѣ пріятно мнѣ, когда уже ты толь необычайно и бѣдственно умереть долженствуешь, быть сотоварищемъ твоимъ на семъ кострѣ, естьли не могъ быть онымъ на ложѣ твоемъ. Плачу

о твоей участи; о моей же, умирая подлѣ тебя, веселюся.

О коль смерть мою почелъ бы я щастливою, коль муки мои были бы сладки, когда бы соединенный съ тобою грудь съ грудью могъ я душу мою въ уста твои пролить! И когда бы ты въ тоже время, испуская въ меня послѣднее дыханіе свое, духъ мой имъ усладила! Тако вѣщаетъ рыдая. Она же съ ласкою отвѣчаетъ и сими словами увѣщеваетъ его:

Другъ мой, иныхъ жалобъ, иныхъ мыслей о важнѣйшемъ предметѣ требуетъ время: почто не помышляешь о грѣхахъ твоихъ? Почто не представляешь себѣ великой награды, какую Богъ обѣщаетъ добрымъ? Терпи во имя Его. Услаждайся мученіями, и да паритъ душа твоя съ веселіемъ въ горнія селенія. Смотри, какъ прекрасно небо, смотри на солнце: оно кажется манитъ насъ къ себѣ и утѣшаетъ.

Сіи слова у невѣрнаго народа исторгли слезы; плачутъ и вѣрные, но гласомъ тишайшимъ. Нѣкое необычайное соболѣзнованіе проницаетъ и въ жестокосердую грудь Царя: онъ почувствовалъ то, и прогнѣвался: не хочетъ умилосердиться и отвратя очи уходитъ. Ты одна, Софронія, въ общей печали не печалишься, и оплакиваемая всѣми не плачешь.

Между тѣмъ какъ они въ сей опасности пребываютъ, се появляется воинъ (таковымъ онъ казался) высокаго сана и достоинства; по одеждѣ и оружїю чужестранецъ, изъ далекихъ странъ прибывшїй. Тигръ, на шлемѣ изображенный, всѣхъ очи къ себѣ привлекаетъ, славный знакъ, носимый въ военное время Клориндою; почему считаютъ, что это она, и въ томъ не обманываются.

Она всѣ женскїя упражненїя и навыки отъ самыхъ юныхъ лѣтъ презирала: къ Арахнинымъ работамъ, къ иглѣ, къ веретену не удостоивала склонять гордую руку; убѣгала мягкихъ одеждъ и тѣсныхъ храминъ: честь и въ полѣ сохранять можно: вооружила гордостїю лице и восхотѣла сдѣлать его суровымъ; но и суровое нравилось.

Юная еще дѣтскою рукою обуздывала и усмиряла конскую прыть. Носила мечъ и копїе, и члены свои въ игранїяхъ и борьбахъ укрѣпила и прїучила къ проворству и гибкости. Послѣ того по горамъ и лѣсамъ за лютыми гонялась медвѣдями и львами. Въ войнахъ ратовала, и въ нихъ, и въ лѣсахъ, звѣремъ казалась человѣку, человѣкомъ звѣрю.

Она изъ Персидскихъ прїѣхала странъ съ намѣренїемъ противустать Христїянскимъ силамъ; она ужѐ и прежде членами ихъ устилала брега и кровь ихъ мѣшала съ

водою. Се при въѣздѣ во градъ представляется взорамъ ея уготованная казнь. Любопытная знать, за какую вину осуждены преступники, она понуждаетъ коня своего въ передъ.

Раздаются толпы: она останавливается посмотрѣть вблизи на двухъ вмѣстѣ связанныхъ узниковъ. Видитъ, что одна молчитъ, другой стонетъ, и слабѣйшій полъ являетъ въ себѣ больше твердости. Видитъ его плачуща, не отъ боли, но отъ сожалѣнія, и не о себѣ самомъ, но о другомъ; а се въ молчаніи устремившу на небо очи, такъ что прежде смерти казалась ужѐ она быть вознесшеюся отъ земли.

Клоринда сжалилась, и соболѣзнуя объ нихъ обоихъ, пролила нѣсколько слезъ; но больше печалится о той, которая безпечальна, и больше чувствуетъ сожалѣнія къ молчащей, нежели къ плачущему. Тотчасъ обращается къ стоявшему подлѣ ней сѣдому старцу: скажи мнѣ, кто сіи узники, и по какой винѣ или судьбѣ своей осуждены на смерть?

Тако вопрошаетъ: сей на вопросъ ея отвѣтствуетъ кратко, но ясно. Она, слыша то, удивляется и заключаетъ, что оба они равно невинны. Полагаетъ въ сердцѣ своемъ избавить ихъ отъ смерти, прозьбою или оружіемъ. Немедленно приближается къ

пламени, и ужè начинающее пылать, велитъ погасить, и тако вѣщаетъ служителямъ:

Ни кто изъ васъ да не исполнитъ повелѣннаго, доколѣ не объяснюсь я съ Царемъ: увѣряю васъ, что онъ не обвинитъ вашу медленность. Служители повинуются, важностію величественнаго вида ея убѣжденные. Посемъ она спѣшитъ къ Царю, и находитъ его на пути, на встрѣчу къ ней идущаго.

Я Клоринда, вѣщаетъ; можетъ быть, слыхалъ ты имя мое; и пришла сюда защищать съ тобою, Государь, общую нашу вѣру и твое Царство. Повели, я готова на всякій подвигъ: грозныхъ не страшусь, смиренныхъ не оскорбляю. Въ полѣ открытомъ, или въ стѣнахъ града употребить меня хочешь? ни отъ чего не отрицаюсь.

Умолкла, и Царь отвѣтствуетъ: какая столь отдаленная отъ Азіи, или отъ солнечнаго пути, есть страна, до которой бы честь имени твоего, знаменитая дѣва, и слава твоя не достигла? Нынѣ, когда мечь твой соединится съ моимъ, никакой опасности я не страшуся. Ни какое присоединившееся къ полкàмъ моимъ великое воинство не могло бы меня столько утѣшить и обнадежить.

Ужè, кажется мнѣ, желалъ бы я ускорить медленность Готфридова сюда прише-

ствія. Ты просишь, чтобъ тебя употребить: я однѣ токмо трудныя и важныя порученія почитаю тебя достойными. Избираю тебя верховною повелительницею войскъ моихъ; воля твоя да будетъ имъ законъ. Тако рекъ: она благодаритъ его за похвалы, и снова начинаетъ вѣщать:

Необычайно, конечно, покажется тебѣ желаніе мое прежде заслугъ получить награду; но я надѣюсь на твое снисхожденіе. За будущую службу мою воздай мнѣ освобожденіемъ тѣхъ двухъ преступниковъ; прошу ихъ у тебя въ даръ. Когда вина ихъ не точно извѣстна, то судъ надъ ними немилосердъ; но я умалчиваю о томъ, равно какъ и о признакахъ, по коимъ почитаю ихъ невинными.

Скажу только: здѣсь общее всѣхъ мнѣніе, что Христіяне похитили образъ; но я различно съ вами думаю, и не безъ важной причины въ томъ удостовѣряюсь. Волхвъ присовѣтовалъ дѣло, противное нашему закону: неприлично въ храмахъ нашихъ быть кумирамъ, и еще кумирамъ чуждымъ.

И такъ я чудо похищенія отношу къ Магомету: онъ то сотворилъ, да покажетъ, что храмовъ его новымъ закономъ заражать не должно. Пусть Исменъ чародѣйствуетъ, какъ хочетъ; его дѣло вмѣсто оружія употреблять волшебство; мы воины дѣйствуемъ

мечемъ: наше то искуство, и на него единаго да уповаемъ.

Рекла и умолкла: Царь же хотя разгнѣваннымъ сердцемъ не легко преклоняется на милость, однако въ угодность ей соглашается, частію доказательствами, частію же силою прозьбы ея убѣжденный. Да получатъ, отвѣтствуетъ, жизнь и свободу; толикому ходатаю ни что да не откажется. Правосудіе ли то, или прощеніе, невинныхъ освобождаю ихъ и преступныхъ дарю.

Тако снимаются съ нихъ узы. Щастливъ поистиннѣ былъ жребій Олиндовъ, подавшій ему случай показать то, чѣмъ наконецъ въ благодарномъ сердцѣ возбудилъ онъ любовь. Отъ костра идутъ они къ браку: не токмо въ немъ преступникъ превращается въ жениха, но и любящій въ любимаго. Она соглашается, когда ужѐ онъ не умеръ съ нею, жить съ нимъ.

Но подозрительный Царь почитаетъ опаснымъ толикую соединенную добродѣтель имѣть близко себя; по волѣ его оба они высылаются изъ Палестины. Многіе и другіе правовѣрные по жестокому опредѣленію его изгоняются въ заточеніе. О съ какою печалію оставляютъ они малыхъ дѣтей, сѣдыхъ отцовъ, и сладкія ложи!

Горькая разлука: онъ изгоняетъ токмо крѣпкихъ тѣломъ и твердыхъ умомъ; сла-

бый же полъ и нѣжный возрастъ оставляетъ при себѣ залогомъ. Многіе пошли скитаться; другіе возстали противъ него: гнѣвъ побудилъ ихъ сдѣлать больше, нежели страхъ. Сіи пристали къ Франкамъ, соединясь съ ними въ то самое время, когда они вошли въ Эмаусъ.

Эмаусъ есть градъ, недалеко отъ царственнаго Іерусалима отстоящій: человѣкъ, изшедшій поутру, обыкновеннымъ шагомъ приходитъ туда къ вечеру. О какъ слышать сіе Франкамъ пріятно! О какъ нетерпѣливое желаніе ихъ чрезъ то возрасло и увеличилось! Но верховный Вождь, видя, что солнце спустилось уже съ полуденной высоты, повелѣлъ ставить шатры.

Поставили ихъ, и уже горящее дневное свѣтило близилось погрузиться въ воды, какъ вдругъ появляются два знаменитые мужа, поступками и одѣяніемъ необычайные. Всѣ ихъ дѣйствія означали миролюбивый приходъ ихъ къ верховному Вождю. То были послы Великаго Царя Египетскаго, сопровождаемые многими вокругъ всадниками и слугами.

Единъ изъ нихъ, именемъ Алетъ, въ низкомъ состояніи отъ подлаго отца рожденный; но возвысили его на первыя степени чести плодовитый и льстивый и лукавый языкъ, услужливые поступки, и гибкій, из-

ворошливый умъ, искусный въ притворствѣ, тонкій въ обманахъ. Великій сплетатель клеветъ, толь хитро украшенныхъ, что суть обвиненія, а кажутся похвалами.

Другой Черкесъ Аргантъ, чужеземецъ, къ Царскому Египетскому двору пришедшій, и до высокаго сана въ чинахъ воинскихъ достигшій. Нетерпѣливый, свирѣпый, гордый, въ трудахъ неутомимый, въ оружіи непобѣдимый, всякаго Бога презритель, полагающій законъ и правду въ единомъ мечѣ своемъ.

Просятъ, чтобъ ихъ представить, и оба предъ лице славнаго Готфрида приводятся: они находятъ его на простомъ стулѣ, въ небогатомъ одѣяніи, между Полководцами своими сѣдящаго; но истинное мужество, безъ всякой пышности, само собою великолѣпно и свѣтло. Малый знакъ почтенія изъявилъ ему Аргантъ, какъ человѣкъ самъ великій и никому неуступающій.

Но Алетъ, руку къ персямъ прижавъ, преклонилъ главу и очи потупилъ на землю, и почтилъ его въ полной мѣрѣ всѣми употребительными въ народѣ своемъ знаками уваженія. Потомъ началъ слово, и потекли изъ устъ его сладкія рѣки краснорѣчія. Франки знали уже Сорійскій языкъ, и потому рѣчь его ясно понимали.

О! единъ достойный, коего сіе знаменитое великихъ мужей собраніе удостоиваетъ

своимъ повиновеніемъ, яко Вождя, котораго мужество и разумъ увѣнчали оное толиками лаврами и оливами. Имя твое, не оставшееся за предѣлами столповъ Геркулесовыхъ, возгремѣло и между нами; и слава по всѣмъ концамъ Египта разнесла громкую о храбрости твоей молву.

Нѣтъ между столькими ни единаго, кто бы не слыхалъ о тебѣ и не дивился дѣламъ твоимъ, какъ нѣкоему необычайному чуду. Царь же мой не съ однимъ удивленіемъ тому внимаетъ, но вмѣстѣ и съ удовольствіемъ; и часто охотно о томъ разговариваетъ, любя въ тебѣ то, чему другіе завидуютъ и боятся. Любитъ въ тебѣ храбрость твою, и сердечно желаетъ соединиться съ тобою любовію, естьли не закономъ.

Толь благою причиною побуждаемый проситъ у тебя дружбы и мира. Средство же взаимнаго союза вашего да будетъ добродѣтель, когда не можетъ быть вѣра. Но какъ онъ слышалъ, что ты вооружился свергнуть друга его съ Престола, то восхотѣлъ, чтобъ прежде, нежели послѣдуетъ изъ того какое либо зло, чрезъ насъ мысль его была тебѣ открыта.

Мысль же его есть такая, чтобъ ты удовольствовался тѣмъ, что пріобрѣлъ оружіемъ, оставя въ покоѣ Іудею и прочія

области, подъ кровомъ Царства его находящіяся. Онъ напротивъ обѣщаетъ твою не твердую еще державу утвердить; и естьли вы двое заключите между собою союзъ, то могутъ ли Турки и Персы имѣть надежду когда либо усилиться?

Государь, въ краткое время великія подѣлалъ ты дѣла, которыхъ долгіе вѣки не забудутъ: войска, грады побѣдилъ и покорилъ, непреодолимые труды преодолѣлъ, непроходимые пути прешелъ, такъ что громкая о томъ молва привела въ трепетъ и удивленіе всѣ окрестныя и отдаленныя области; и хотя можешь ты новыя пріобрѣсть Царства, но пріобрѣсть новой себѣ славы не можешь.

Слава твоя взошла на самый верхъ высоты, и отнынѣ сомнительныхъ браней убѣгать тебѣ должно; ибо когда ты побѣдишь, прибавится только Царство твое, слава же твоя отъ того не возрастетъ; но покоренныя и взятыя прежде области, и честь свою потеряешь, естьли противное тому случится: дерзкая и неблагоразумная игра щастія поставлять противъ малаго и невѣрнаго, вѣрное и многое.

Но совѣтъ того, кому можетъ статься непріятно, чтобъ другой завоеванія свои долго сохранялъ; удачные твои во всякомъ предпріятіи успѣхи, и то естественное

желаніе, всегда въ сердцахъ великихъ людей наиболѣе пламенѣющее, чтобъ имѣть многіе народы своими подданными и данниками, побудятъ, можетъ быть, тебя уклоняться отъ мира, больше нежели иной уклоняется отъ войны.

Убѣдятъ тебя продолжать путь, судьбою толь широко для тебя отверстый; не отлагать сего славнаго, во всякой брани побѣдоноснаго меча, доколѣ не падетъ законъ Магометанскій, доколѣ Азія не опустошится тобою. Сладкія для слуха рѣчи, и сладкіе обманы, изъ коихъ часто чрезвычайныя раждаются бѣдствія.

Но ежели вражда не ослѣпляетъ очей твоихъ, ежели свѣтъ разсудка твоего не помраченъ ею, то увидишь, что продолжая войну, ты больше имѣешь причины опасаться, нежели надѣяться. Щастіе на свѣтѣ непостоянно и перемѣнчиво; иногда посылаетъ оно къ намъ благіе, иногда злые случаи. Необычайные и высокіе полеты обыкновенно подвержены бываютъ стремительнымъ паденіямъ.

Скажи мнѣ, естьли возстанетъ противъ тебя Египетъ, златомъ и оружіемъ и мудростію могущественный; и естьли случится, что снова пойдетъ на тебя войною и Персъ и Турокъ, и сынъ Кассановъ, какія толь великому гнѣву противупоставишь силы, или

гдѣ найдешь убѣжище? Можетъ быть полагаешь ты надежду свою на строптиваго Царя Греческаго, съ которымъ соединенъ ты священнымъ союзомъ?

Греческая вѣрность кому неизвѣстна? Изъ единой измѣны познай другія; или лучше изъ тысячи, ибо тысячу сѣтей ставилъ вамъ народъ вѣроломный и корыстолюбивый. Итакъ кто недавно воспрепятствовалъ вашему шествію, тотъ теперь жизнію своею за васъ пожертвовать не отречется? Кто общіе для всѣхъ пути возбранилъ вамъ, тотъ нынѣ кровь свою принесетъ вамъ въ даръ?

Но, можетъ быть, надѣешься ты на сіи войска твои, окрестъ тебя собранныя? Тѣхъ, коихъ побѣдилъ ты раздѣленныхъ, думаешь и вмѣстѣ совокупленныхъ также легко побѣдить, хотя уже полки твои отъ битвъ и трудовъ весьма уменьшились, ты видишь это самъ; и хотя новый непріятель противъ тебя возстаетъ, и Турки и Персы съ Египтянами соединяются.

Буде же ты почитаешь себя по уставу судебъ такимъ, что никогда желѣзо побѣдить тебя не можетъ; согласимся и на то: пускай опредѣленіе небесъ будетъ такое, какимъ тебѣ угодно его мечтать. Побѣдитъ тебя голодъ. Сему злу чѣмъ поможешь? Какой поставишь противъ него оплотъ? Мечи

и копья твои не отразятъ его; надъ нимъ ты не одержишь побѣды.

Предосторожная рука жителей всѣ окрестныя поля сожгла и опустошила, и собранные съ нихъ плоды въ высокія башни и твердыя ограды заперла за нѣсколько дней до твоего прихода. Ты, доселѣ смѣло сюда шедшій, чѣмъ продовольствуешь коней твоихъ и всадниковъ? Скажешь: флотъ моремъ привезетъ припасы. Такъ жизнь твоя поручена вѣтрамъ?

Развѣ щастіе твое и вѣтрами повелѣваетъ, и по произволенію своему велитъ имъ быть, или не быть? Развѣ море, не внемлющее ни чьимъ прозьбамъ и жалобамъ, тебѣ единому повинуется и волю твою исполняетъ? Или развѣ не могутъ наши корабли, съ Персидскими и Турецкими соединенные, составить такой силы, которая бы симъ твоимъ судамъ воспротивиться могла?

Сугубую, Государь, побѣду одержать тебѣ потребно, чтобъ съ честію выти изъ сего предпріятія. Напротивъ единая потеря великій принесетъ тебѣ стыдъ, и еще бо́льшій вредъ. Естьли наша морская сила преодолѣетъ твою, войско твое здѣсь умретъ отъ глада: естьли же здѣсь претерпишь ты пораженіе, корабли твои безполезно будутъ побѣдителями.

И такъ, ежели при таковыхъ обстоя-

тельствахъ не пожелаешь ты быть въ мирѣ и тишинѣ съ великимъ Царемъ Египетскимъ (да позволится сказать правду), таковое твое упорство не согласно будетъ съ высокими твоими доблестями. Но да подастъ небо, чтобъ мысль твоя перемѣнилась, естьли на войну обращена, и чтобъ противное тому послѣдовало: да успокоится Азія отъ битвъ, и да насладишься ты плодами побѣдъ своихъ.

И васъ, равныхъ ей въ опасности и въ трудахъ и въ славѣ сотоварищей, да не обманетъ столько благопріятство щастія, чтобъ вы пожелали новую призывать на себя войну. Но надлежитъ вамъ, подобно кормщику, приведшему корабли свои отъ морскихъ бурь въ желанное пристанище, убрать свои вѣтрила, и снова свирѣпому не ввѣряться морю.

Тутъ умолкъ Алетъ; за рѣчью его послѣдовалъ тихій храбрыхъ мужей ропотъ, и въ движеніяхъ ихъ примѣтно было явное негодованіе. Верховный Вождь обвелъ три и четыре краты взоры свои вокругъ всего собранія сподвижниковъ своихъ, читая на лицахъ ихъ, и потомъ обратилъ оные на того, кто ожидалъ отвѣта, и тако рекъ ему:

Посолъ! Велерѣчиво предложилъ ты намъ индѣ вѣжливое, индѣ грозное требованіе. Ежели Царь твой любитъ насъ и подвиги

наши хвалитъ, благодарствуемъ ему, и любовь его намъ пріятна. Чтожъ принадлежитъ до той части, гдѣ угрожаешь ты намъ войною всего соединеннаго Магометанства, изреку тебѣ, какъ мнѣ обычно, свободныя чувства мои простыми словами.

Знай, что по сіе время столько претерпѣли мы на земли и на морѣ, при свѣтѣ и мракѣ, для того единственно, дабы отворить себѣ путь къ тѣмъ славнымъ и священнымъ стѣнамъ, освобожденіемъ коихъ изъ толь тяжкаго рабства уповаемъ снискать милость и благодать отъ Бога. Никогда для толь высокой цѣли не пожалѣемъ мы жертвовать ни честію земною, ни жизнію и Царствомъ.

Не алчность къ злату и честолюбіе внушили намъ сіе предпріятіе. Да исторгнетъ Отецъ Небесный изъ груди нашей сію язву, естьли она въ комъ либо гнѣздится; да не потерпитъ, чтобъ кто нибудь изъ насъ растилъ ее въ себѣ и утучнялъ сладкимъ ядомъ, которой нравясь убиваетъ; но рукою благодати своей да коснется и смягчитъ всякое зараженное ею жестокое сердце.

Сія рука его подвигла и ведетъ насъ, всякую трудность и опасность предъ нами изглаждая. Она низлагаетъ горы, изсушаетъ рѣки, отъемлетъ зной у лѣта, и хладъ у зимы; усмиряетъ свирѣпыя морскія волны;

она стремитъ и обуздываетъ ярые вѣтры; ею высокія стѣны отверзаются и горятъ; ею многочисленные полки разрушаются и погибаютъ.

Отселѣ раждается отважность, отселѣ надежда наша; а не отъ бренныхъ и слабыхъ нашихъ силъ; не на оружіе наше уповаемъ, не на войска, ниже на весь Греческій народъ. Естьли она не отвратится и не оставитъ насъ, то ни въ комъ и ни въ чемъ не имѣемъ мы недостатка: кто знаетъ, какъ она разитъ и защищаетъ, тому ни въ какой иной помощи нѣтъ нужды.

Но естьли она по грѣхамъ нашимъ, или по неисповѣдимому суду Божію, лишитъ насъ высокой своей помощи, то кто и тогда не похочетъ изъ насъ погребенъ быть тамъ, гдѣ Бога нашего тѣло погребено? Умремъ, не позавидуемъ живымъ; умремъ, но не умремъ неотмщенны; не будетъ Азія смѣяться нашей погибели, ниже мы плакать о своей смерти.

Не мни, чтобъ мы убѣгали отъ мира, какъ страшатся и убѣгаютъ отъ войны кровавой; дружба Царя твоего намъ пріятна, и быть въ союзѣ съ нимъ мы не отрицаемся. Но подвластна ли Царству его Іудея, ты это знаешь. Почто же столько заступается онъ за нее? Покорять державы дру-

тихъ не воспрещай онъ намъ, и владычествуй въ землѣ своей тихо и мирно.

Тако отвѣтствовалъ: отвѣтъ его породилъ ярость въ гнѣвномъ Аргантовомъ сердцѣ; онъ не скрылъ сего; но съ пѣнящимися устами выдвинулся въ передъ, и тако рекъ: кто не хочетъ мира, тому да объявится война; брань не чуждое намъ дѣло; и когда ты на первыя наши слова не согласился, то знакъ, что отрицаешься отъ мира.

Тутъ окинулъ онъ себя полою плаща своего и согнулъ его такъ, что составилъ изъ него себѣ грудь, и грудь высокую; потомъ, паче прежняго презорливъ и гнѣвенъ, тако рѣчь свою продолжалъ: о презритель самыхъ опаснѣйшихъ предпріятій, въ сей груди и миръ и войну тебѣ предлагаю: рѣшись, избери немедленно то или другое.

Сей гордый видъ его и грубыя слова побудили всѣхъ, прежде нежели отъ верховнаго Вождя данъ былъ отвѣтъ, воскликнуть единогласно: войну! Распахнулъ тогда грудь свою свирѣпый Аргантъ, и потрясая одѣяніемъ, рекъ: война вамъ кровавая! Онъ изрекъ сіе съ такимъ яростнымъ и злобнымъ видомъ, что казалось отворилъ затворенный храмъ Янусовъ.

Казалось, что отверзши грудь свою, извлекъ изъ ней и лютость и вражду неукротимую: въ очахъ его разъяренныхъ пылалъ

великій пламень Алекшы и Мегеры. Таковъ, можешъ бышь, былъ шошъ, кшо высокій прошивъ небесъ воздвигнулъ сшолпъ; въ шакомъ видѣ зрѣлъ его Вавилонъ, подъемлющаго чело и угрожающаго звѣздамъ.

Тогда вѣщаешъ Гошфридъ: ошнесише ошвѣшъ нашъ Царю вашему и скажише ему, чшо войну, коею вы грозише намъ, мы пріемлемъ, и чшобъ онъ поспѣшалъ сюда своимъ приходомъ; есшьли же не придешъ, шо ожидалъ бы насъ на брегахъ Нила. Посемъ съ великою ласкою и учшивосшію ошпусшилъ ихъ, и почшилъ избранными дарами. Алешу далъ богашый шлемъ, въ Никеѣ между прочими сокровищами взяшый.

Арганшъ получилъ мечъ: ошличный художникъ злашое яблоко и рукояшь его усыпалъ драгоцѣнными каменьями, и шакое упошребилъ искусшво, чшо богашсшво вещесшва цѣною усшупало изящесшву рабошы. Когда Арганшъ красошу и многоцѣнносшь меча сего осмошрѣлъ, шо сказалъ Гошфриду: скоро увидишь, на какое дѣло упошреблю я даръ швой.

По взяшіи же ошпуска вѣщалъ онъ шоварищу своему: пойдемъ шеперь, я въ Іерусалимъ, а шы въ Египешъ; шы съ солнечными лучами, а я съ ночнымъ мракомъ: не нужно ни мое присушсшвіе, ни мое писаніе шамъ, куда шы идешь; ошнеси шы ошвѣшъ;

я не хочу удаляться оттуда, гдѣ горитъ брань.

Тако изъ посла дѣлается врагомъ. Здраво ли, или не здраво разсуждаетъ; оскорбляетъ ли народное право и древній обычай, или нѣтъ; ни на что не смотритъ. Не дождавшись отвѣта, идетъ при безмолвномъ блистаніи звѣздъ къ высокимъ вратамъ, горя нетерпѣливостію выступить въ бой. Но и тѣ, кои остались, не меньше его ожидаютъ разсвѣта.

Ночь покрывала землю, въ глубокомъ покоѣ были моря и вѣтры; казалось, вся вселенная молчитъ; утомленныя твари, и тѣ, что на днѣ бурныхъ озеръ и морей обитаютъ, и тѣ, что въ пещерахъ и логовищахъ прячутся, и злопёрыя птицы, всѣ, подъ кровомъ безмолвія и мрака, предавались безпечному и сладкому сну.

Но ни станъ правовѣрныхъ, ни Вождь ихъ, не побѣждаются сномъ, ниже дремотою: толь сильно желаніе ихъ, да возсіяетъ ожидаемая ими радостная заря, и да покажетъ имъ путь ко граду, куда они всѣ мысли свои устремляя, время отъ времени поглядываютъ, не просіяваетъ ли небо, не исчезаетъ ли мракъ ночи.

Конецъ второй пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь третія.

Уже предшественница заря возстала возвѣстить приходъ денницы, которая между тѣмъ украшалася и златую главу свою райскими разцвѣчала розами, когда въ войскѣ, облачавшемся въ оружіе, повторялись звонкіе гулы и клики, предупреждавшіе гласъ трубъ, отъ коихъ раздались потомъ согласнѣйшіе и веселѣйшіе звуки.

Мудрый Вождь кроткимъ повелительствомъ управляетъ и руководствуетъ ихъ желаніями, толико пылкими, что скорѣе, чѣмъ имъ, можно воспрепятствовать теченію окружающихъ Харибду водъ, или остановить бурный вѣтръ, когда онъ вершины Апенина колеблетъ, и корабли въ морѣ потопляетъ. Готфридъ устрояетъ ихъ и выступаетъ съ ними въ путь, по гласу орудій, устремляющему стопы ихъ быстро, но быстро съ порядкомъ.

Каждаго изъ нихъ сердце и ноги летятъ на крыльяхъ, и какъ ни скоръ походъ ихъ, они того не чувствуютъ. Но когда солнце востекло на высоту, отколѣ ярчайшими

лучами сухія попаляетъ нивы, се появляется Іерусалимъ; се тысячами перстовъ указуется Іерусалимъ; се единогласнымъ восклицаніемъ поздравляется Іерусалимъ.

Тако смѣлые мореплаватели въ опасныхъ моряхъ, подъ безвѣстнымъ полюсомъ, чуждыхъ земель ищущіе, и съ обманчивыми вѣтрами и ярыми волнами борющіеся, когда наконецъ вожделѣнный брегъ усмотрятъ, издалека веселымъ крикомъ привѣтствуютъ его, и одинъ другому указываютъ, и всю прежнюю скуку и тягость жизни забываютъ.

Великой радости, отъ какой при первомъ видѣ сердце каждаго сладко трепетало, послѣдовала нѣкая задумчивость, чувство страха и благоговѣнія въ себѣ соединяющая: едва дерзаютъ возводить очи на градъ, который Христосъ избралъ Своею обителію, гдѣ Онъ умеръ, погребенъ, и воскресъ.

Тихія молитвы, умиленные шопоты, прерывныя рыданія и тяжелые вздохи людей, купно веселящихся и плачущихъ, наполняли окружный воздухъ такимъ легкимъ шумомъ, какой слышится въ густыхъ лѣсахъ, когда вѣтръ вѣтви ихъ помаваетъ, или когда плещущія о скалы или берега морскіе стонутъ волны.

Всѣ босыми идутъ ногами, примѣру Вождей своихъ въ томъ послѣдуя. Шелкъ,

и злато, и шлемы съ пышными перьями, всякъ съ главы своей слагаетъ; и вмѣстѣ съ гордымъ одѣяніемъ гордости сердца своего совлекаясь, въ благочестивомъ плачѣ утопаетъ. Даже каждый, самъ себя аки бы въ недостаткѣ слезъ обвиняя, тако вѣщаетъ:

Господи! Гдѣ Ты пречистой крови Твоей ручьями обагрилъ землю, тамъ ли съ тяжкимъ воспоминаніемъ изъ двухъ живыхъ источниковъ моихъ не пролью я по крайней мѣрѣ горькихъ слезъ? Каменное сердце мое, почто не превратишься въ слезы и не вытечешь изъ очей моихъ? Жестокое сердце мое, естьли днесь не сокрушишься ты и не восплачешь, вѣчно достойно ты плакать.

Между тѣмъ единъ изъ гражданъ Іерусалимскихъ, поставленный стражемъ на высокой вѣжѣ, отколѣ далеко видны поля и горы, зритъ подъемлющуюся въ низу пыль, подобно густому облаку носящемуся въ воздухѣ; кажется оно сверкаетъ и горитъ, аки бы пламенемъ и молніями чреватое. Скоро потомъ блистаніе лучезарныхъ оружій видитъ, и людей и коней усматриваетъ.

Тогда восклицаетъ: о какую вижу я въ воздухѣ пыль! О какъ она блистаетъ! Скорѣе, скорѣе, граждане, къ оружію! къ оборонѣ! востекайте на стѣны. Се идутъ враги! гласъ сей повсюду повторяется. Всякъ

спѣшитъ, хватаетъ оружіе. Всѣ возглашаютъ: вонъ непріятель! Смотри, какимъ облакомъ пыли затьмилось небо!

Невинныя дѣти и дряхлые старцы, и устрашенный полъ женскій, неспособныя ни къ нападенію, ни къ оборонѣ, влекутся молящіяся и плачущія въ мечети; другіеже, тѣломъ и духомъ крѣпчайшіе, текутъ съ оружіемъ въ рукахъ, иные къ высокимъ вратамъ, иные на стѣны: Царь выходитъ къ нимъ, смотритъ, распоряжаетъ.

Даетъ повелѣнія свои, и потомъ, дабы ближе быть отовсюду, отходитъ на стоящую между двумя вратами вѣжу, возвышающуюся надъ равнинами и укрѣпленными высотами. Онъ повелѣваетъ, чтобъ шла съ нимъ туда Эрминія, Эрминія прекрасная, которую принялъ онъ къ себѣ, когда Христіянскія войска взяли Антіохію, и Царь отецъ ея былъ убитъ.

Клоринда между тѣмъ исходитъ на встрѣчу Франкамъ. Множество съ нею. Она въ переди всѣхъ. Съ другой стороны въ потаенномъ выходѣ готовымъ къ оборонѣ стоитъ Аргантъ. Мужественная воинственница ободряетъ сопутниковъ своихъ и видомъ неустрашимымъ и словами: намъ, говоритъ, храбрымъ началомъ должно въ сей день основать надежду Азіи.

Тако вѣщая воинамъ своимъ, видитъ она

не въ далекомъ разстояніи толпу Франковъ, посданныхъ напередъ (какъ то обыкновенно бываетъ) для добычи: они гнали въ войско свое стадо скота. Она пустилась къ нимъ, а Вождь ихъ, увидя то, пустился къ ней; Вождь ихъ, именемъ Гардъ, человѣкъ сильный, однакожъ не такой, которой бы ей противустоять могъ.

При первомъ ударѣ Гардъ низверженъ на землю, предъ очами Франковъ и Магометанъ, изъ коихъ послѣдніе тотчасъ всѣ воскликнули, пріемля то за благополучное предзнаменованіе сей брани; но чаяніе ихъ не свершилось. Клоринда скачетъ къ другимъ, и рукою, сильнѣйшею ста другихъ рукъ, поражаетъ ихъ и низлагаетъ. Воины ея текутъ за нею: она мечемъ своимъ отверзаетъ имъ путь и расторгаетъ преграды.

Вскорѣ у добывшихъ отнимаетъ добычу: они мало по малу ей уступаютъ, востекая и собираясь на вершинѣ холма, гдѣ оружіе подкрѣпляется положеніемъ мѣста. Тогда подобно вихрю, огненной стезею изъ облакъ изшедшему, храбрый Танкредъ, посланный отъ Готфрида, поднялъ копіе и полетѣлъ съ своими воинами.

Сей младый витязь, грозный и прекрасный, съ такою легкостію несъ великое копіе свое, что Царь съ высоты башни счелъ его изъ отборныхъ отборнѣйшимъ.

Чего ради вѣщаетъ сидящей съ нимъ, и уже чувствующей въ сердцѣ своемъ возникшее трепетаніе: ты по долгому съ Христіянами обращенію должна каждаго изъ нихъ знать, хотя бы и закрытаго шлемомъ.

Кто сей такъ смѣло и такъ гордо скачущій? Вмѣсто отвѣта сперся въ груди ея вздохъ, и на очахъ навернулись слезы. Она старалась отъ нихъ воздержаться, но онѣ примѣтнымъ образомъ по лицу ея покраснѣвшему катились, и часть тяжкаго вздоха вырвалась изъ ея сердца.

Потомъ, притворствуя, и подъ видомъ ненависти иную страсть скрывая, сказала: увы! знаю, и великую причину между всѣми другими узнавать его имѣю. Часто видала, какъ онъ поля и рвы глубокіе наполнялъ кровію моего народа. О какъ онъ жестоко уязвляетъ! Нанесенную имъ рану не исцѣляетъ ни трава, ни волшебство.

Это Князь Танкредъ. О естьли бы когда нибудь содѣлался онъ моимъ плѣнникомъ! Я бы не пожелала ему смерти, но хотѣла бы имѣть его живаго, дабы жадное сердце мое насытить сладкою местію. Тако вѣщала Эрминія: Царь настоящаго смысла словъ ея не постигъ; она же не могла удержаться, чтобъ съ послѣднимъ словомъ не вздохнуть.

Между тѣмъ Клоринда, поднявъ копіе, летитъ на встрѣчу скачущему къ ней Тан-

креду: ударились, и древки копій ихъ, сокрушась въ дребезги, полетѣли на воздухъ. Глава Клориндина обнажается: дивный ударъ, прервавшій подвязи шлема, сринулъ его на землю: златые власы распускаются по вѣтру, и въ ратующемъ витязѣ является дѣва.

Заблистали очи и засверкали взоры, прелестные во гнѣвѣ: чтожъ бы такое были въ смѣхѣ? Танкредъ! что ты задумался, и на кого такъ пристально смотришь? Развѣ не узнае́шь любезнаго лица? ты зришь ту самую, кѣмъ ты пылаешь: сердце твое скажетъ тебѣ, гдѣ образъ ея начертанъ: это она, которую видѣлъ ты умывавшуюся въ уединенномъ источникѣ.

Онъ не взглянулъ прежде на шишакъ ея и на расписанный щитъ; тутъ же, увидя ихъ, оцѣпенѣлъ. Она, какъ только можно было, главу свою прикрыла, и на него устремилась; онъ отступаетъ, гонится за другими, и грозный мечъ свой на нихъ обращаетъ; она, кипящая гнѣвомъ, течетъ за нимъ: обратись, вопіетъ, и вызываетъ его однимъ разомъ претерпѣть двѣ смерти.

Поражаемый витязь не отражаетъ, и не столько ищетъ защититься отъ желѣза, сколько смотритъ на прелестныя уста и очи, изъ коихъ любовь разитъ неотвратимыми стрѣлами. Рукй ея удары (самъ съ собою разсуждаетъ Танкредъ) падаютъ часто без-

вредны; но ни одна прекрасныхъ очей ея стрѣла не пролетаетъ мимо, и всякая вонзается въ сердце мое.

Онъ рѣшается наконецъ, хотя и не надѣется преклонить на жалость, открыть ей тайныя свои чувства и не умереть въ молчаніи. Хочетъ, чтобъ она знала, что убиваетъ плѣнника своего, слабаго, уничиженнаго, трепещущаго. И такъ говоритъ ей: о ты, которая кажется ко мнѣ одному изъ всего воинства пылаетъ враждою, удалимся отъ сей битвы, и попытаемся одинъ на одинъ другъ съ другомъ состязаться.

Такимъ образомъ лучше увидимъ, равняется ли сила моя съ твоею. Она пріемлетъ вызовъ, и не смотря на то, что безъ шлема, скачетъ гордо, онъ же послѣдуетъ за нею печально. Ужѐ останавливается она, готовая къ бою, и начинаетъ поражать. Постой, возопилъ онъ, прежде нежели станемъ биться, условимся о битвѣ.

Она останавливается; онъ же, силою отчаянной любви изъ робкаго ставъ смѣлымъ, говоритъ ей: условіе состоитъ въ томъ, что когда ты не хочешь со мною мира, то вынь изъ меня сердце. Оно твое, не мое больше, и естьли не угодно тебѣ, чтобъ оно дышало, оно охотно умираетъ. Сердце это давно твое; пора тебѣ извлечь его изъ меня, и я противиться тому не долженъ.

Вотъ я опускаю руки, и грудь мою беззащитную тебѣ представляю: чтожъ не пронзаешь? Хочешь ли, чтобъ я облегчилъ трудъ твой? Я сниму сей часъ броню мою, и обнаженную тебѣ ее открою. — Нещастный Танкредъ можетъ быть продолжалъ бы еще долѣе печальныя свои жалобы, но набѣжавшія толпы бьющихся между собою Христіянъ съ Магометанами ему помѣшали.

Гонимые Христіянскими отрядами Палестинцы, отъ страха ли то или съ намѣреніемъ, отступали. Одинъ изъ гонителей, человѣкъ жестокосердый, видя возвѣваемые власы Клоринды, и проѣзжая съ зади, поднялъ мечъ, чтобъ ударить ее по обнаженному затылку; но Танкредъ, примѣтя то, вскричалъ, и мечемъ своимъ подоспѣлъ отразить ударъ.

Однакожъ ударъ сей не совсѣмъ былъ безвреденъ, и бѣлую шею прекрасной главы поранилъ. Рана была легка, и свѣтлорусые власы, окропленные нѣсколько кровью, походили на злато, рукою искуснаго художника рубинами осыпанное. Танкредъ, воспаленный гнѣвомъ, съ подъятымъ мечемъ кинулся на преступника.

Сей удалился; гнѣвный витязь погнался за нимъ, и оба летятъ, какъ по воздуху стрѣла. Клоринда остается, видитъ ихъ обоихъ далеко отъ себя, и не гонится за ни-

ми; но за своими слѣдуя, часто обращается на Франковъ, и то на нихъ, то отъ нихъ устремляется; то отступаетъ, то опять нападаетъ, такъ что не можно сказать, бѣжитъ ли она или гонитъ.

Тако сильный волъ въ пространной оградѣ, когда уставитъ роги текущимъ за нимъ псамъ, они отъ него отскакиваютъ, когда же побѣжитъ, тогда опять смѣло на него обращаются. Клоринда въ побѣгѣ держитъ позади себя великій щитъ, главу ея охраняющій: тако въ играхъ своихъ бѣгущіе Мавры закрываются отъ пущенныхъ въ слѣдъ за ними изъ праща мячей.

Ужѐ одни гоня, другіе утекая, приближаются къ высокимъ вратамъ, какъ вдругъ Магометане, поднявъ ужасный крикъ, мгновенно обращаются на гонящихъ; они обѣгаютъ не малый кругъ и поражаютъ Христіянъ съ тылу и съ боковъ. Аргантъ между тѣмъ съ дружиною своею спускается съ горы для нападенія на нихъ съ переди.

Грозный Черкесъ выступилъ изъ среды войска своего, дабы первому начать бой. Тотъ, кого онъ ударитъ, летитъ стремглавъ на землю, и конь его валится съ нимъ. Многихъ низлагаетъ онъ и поражаетъ; когда же копіе свое преломилъ, тогда хватаетъ мечъ, и при всякомъ махѣ или убиваетъ, или низвергаетъ, или по крайней мѣрѣ ранитъ.

Клоринда, соперница его, прервала жизнь сильнаго Арделія, человѣка ужѐ въ лѣтахъ, но котораго старость была еще въ силѣ, и хотя подкрѣплялась двумя взрослыми сынами его, однакожъ не могла противъ нее устоять. Алькандръ, старшій сынъ его, тяжко раненый, не могъ дать помощи отцу; Полифернъ же младшій, остававшійся при немъ, сдва спасся.

Танкредъ, послѣ тщетной погони за преступникомъ, на рѣзвомъ конѣ отъ него ускакавшимъ, обращается назадъ и видитъ, что отважныя войска его далеко зашли; видитъ ихъ отрѣзанныхъ и окруженныхъ; онъ понуждаетъ коня своего къ бѣгу и летитъ къ нимъ. Не одинъ онъ спѣшитъ подать имъ помощь, но туда же несутся и тѣ полкѝ, которые всегда тамъ, гдѣ опасность.

Между ими Дудоновъ храбрый полкъ, цвѣтъ воиновъ, мышца и сила войскъ. Ринальдъ въ переди всѣхъ, мужественный, прекрасный, молніи быстрѣйшій. Эрминія тотчасъ узнаéтъ его по отличной по́ступи, по бѣлой птицѣ на голубомъ полѣ, и Царю, устремившему на него взоры свои, вѣщаетъ: вотъ сильнѣйшій изъ сильныхъ!

Онъ еще юноша; но мало, или никто въ воинскихъ доблестяхъ съ нимъ не сравнится. Естьлибъ между непріятелями было шесть такихъ, давно бы ужѐ вся Сирія была

порабощена; давно бы самыя полуденнѣйшія Царства, и Царства ближайшія къ солнцу, упали въ подданство, и можетъ быть Нилъ тщетно укрывалъ бы отъ ига главу свою безвѣстную и далекую.

Ринальдъ имя ему: гнѣвная десница его страшнѣе всякаго тарана стѣнамъ градскимъ. Обрати теперь взоры куда я тебѣ укажу, и смотри на того, у котораго златозеленая сбруя: это Дудонъ; онъ предводительствуетъ симъ полкомъ, составленнымъ изъ охотниковъ; воинъ высокой породы, весьма искусный, лѣтами всѣхъ превосходящій, достоинствами никому не уступающій.

Взгляни на сего высокаго въ темноцвѣтномъ одѣяніи: это Жернандъ, братъ Короля Нордвежскаго. Нѣтъ горделивѣе его на земли человѣка: это одно славу дѣлъ его помрачаетъ. Сіи два какъ бы одинъ, неразлучные, въ бѣломъ уборѣ и бѣлой одеждѣ, сутъ Гильдиппа и Одоардъ, страстная чета, славная честностію и воинскими доблестями.

Тако бесѣдуя видятъ они, что битва въ низу отчасу болѣе умножается: Танкредъ и Ринальдъ ворвались уже въ средину, какъ оная ни густа была людьми и оружіемъ. Къ нимъ подоспѣлъ съ войсками Дудонъ, и страшное производитъ убійство. Аргантъ,

Аргантъ самъ, рукою Ринальда низверженный, насилу могъ встать.

Не всталъ бы-можетъ быть, но въ тожъ самое время конь сына Бертольдова упалъ, и валяющійся подъ ногами его требовалъ, чтобъ онъ занялся имъ нѣкоторое время. Между тѣмъ разбитые полки невѣрныхъ бѣгутъ ко граду. Одинъ Аргантъ и Клоринда служатъ имъ оплотомъ и оградою отъ нападающей на тылъ ихъ ярости.

Они позади всѣхъ слѣдуютъ, и одни удерживаютъ нѣсколько пылкость погони, дабы бѣгущіе въ переди ихъ могли безопаснѣе бѣжать. Дудонъ, въ побѣдѣ ярый, течетъ за утекающими, и гордаго Тиграна конемъ своимъ давитъ, и мечемъ, снявъ съ него главу, повергаетъ на землю.

Не могла Альгазара защитить броня его крѣпкая, ни Корбана великорослаго шлемъ его толстый: единаго поразилъ онъ въ затылокъ, другаго въ хребетъ, такъ что мечъ прошелъ тому сквозь лице, сему сквозь грудь. Рука его низринула еще Амюрата и Мегемета, исторгнувъ души ихъ изъ сладкихъ для нихъ обиталищъ; обезглавила жестокосердаго Альмансора, и самъ великій Черкесъ не съ безопасностію отступалъ отъ него.

Кипитъ яростію Аргантъ; остановится иногда, обратится къ нему, и опять уступитъ. Напослѣдокъ нечаянно обращает-

ся, и толь сильно прободаетъ его сквозь ребра, что мечъ весь въ него вонзается, и полководецъ Франковъ низвергается на землю. Упалъ, и очи, едва отверзающіяся, смыкаетъ тяжкій покой и непробуждаемый сонъ.

Три раза открываетъ онъ ихъ, хочетъ усладиться свѣтлостію дня, и силится опершись на руку встать; три раза упадаетъ, мракъ плаваетъ въ очахъ его, и томность затворяетъ ихъ навѣки. Члены его опускаются, и хладнымъ потомъ окропленные, въ смертномъ мразѣ стынутъ. Гордый Аргантъ не смотритъ болѣе на мертвое тѣло, и прочь отъ него скачетъ.

Однакожъ и бѣгущій не престаетъ обращаться къ Франкамъ, и вопіетъ имъ: воины! мечъ сей есть даръ вашего повелителя, вчера мнѣ данный. Скажите ему, какое сего дня сдѣлалъ я изъ него употребленіе; вѣсть эта будетъ ему пріятна; онъ порадуется, что прекрасный его подарокъ при первомъ случаѣ ознаменовалъ я толь прекраснымъ подвигомъ.

Скажите, чтобъ ожидалъ, что надъ нимъ самимъ покажу я еще лучшій опытъ, и естьли онъ не придетъ къ намъ, то я приду къ нему туда, гдѣ онъ. Раздраженные сими надменными словами Христіяне кидаются къ нему, единъ другаго упреждая; но онъ со

всѣми прочими утекаетъ подъ защиту градскихъ стѣнъ.

Осажденные съ высоты стѣнъ посыпали градъ камней, и пустили изъ луковъ безчисленное множество стрѣлъ, такъ, что Франки принуждены были отступить, и Сарацины вошли въ городъ. Ринальдъ между тѣмъ распуталъ ноги упавшаго коня своего и прискакалъ немедленно.

Прискакалъ, чтобъ лютымъ образомъ отмстить за смерть Дудона. Онъ, настигши своихъ, гордо вопіетъ имъ: что медлите? Чего ожидаете? Вождь нашъ убитъ, а мы не летимъ отмстить за него. Неужъли въ толь важной причинѣ гнѣва остановитъ насъ слабая стѣна?

Нѣтъ, хотя бы она была желѣзная или адамантовая, и тогда не должно почитать ее неприступною, и кичливый Аргантъ не долженъ укрыться въ ней отъ мощной вашей руки. Пойдемъ, приступимъ. Рекъ, и самъ въ переди всѣхъ пустился первый: безтрепетное сердце его не страшится ни града камней, ни бурной тучи стрѣлъ.

Онъ потрясъ гордою главою и подъялъ смѣлое чело съ такимъ чувствомъ мужества и храбрости, что сердца стоящихъ на стѣнахъ защитниковъ ихъ оледенилъ необычайнымъ страхомъ. Между тѣмъ, какъ онъ однихъ ободряетъ, другимъ грозитъ, прихо-

дитъ нѣкто сію отважность его обуздать: Готфридъ прислалъ благоразумнаго Сегіера, важныхъ повелѣній его строгаго провозвѣстника.

Сей во имя его останавливаетъ дерзостное намѣреніе и велитъ немедленно отступить. Возвратитесь, вопіетъ, не мѣсто и не время еще вашей отважности. Готфридъ вамъ то повелѣваетъ. По сихъ словахъ Ринальдъ, поощрявшій другихъ, самъ укротился, хотя внутренно былъ не доволенъ и не могъ досады своей скрыть.

Войска отступили назадъ безъ всякаго отъ непріятелей препятствія. Дудоново тѣло осталось не лишенное послѣднихъ почестей. Вѣрные друзья съ сердечною жалостію подняли и понесли на рукахъ своихъ сіе драгое и почтенное бремя. Между тѣмъ Готфридъ съ высоты горы осматриваетъ положеніе и укрѣпленіе града.

Іерусалимъ стоитъ на двухъ неравныхъ высотою холмахъ, чело къ челу обращенныхъ. Между ими простирается раздѣляющая ихъ долина. Съ трехъ сторонъ входъ въ него крутъ, съ четвертой же такъ отлогъ, что непримѣтно восходишь на высоту. Но долъ, лежащій къ сѣверу, огражденъ превысокою стѣною.

Внутри града есть источники, озера, и хранилища дождевой воды; но внѣ окрестъ

онаго земля сухая, безтравная, не орошаемая ни рѣками, ни протоками. Не видно тамъ ни злачныхъ и цвѣтущихъ полей, ни гордыхъ и вѣтвистыхъ древъ, не пропускающихъ сквозь себя лучей солнечныхъ. Въ разстояніи токмо многихъ поприщъ стоитъ лѣсъ, густою тѣнію своею мрачный и ужасный.

Съ той страны, отколѣ появляется день, катитъ свѣтлыя воды свои щастливый Іорданъ; къ западу протягаются песчаные брега Средиземнаго моря; къ сѣверу лежитъ Самаританія и Бетулія, златаго тельца на жертвенникъ вознесшая; къ югу же, отколѣ несутся дожди и туманы, стоитъ великаго рождества вмѣститель Виѳлеемъ.

Между тѣмъ какъ Готфридъ осматриваетъ высокія стѣны и положеніе града и его окрестностей, размышляя, гдѣ поставить войска и откуда безопаснѣе идти на приступъ, Эрминія видитъ его и указуя перстомъ Царю Магометанскому, тако вѣщаетъ: сей, что въ багряной одеждѣ толь важенъ и величественъ, есть Готфридъ.

Онъ по истиннѣ рожденъ владычествовать: тако умѣетъ царствовать и повелѣвать. Онъ не меньше мудрый Вождь, какъ и храбрый воинъ, и обѣ сіи доблести сугубо въ себѣ соединяетъ. Изъ всего великаго числа полководцевъ онъ есть самый благоразум-

нѣйшій: одинъ токмо Раимондъ въ совѣтахъ, и одни токмо Ринальдъ и Танкредъ равняются ему въ бояхъ.

Царь Магометанскій отвѣтствуетъ: онъ мнѣ извѣстенъ; я видѣлъ его, когда былъ Египетскимъ посломъ при пышномъ дворѣ Французскомъ; видѣлъ, какъ онъ въ играніяхъ металъ копіе, хотя былъ такъ молодъ, что не просѣдала еще у него брада. Онъ и тогда словами, дѣлами и видомъ, подавалъ о себѣ высокую надежду.

Сбылось, увы, сіе предвѣстіе! Тутъ потупилъ онъ смутные взоры свои, и потомъ опять поднявъ ихъ, вопросилъ: кто сей въ красномъ одѣяніи, какъ бы равный ему? О какъ онъ на него походитъ! Не много только ростомъ пониже.—Это Больдовинъ, отвѣчаетъ она; по лицу видно, что онъ ему братъ, но по дѣламъ еще больше.

Теперь обрати сюда взоры свои на того, который стоитъ какъ бы подавая кому совѣты: это Раимондъ, коего мудрость я толико тебѣ выхваляла, мужъ съ посѣдѣвшею уже отъ старости главою. Нѣтъ ни единаго въ Латинцахъ или Франкахъ, кто бы въ воинскихъ хитростяхъ толико былъ искусенъ. Тотъ же, что съ златымъ шишакомъ стоитъ немного по далѣе, есть Гульельмъ, добродѣтельный сынъ Короля Британскаго.

Съ нимъ славныхъ дѣлъ его подражатель Гвельфъ, знаменитый саномъ и породою. Онъ мнѣ примѣтенъ по широкимъ плечамъ и полной высокой груди. Но великаго врага моего въ сихъ воинскихъ сонмахъ ищу очами и не вижу: я говорю о Боемондѣ, убійцѣ, истребившемъ Царскій мой домъ.

Тако разговаривали они. Верховный Вождь, по обозрѣніи окрестностей, сходитъ обратно къ войскамъ своимъ. Онъ, усмотря, что съ той стороны, гдѣ всходы крутые, на приступъ идти трудно, повелѣлъ разбить шатры противу сѣверныхъ вратъ, въ примыкающей къ нимъ долинѣ, и оттолѣ остальныя войска свои протянулъ до башни, называемой угольной.

Тако протяженіемъ стана своего обнялъ почти треть града; всего же, по великому пространству его, обнять не могъ. Но всѣ пути, по коимъ можно было провозить въ него какую либо помощь, старался по возможности заградить, и всѣ мѣста сообщенія такъ занять, чтобъ не было ни изъ него выхода, ни въ него прохода.

Повелѣлъ станъ свой окружить глубокими рвами и окопами, дабы со стороны града отъ вылазки жителей, съ противной же стороны отъ непріятельскихъ набѣговъ себя обезопасить. По окончаніи всѣхъ сихъ работъ восхотѣлъ увидѣть тѣло Дудоново,

и пошелъ туда, гдѣ печальный и плачущій сонмъ людей стоялъ вокругъ бездыханнаго Вождя.

Вѣрные друзья пристойнымъ великолѣпіемъ украсили гробъ его, на возвышенномъ одрѣ стоящій. Когда Готфридъ вошелъ, плачъ и стенаніе умножились. Но онъ, не показывая въ лицѣ своемъ ни печали, ни веселія, съ сокрытою въ груди скорбію молчалъ. Напослѣдокъ, послѣ нѣкоторой задумчивости, устремя взоры свои на лежащее тѣло, сказалъ:

По тебѣ не должно ни тужить, ни плакать: ты съ смертію на земли возродился въ небесахъ. Здѣсь же, гдѣ совлекся ты смертнаго одѣянія своего, оставилъ ты безсмертные по себѣ слѣды славы. Нынѣ, о блаженная душа! упояешь и услаждаешь ты жаждущія очи свои лицезрѣніемъ Бога, и носишь на главѣ своей за благія дѣла твои вѣнецъ и оливы.

Живи, блаженный духъ! Нашу судьбу, а не твой рокъ мы оплакиваемъ: отшествіемъ твоимъ отселѣ ты лучшую и сильнѣйшую отъ насъ часть взялъ съ собою. Но естьли тѣмъ, что люди называютъ смертію, лишилъ ты насъ земной помощи, то нынѣ можешь низпосылать къ намъ небесную, между избранными на небесахъ праведниками ликующій.

Доселѣ зрѣли мы тебя, смертнаго человѣка, смертнымъ оружіемъ во благо наше дѣйствующаго; нынѣ же надѣемся, да узримъ тебя, блаженнаго духа, небеснымъ непобѣдимымъ оружіемъ насъ защищающаго. Воспринимай отнынѣ жертвоприношенія наши, и насъ избавляй отъ золъ. Прорицаю: ты будешь виновникъ нашихъ побѣдъ, и мы, благоговѣйные къ тебѣ, торжествуя, прославимъ тебя во храмахъ.

Тако вѣщалъ; и уже темная ночь погасила всѣ лучи дня, и съ забвеніемъ всѣхъ заботъ и попеченій прекратились слезы и жалобы. Но верховный Вождь, не надѣясь безъ воинскихъ орудій взять града, спитъ мало и размышляетъ, какимъ бы образомъ и какіе приготовить тараны и стѣноломы.

Онъ возстаетъ вмѣстѣ съ солнцемъ, и хочетъ присутствовать при печальномъ погребеніи. Гробъ Дудоновъ сдѣланъ былъ изъ благоуханнаго кипариснаго древа. Могила вырыта при подошвѣ холма, недалеко отъ палисада. Надъ нею высокая пальма вѣтви свои распростираетъ. Тутъ опущенъ онъ былъ въ землю при пѣніи священнослужителей, молившихся, да вкуситъ душа его вѣчный покой.

На вѣтвяхъ пальмы въ разныхъ мѣстахъ повѣшены были разныя знамена и оружія, въ щастливѣйшія времена взятыя имъ у Сирійцевъ и Персіянъ. Бронею и другими до-

спѣхами его одѣли толстый стебль древа и начертали надпись: здѣсь лежитъ Дудонъ, воздавайте почтеніе праху великаго воина.

Благочестивый Готфридъ, по совершеніи сего плачевнаго обряда, посылаетъ изъ стана своего всѣхъ работниковъ въ лѣсъ, подъ прикрытіемъ достаточнаго числа ратниковъ. Лѣсъ сей былъ въ неизвѣстной долинѣ, но одинъ изъ Сирянъ далъ знать о немъ Франкамъ. Туда пошли приготовлять стѣнобитныя орудія, отъ коихъ бы градъ не могъ уцѣлѣть.

Единъ другаго къ посѣченію древъ побуждаютъ, и дремучій, не слыхавшій никогда сѣкирнаго стука лѣсъ валятъ на землю. Падаютъ, свергаемыя остріемъ желѣза, священныя пальмы, и дикіе ясени, и печальные кипарисы, и тополы и клены, и густыя ивы, и высокія ели, и мужественные вязы, вкругъ коихъ иногда виноградныя лозы, изгибистою ногою своею оплетаясь, вьются къ небесамъ.

Иной тисы, иной рубитъ дубы, тысячу разъ злакъ свой возобновлявшіе, и тысячу разъ непоколебимымъ челомъ своимъ нападеніе ярыхъ вѣтровъ отражавшіе; иные же на скрыпучихъ колесахъ везутъ соснъ и кедровъ благовонные грузы. Отъ стука сѣкиръ, отъ шумнаго разныхъ гласовъ крика, оставляютъ звѣри логовища свои, летятъ изъ гнѣздъ своихъ птицы.

Конецъ третьей пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь четвертая.

Между тѣмъ, какъ Христіяне готовятъ воинскія для приступа орудія, дабы немедленно употребить ихъ въ дѣло, великій рода человѣческаго врагъ злобными очами на нихъ смотритъ, и видя ихъ неутомимо трудящихся, обѣ у себя губы отъ ярости кусаетъ, и какъ уязвленный быкъ боль свою рыча и воздыхая изливаетъ.

Во гнѣвѣ всю свою мысль углубя, да нанесетъ Христіянамъ всевозможное зло, велитъ народу своему (ужасное совѣщаніе!) собраться внутрь Царскихъ своихъ храминъ: какъ будто бы легкое было предпріятіе (о безумный!) Всевышняго воспротивиться волѣ. Безумный съ небесами себя равняетъ, и не помнитъ, какъ Божія разгнѣванная гремитъ десница.

Тяжелый адскія трубы гласъ сзываетъ жителей вѣчной тьмы: трясутся широкія, темныя пещеры, и глухой гулъ на звукъ сей отзывается изъ мрака. Никогда громъ небесный не упадалъ съ такимъ трескомъ, ниже тряслась земля, бурными огнедыханіями чревоболящая.

Мгновенно адскіе боги разными сонмами отъ всѣхъ странъ стекаются къ высокимъ вратамъ. О коль дивны, коль страшны ихъ образы! Въ очахъ ихъ ужасъ и смерть! Иные звѣриными лапами топчутъ дно; на челѣ ихъ вмѣсто власъ зіяютъ змѣи, за ними же влечется на подобіе плети изгибающійся и біющій хвостъ.

Тамъ въ несмѣтномъ числѣ представляются взорамъ смердящія Гарпіи, и Центавры, и Сфинксы, и блѣдныя Горгоны; тамъ тьмами устъ лаютъ прожорливыя Скиллы, и свистятъ Гидры, и шипятъ Пиѳоны; тамъ Химеры, черный пламень рыгающія, и Полифемы, и Геріоны ужасные, и новыя, нигдѣ невиданныя и неслыханныя чудовища, изъ разныхъ видовъ во единъ смѣшенныя и сліянныя.

Изъ нихъ часть садится по правую, другая же по лѣвую сторону лютаго Царя. Плутонъ сѣдитъ въ срединѣ, держа въ десницѣ жезлъ огромный и тяжелый. Ни единая въ морѣ скала, ниже Кальпъ, ниже грозный Атлантъ, толико не возвышаются, чтобъ не казались предъ нимъ малымъ холмомъ: тако великое чело свое и высокіе рога выставляетъ!

Страшное величество въ звѣрскомъ зракѣ наводитъ ужасъ, и умножаетъ въ немъ гордость; ядовитый взоръ его, изъ багро-

выхъ очей, какъ зловѣщая комета, сверкаетъ; длинная, густощетинистая брада простирается по косматой груди, и окровавленная черною кровію пасть на подобіе глубокой хляби отверзается.

Какъ сѣрный изъ Этны дымъ съ шумомъ и зловоніемъ клубится, такъ изъ нечистыхъ устъ его исходятъ толико же смрадныя и пламенныя дыханія. Гласящу ему Церберъ престалъ отъ лая, Гидра умолкла, Коцитъ остановился, пещеры задрожали, и сими возревѣлъ онъ словами:

Адскіе боги; паче достойные сидѣть тамо надъ солнцемъ, отколѣ происхожденіе ваше; великій случай вмѣстѣ со мною низвергъ васъ изъ блаженнаго Царства въ сію плачевную обитель. Древнія подозрѣнія *того*, и нашъ гнѣвный, неуступчивый духъ и высокое предпріятіе кому не извѣстны? Нынѣ тотъ по волѣ своей управляетъ звѣздами, а мы осуждены и названы мятежниками.

Вмѣсто яснаго и чистаго неба, злата го солнца и блистающихъ звѣздъ, заключилъ онъ насъ въ сію мрачную бездну, не терпя, чтобъ мы о первостепенной чести помышляли. И потомъ (о коль тяжко сіе воспоминаніе! оно-то наиболѣе удручаетъ меня печалію): въ небесныя селенія свои призвалъ человѣка, человѣка подлаго, изъ подлой персти на землѣ рожденнаго.

Симъ еще не удовольствовался; но для нанесенія намъ вящшаго вреда, отдалъ сына своего въ жертву смерти. Сей пришелъ и сокрушилъ вереи ада, и въ Царство наше внити дерзнулъ, и намъ принадлежащія души исторгъ, и какъ торжествующій побѣдитель, богатую корысть на небо принесъ, и тамо, къ нашему сраму, распустилъ знамена побѣжденнаго ада.

Но почто, вѣщая о семъ, горесть нашу возобновляю? Кто содѣянныхъ намъ не слыхалъ оскорбленій? И гдѣ или когда преставалъ онъ отъ угнѣтенія насъ? Не о прежнихъ гоненіяхъ, но о нынѣшнихъ новыхъ обидахъ должны мы помышлять. Увы! развѣ не видите, какъ онъ тщится всѣхъ къ служенію своему призвать людей?

Намъ ли въ праздности влачить дни и часы, не воспаляя сердца своего достойнымъ попеченіемъ? Мы ли потерпимъ, чтобъ вѣрный народъ его отчасу болѣе въ Азіи умножался? Чтобъ онъ покорилъ Іудею? Чтобъ имя и слава его больше расли и распространялись? Чтобъ всѣми твердились языками, и чтобъ изваянныя на мѣди и камняхъ славословія повсюду о немъ звучали?

Чтобъ идолы наши повержены были въ прахъ? Чтобъ онъ жертвенники наши въ олтари свои превратилъ? Чтобъ ему приносились обѣты, ему одному курились смир-

на и адой? Чтобъ тамъ, гдѣ не затворенные никогда стояли для насъ храмы, не осталось ни единой отверстой для хитрыхъ замысловъ нашихъ стези? Чтобъ обычная приходящими сюда душами намъ дань прекратилась, и въ пустомъ Царствѣ обиталъ Плутонъ?

Ахъ! да не будетъ сего. Еще не простылъ въ насъ духъ прежняго мужества, когда, мечемъ и пламенемъ вооруженные, ратовали мы противъ области небесной. Мы были, не отрицаю, побѣждены въ сей битвѣ; но великой мысли доблесть никогда въ насъ не оскудѣвала; щастливѣйшіе одержали тогда побѣду, намъ осталась непреодолимой смѣлости слава.

Но для чего такъ долго удерживаю васъ? Ступайте, о вѣрные мои товарищи, сила моя и слава! летите быстро и погубляйте злыхъ, прежде нежели власть ихъ умножится; предупредите потушить возрастающій пламень, доколѣ не обниметъ онъ всего Царства Іудейскаго. Разсыпьтесь между ими, и къ неминуемой пагубѣ ихъ употребляйте иногда силу, иногда обманъ.

Да будетъ то, что я хочу, судьбою: иной да скитается отлученный; иной да убіется; иной, въ любовныхъ утопая суетахъ, да преклоняетъ колѣно предъ умильнымъ взоромъ и улыбкою. Тамо, раздѣлясь

на мятежныя другъ противъ друга толпы, да пронзаютъ они себя собственными своими мечами; да погибнетъ, да истребится войско ихъ, и да не останется по немъ ни слѣда, ни памяти.

Не успѣлъ онъ еще окончить словъ своихъ, какъ богопротивные духи, не дождавшись конца ихъ, понеслись изъ глубокой ночи къ блистающимъ звѣздамъ: тако темныя и шумящія бури, вырвавшись изъ вертеповъ своихъ, летятъ помрачить небо и возмутить войною великія области земель и морей.

Мгновенно, распростерши въ разныя страны полетъ свой, разсыпались они по всему свѣту, и начали, сплетая искусно обманы, ставить сѣти свои новыя, лукавыя и хитрыя. Повѣдай, Муза, какими средствами и отколѣ нанесли они первый вредъ Христіянамъ: ты знаешь то; но дѣяній сихъ, толико отдаленныхъ, едва, едва слабая достигла до насъ молва.

Дамаскомъ и окрестными градами управлялъ Идраотъ, благородный и знаменитый волхвъ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ въ наукахъ гаданія упражнявшійся, и отчасу больше ими умудряемый; но что̀ пользы, когда онъ конца сей сомнительной войны не могъ предузнать? Ни виды блудящихъ и

неподвижныхъ звѣздъ, ни адскіе отвѣты не предсказали ему истины.

Мнилъ онъ (о слѣпой человѣческій умъ! какъ сужденія твои суетны и ложны!), что небо непобѣдимому западному воинству готовитъ пагубу и смерть. Сего ради помышляя, что Египтяне будутъ побѣдителями, желаетъ, чтобъ народъ его въ побѣдѣ, въ пріобрѣтеніяхъ и въ славѣ былъ соучастникомъ.

Но имѣя въ великомъ уваженіи мужество Франковъ, страшится кровавой брани вредныхъ слѣдствій, и ходитъ углубленъ въ размышленія, какимъ бы образомъ силу Христіянъ отчасти ослабить, такъ, чтобы удобовозможнѣе было преодолѣть ее своими, соединенно съ Египетскими войсками? Въ сихъ размышленіяхъ находитъ его нечистый духъ, и болѣе наклоняетъ его къ тому и подстрекаетъ.

Даетъ ему свои совѣты и придумываетъ способы къ легчайшему исполненію предпріятій. Идраотъ имѣлъ у себя племянницу, дѣву, во всемъ востокѣ красотою первенствующую. Прозорливость и тайные обманы, какіе когда либо женщина или волшебница употребляла, были ей совершенно извѣстны. Сію призываетъ онъ къ себѣ и сообщаетъ ей свои намѣренія, и хочетъ, чтобъ она взялась ихъ исполнить.

Вѣщаетъ: о вселюбезнѣйшая, ты, которая подъ бѣлокурыми власами и нѣжнѣйшими чертами лица, сѣдый разумъ и мужеское сердце сокрываешь, и ужѐ въ мудрости меня самого превосходишь, великая въ умѣ моемъ вращается мысль; и естьли ты поможешь мнѣ, то за надеждою послѣдуютъ успѣхи: соплетай сѣти, мною тебѣ предначертанныя, осторожныхъ помысловъ старца смѣлая исполнительница!

Иди въ станъ непріятельскій. Употреби всѣ женскія хитрости, воспаляющія любовь. Проливай слезы, услаждай прозьбы, мѣшай со вздохами и прерывай слова: да смотря на нещастную и печальную красоту растаютъ и покорятся волѣ твоей самыя каменныя груди. Прикрой дерзость стыдливостію, и облеки ложь покрываломъ правды.

Улови, ежели можешь, Готфрида приманчивостію ласковыхъ взоровъ и сладкихъ словъ; да уязвленный любовію раскается въ начатой войнѣ, и устранитъ ее отъ насъ; естьли же сего не возможешь, другихъ великихъ прельсти, да отыдутъ отъ него туда, отколѣ не возвратятся. Тако поучалъ ее, и наконецъ сказалъ: за вѣру, за отечество все позволено.

Прекрасная Армида, прелестію стана, младыми лѣтами и дарами природы гордая, намѣреніе пріемлетъ, и съ наставшимъ ве-

черомъ, изшедъ изъ града, идетъ по стезямъ уединеннымъ и скрытымъ, и въ женской тоньчицѣ и кудряхъ мнитъ побѣдить непобѣдимые народы и ополченныя воинства. Объ отшествіи ея нарочно распускаются разные и одинъ на другой не похожіе слухи.

Въ немногіе дни приходитъ она въ страну, гдѣ Франки раскинутыми стоятъ шатрами. При появленіи толь необычайной красоты подъемлется тихій шопотъ, и очи всѣхъ на нее обращаются, подобно какъ бы туда, гдѣ невиданная никогда комета или звѣзда на небѣ возблистаетъ. Всѣ бѣгутъ и всякъ хочетъ знать, кто такая прекрасная чужестранка, и кто ее прислалъ.

Никогда Аргосъ, ни Кипръ, ни Делосъ, не видывали толь прелестнаго лица, ни толь пріятнаго одѣянія. Она съ мягкими, подобными льну, власами, то изъ подъ тонкаго проглядывала покрывала, то откровенною являлась: такъ солнце, когда прочищается небо, то сквозь бѣлое облако просіяваетъ, то вышедъ изъ за онаго, ярчѣе лучи свои распростираетъ, и умножаетъ ясность дня.

Тихій вѣтерокъ, играя съ распущенными власами ея, отъ природы волнистыми, струитъ по нимъ новыя волны. Скромный, потупленный взоръ держитъ въ себѣ сокрытыми и собственную свою прелесть и прелесть любви. Милый розовый цвѣтъ въ пре-

красномъ ея лицѣ разливается и смѣшивается съ бѣлизною лилей; но на устахъ, отколѣ исходятъ любовныя дыханія, одна и простая краснѣется роза.

Обнаженная шея кажетъ бѣлые снѣги свои, возраждающіе и питающіе огнь страсти; часть открывается пухлыхъ, упругихъ грудей, другую же часть скрываетъ завистливая одежда: завистливая; но хотя взору преграждаетъ путь, однако не можетъ остановить страстной мысли, которая, не довольствуясь наружными красотами, въ самыя сокровеннѣйшія таинства проницаетъ.

Какъ лучъ проходитъ сквозь воду, или стекло, не прорывая или не раздѣляя ихъ; такъ мысль дерзаетъ сквозь густоту одежды прокрадываться въ укутанныя части: тамо по настоящимъ прелестямъ гуляетъ, и любуется, и разсматриваетъ ихъ одну за другою; потômъ разсказываетъ, описуетъ ихъ желанію, и пламень его множитъ и разжигаетъ.

Армида, сопровождаемая жадными взорами и похвалами, идетъ между толпами любующихся на нее воиновъ; видитъ то и притворяется, будто не видитъ, но въ сердцѣ своемъ радуется, и мысленно готовитъ себѣ высокія побѣды и добычи. Между тѣмъ скромно пріостанавливается и проситъ провести ее къ главному Вождю. Евстаѳій, вер-

ховнаго повелителя единокровный братъ, немедленно къ ней подходитъ.

Какъ бабочка вкругъ огня, такъ онъ вкругъ сіянія сей дивной красоты увивается, и хочетъ вблизи увидѣть взоры, съ такою пріятною стыдливостію потупленные. Вскорѣ возгарается отъ нихъ, какъ сухой прикоснувшійся къ пламени тростникъ, и съ свойственною лѣтамъ и пылкости любви скоростію и смѣлостію говоритъ ей:

Дѣва, естьли такое имя тебѣ прилично; ибо ты не походишь на земное существо; нѣтъ дочери Адамовой, изъ которой бы небо толикими лучами своими свѣтилось, чего ты ищешь и откуда пришла? Какой случай, или какое наше щастіе привело тебя къ намъ? Скажи мнѣ, кто ты? не дай мнѣ въ оказаніи тебѣ почестей погрѣшить: да повергнусь предъ тобою, буде должно.

Она отвѣтствуетъ: высокою ты превозносишь меня честію; далеко достоинство мое сего не досязаетъ. Ты видишь во мнѣ, Государь, не токмо смертную, но умершую для утѣхъ, и только для горестей живущую. Нещастіе мое привело меня сюда, дѣвицу, гонимую и скитающуюся. Прибѣгаю къ благосердому Готфриду; на него возлагаю мое упованіе: таковъ о человѣколюбіи его носится слухъ.

Отведи меня къ нему, естьли имѣешь,

какъ видъ твой показываетъ, сердце великодушное и жалостливое. Онъ отвѣчаетъ: справедливо, чтобъ братъ отвелъ тебя къ брату и за тебя ходатайствовалъ. Прекраснѣйшая дѣва! Ты не обманешься въ надеждѣ своей; не безсильно мое у него предстательство. Располагай по волѣ своей всѣмъ, что можетъ повелительный жезлъ его, или мой мечъ.

Умолкъ и ведетъ ее туда, гдѣ благочестивый Готфридъ, удаляясь иногда отъ всенародныхъ собранiй, съ великими бесѣдуетъ мужами. Она почтительно предъ нимъ преклоняется, и отъ стыдливости не можетъ промолвить ни слова; но верховный Вождь, успокоивая въ ней сей стыдъ и страхъ, ласковыми словами ее ободряетъ, такъ, что она придуманные обманы сладкимъ, прельщающимъ чувства голосомъ напослѣдокъ изъявляетъ.

Непобѣдимый Вождь, рекла, коего великое имя повсюду гремитъ, украшенное толь свѣтлыми доблестями, что быть отъ тебя низложенными и побѣжденными, Цари и Царства поставляютъ себѣ въ славу; вездѣ храбрость твоя извѣстна, и самые враги твои толико тебя любятъ и почитаютъ, что съ увѣренностiю подъ твою защиту притекаютъ.

Сама я, рожденная въ толь различной

съ тобою вѣрѣ, которую ты унизилъ и нынѣ разрушить стараешься, тобою надѣюсь возвратить себѣ Царскій Престолъ и державу моихъ предковъ; и тогда, какъ другіе просятъ противу чуждыхъ народовъ помощи у своихъ единокровныхъ, я, не могущая преклонить ихъ на жалость, противъ крови моей ищу защиты въ грозномъ твоемъ мечѣ.

Къ тебѣ взываю и на тебя возвергаю мою надежду; ты единъ можешь вознесть меня на ту высоту, съ которой я низринута; десницѣ твоей столько же обычно возстановлять, сколько и низлагать другихъ; слава милосердія не меньше почтенна, какъ и торжество надъ непріятелемъ; и естьли могъ ты многихъ низвесть съ Престола, то да будетъ для тебя равною честію возвесть меня на мой Престолъ.

Естьли же различіе вѣры нашей побудитъ тебя пренебречь мою справедливую прозьбу, то несомнѣнная вѣра моя на твое милосердіе да ходатайствуетъ за меня. Не согласно съ правотою, чтобъ она осталась обманутою: свидѣтель тому единъ и общій всѣмъ Богъ, что кому ты ни оказывалъ своего вспоможенія, всѣхъ праведнѣе окажешь мнѣ. Но дабы имѣлъ ты полное о томъ свѣденіе, выслушай мои нещастія и злобу противъ меня другихъ.

Я дочь Царя Арбилана, прекраснымъ Да-

маскомъ обладавшаго, и въ простой участи рожденнаго; но прелестная Кариклея вступила съ нимъ въ супружество, и сдѣлала его наслѣдникомъ Престола; она рожденіе мое почти предварила своею смертію; была уже бездыханна, когда исходила я изъ утробы. День злополучный! ей смерть, мнѣ рожденіе давшій.

Но едва прошло первое пятилѣтіе послѣ дня, совлекшаго съ нея плотскую одежду, какъ и родитель мой, преставясь, можетъ быть, соединился съ нею на небесахъ, возложа попеченіе обо мнѣ и о Царствѣ моемъ на брата своего, любимаго имъ съ такою искренностію, что естьли полагать въ груди смертнаго благодарность, то конечно могъ онъ надѣяться на его вѣрность.

Сей, принявъ меня на свои руки, такъ о благѣ моемъ казался быть попечителенъ, что пріобрѣлъ славу вѣрнаго брата, чадолюбиваго отца и добродушнаго человѣка. Отъ того ли, что онъ злыя мысли свои скрывалъ внутри подъ противною наружностію, или можетъ быть и не лицемѣрилъ, потому что назначалъ меня въ невѣсты своему сыну.

Я росла, и сынъ его росъ; но никакими знаніями и достоинствами себя не украшалъ; ничто честное и благородное ему не нравилось. Въ гнусномъ образѣ подлую носилъ душу и гордое, корыстолюбивое сердце. Нра-

вы и поступки имѣлъ толь грубые, что въ порокахъ одному только себѣ былъ равенъ.

Съ симъ злонравнымъ человѣкомъ злой воспитатель мой хотѣлъ соединить меня брачными узами, и сдѣлать его ложа и Царства моего сопричастникомъ. Онъ неоднократно предлагалъ мнѣ о томъ, и чтобъ склонить меня, употреблялъ весь свой умъ, всѣ способы краснорѣчія; однако никогда согласія моего исторгнуть не могъ; напротивъ, я всегда или скромнымъ молчаніемъ, или отрицаніемъ отъ того уклонялась.

Наконецъ съ мрачнымъ видомъ, въ которомъ злое сердце его ясно обнаруживалось, оставилъ онъ меня, и тогда казалось мнѣ, что я будущее бѣдствій моихъ событіе, на челѣ его начертанное, прочитала. Съ тѣхъ поръ спокойныя ночи мои возмутились страшными мечтами и сновидѣніями, и водворившійся въ душу мою непреоборимый ужасъ содѣлался вѣрнымъ злополучій моихъ предвѣстникомъ.

Часто тѣнь матери моей являлась мнѣ въ блѣдномъ и печальномъ видѣ. О сколь различна отъ той, каковою представлялъ мнѣ ее списанный съ нея образъ! Бѣги, дочь моя, вѣщала она, отъ лютой приготовляемой тебѣ смерти, бѣги скорѣе: злой мучитель ядъ и кинжалы тебѣ готовитъ.

Но къ чему служило мнѣ, увы! что серд-

це мое о близкой опасности меня извѣщало, когда свойственная младымъ лѣтамъ моимъ нерѣшительность препятствовала мнѣ сей страхъ употребить въ пользу: уйти добровольно въ нищенскомъ состояніи изъ отечественнаго Царства было для меня такъ тяжко, что мнѣ казалось легче закрыть глаза мои тамъ, гдѣ они въ первый разъ открылись.

Страшилась, нещастная, смерти, и убѣжать отъ ней (кто повѣритъ?) не имѣла смѣлости; и даже страхъ свой открыть опасалась, чтобъ не ускорить часа погибели. Тако унылая и печальная влачила жизнь мою въ безпрестанномъ мученіи, подобно человѣку съ обнаженною и протянутою шеею ежечасно ожидающему удара смертоносной сѣкиры.

Въ семъ состояніи, не знаю благопріятствомъ ли, или жестокостію судьбы, чтобъ сохранить меня еще къ хуждшему, одинъ изъ Царедворцевъ, отцемъ моимъ воспитанный, извѣстилъ меня, что время назначенной мнѣ отъ мучителя смерти приближилось, и что злодѣй поручилъ ему въ тотъ же день отравить меня ядомъ.

Притомъ далъ мнѣ знать, что жизнь моя однимъ токмо бѣгствомъ спасена быть можетъ, и какъ я ни отъ кого не могла надѣяться помощи, то онъ вызвался быть

моимъ проводникомъ, и увѣщаніями своими такъ меня ободрилъ, что я всякій страхъ въ себѣ преодолѣла и приготовилась при вечерней темнотѣ уйти съ нимъ изъ отечества и отъ лютаго дяди.

Наставшая необычайно темная ночь покрыла насъ благодѣтельнымъ своимъ мракомъ. Тогда вышла я изъ дома своего съ двумя избранными дѣвицами, восхотѣвшими нещастную участь мою раздѣлить со мною. Но часто съ горькими слезами озиралась назадъ на отечественныя стѣны, не могши зрѣніемъ на нихъ довольно насытиться.

Глаза и мысли мои единымъ путемъ стремились туда, отколѣ ноги мои невольно меня влекли, подобно кораблю, незапнымъ и свирѣпымъ вихремъ отъ любимыхъ береговъ отторженному и несомому. Цѣлую ночь и весь наставшій день шли мы по мѣстамъ, не являвшимъ ни единой слѣдовъ человѣческихъ стези. Наконецъ пришли въ пограничной Царства моего зȃмокъ.

Аронту зȃмокъ сей принадлежалъ (Аронтъ былъ тотъ, кто отъ опасности избавилъ меня и сопровождалъ). Когда мучитель узналъ, что я отъ лютыхъ коварствъ его избѣгла, то противъ обоихъ насъ воспылалъ яростію, и собственныя преступленія свои намъ приписуя, обвинялъ насъ тѣмъ самымъ злоумышленіемъ, какое противъ меня имѣлъ.

Сказалъ, что будто я подкупила дарами Аронта дать ему въ напиткѣ яду, дабы по смерти его быть необузданною и ни какимъ законамъ не подвластною; что будто я, послѣдуя сластолюбивой склонности моей, хочу безпрепятственно предаться многимъ любовникамъ. Ахъ! да снидетъ на меня громъ небесный прежде, нежели я оскорблю законы твои, святая честь!

Много страдала я отъ корыстолюбивой жестокаго дяди моего алчности къ злату, и отъ свирѣпой жадности его пролить мою невинную кровь; но еще болѣе тяжко было сердцу моему слышать, что онъ безпорочную честь мою оскорбляетъ клеветою. Злодѣй, страшась народнаго возмущенія, умѣлъ безсовѣстныя лжи свои такъ сплесть и украсить, что градъ, не доумѣвая чему вѣрить, въ защиту мою не ополчился.

Даже и нынѣ, когда ужѐ сѣдитъ на моемъ Престолѣ и когда чело его Царскимъ вѣнцемъ моимъ блистаетъ, не престаетъ онъ отъ нанесенія мнѣ всевозможныхъ бѣдствій и золъ: такъ злоба его на меня неугасима! Хочетъ Аронта иза̀мокъ его сжечь, естьли онъ добровольно себя не выдастъ; мнѣ же и сопутницамъ моимъ не токмо не обѣщаетъ пощады, но лютѣйшими угрожаетъ муками и терзаніями.

Говоритъ, что онъ дѣлаетъ то, дабы

смыть съ лица своего стыдъ, и поставить честь Царства и крови на ту степень достоинства, съ которой онѣ мною низпали; въ самомъ же дѣлѣ страшится, чтобъ не былъ у него отнятъ Престолъ, мнѣ по наслѣдству принадлежащій; ибо единственно, когда я паду, моею токмо смертію утвердиться на ономъ можетъ.

И такъ совершатся злодѣйскія намѣренія, въ сердцѣ мучителя предпріятыя, и погаснетъ въ крови моей люпость его, которую слезами не могла я погасить, ежели ты не воспрепятствуешь тому. Къ тебѣ, о Государь, прибѣгаю я, невинная, сирая и злополучная дѣвица. Сіи слезы мои, у ногъ твоихъ проливаемыя, да не попустятъ крови моей течь.

Заклинаю тебя сими твоими стопами, которыми попираешь ты гордыхъ и злыхъ; сею рукою твоею, несокрушимою подпорою правоты; высокими побѣдами твоими, и тѣми святыми храмами, въ коихъ ты молишься о низпосланіи тебѣ защиты, и самъ защищаешь ихъ: желаніе мое, яко единъ могущій, исполни, и твое милосердіе да сохранитъ мнѣ вмѣстѣ и Царство и жизнь; но не столько милосердіе, сколько да подвигнутъ тебя истина и правосудіе.

Небо благоволило тебѣ дать волю хотѣть правды, и власть дѣлать то, что

хочешь; мнѣ можешь ты спасти жизнь, себѣ пріобрѣсть Царство (ибо возвращенное мнѣ оно будетъ твое). Изъ толь великаго числа воиновъ отпусти со мною только десять сильнѣйшихъ твоихъ рыцарей: они, при помощи вѣрныхъ мнѣ жрецовъ и народа моего, возведутъ меня на отеческій Престолъ.

Одинъ изъ усердныхъ мнѣ подданныхъ моихъ, которому поручено охранять потаенныя врата, обѣщаетъ отворить ихъ и ночью впустить во градъ; желаетъ токмо, чтобъ я испросила у тебя нѣкую помощь, и на нее, сколь бы оная ни была мала, надѣется больше, нежели на цѣлые другихъ народовъ полки: толико-то единое имя твое и знамена почитаетъ!

Сказавъ сіе умолкла и съ такимъ видомъ, которой безъ словъ ублажаетъ и проситъ, ожидала отвѣта. Готфридъ задумывается, колеблется мыслями, и не знаетъ куда ихъ обратить. Страшится вѣроломныхъ обмановъ, и не надѣется на вѣру людей не вѣрующихъ въ Богочеловѣка. Но съ другой стороны жалость, никогда благородному сердцу не чуждая, возбуждается въ немъ и вопіетъ.

Не одна природная жалость влечетъ его да не отринетъ нещастную, но купно съ тѣмъ и собственная польза; ибо не безпо-

лезно ему имѣть во власти своей Дамаскъ, могущій къ удобнѣйшему достиженію его намѣреній открыть ему новые пути и способы снабдѣніемъ его и людьми и орудіями и златомъ противъ Египтянъ и ихъ союзниковъ.

Между тѣмъ какъ онъ тако, потупя на землю взоры, колеблется мыслями и въ недоумѣніи пребываетъ, дѣва смотритъ на него пристально, примѣчаетъ черты лица его, и видя медленность отвѣта, страшится и воздыхаетъ. Наконецъ въ требуемой ею помощи онъ отказываетъ, но словами ласковыми и учтивыми:

Когда бы мечи наши не обращены были на службу Божію, къ чему Онъ избралъ насъ, тогда могла бы ты основать надежду свою на нихъ, и получить вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о тебѣ нашимъ и желаемое тобою пособіе; но доколѣ сія паства его и сіи священныя стѣны не освободятся изъ подъ ига неволи, до тѣхъ поръ не благо и не справедливо уменьшать число людей и медлить на пути къ побѣдѣ.

Обѣщаю тебѣ (надѣйся на залогъ моего слова и будь спокойна), что какъ скоро снимемъ мы недостойныя узы съ сихъ Святыхъ и небомъ любимыхъ стѣнъ, такъ скоро по сродному намъ человѣколюбію придемъ возвратить тебѣ похищенное у тебя

Царство. Нынѣ же не прилично, оставя служеніе Богу, служить человѣку.

По сихъ словахъ дѣва потупила на землю очи и стояла нѣсколько минутъ безмолвна; потомъ подняла ихъ окропленныя слезами и жалостнымъ голосомъ сказала: бѣдная! кому небо опредѣлило жизнь толь постоянно горестную, что скорѣе въ другомъ измѣнится нравъ и природа, нежели во мнѣ моя злая участь?

Нѣтъ мнѣ больше надежды; нѣтъ конца моимъ страданіямъ. Исчезла сила жалости въ сердцахъ человѣческихъ. Пришло мнѣ думать, что можетъ быть тѣми моими слезами, которыми не могла я ужалобить тебя, ужалоблю моего лютаго мучителя. Не обвиняю тебя немилосердіемъ за отказъ мнѣ въ малой помощи; но обвиняю небо, толь противъ меня ожесточенное, что у самой благости отъемлетъ жалость къ моимъ стенаніямъ.

Не ты, Государь, таковъ, и не благость твоя; но моя судьба: она отрицаетъ мнѣ въ помощи. Жестокая судьба! лютый рокъ! отнимите у меня жизнь мою несносную! Мало того, увы! что въ младенчествѣ лишилась я отца и матери; надобно еще, чтобъ сверженную съ Престола повели меня, какъ преступницу, на безчестную казнь!

Когда законъ чести и долга не позволяетъ мнѣ долѣе здѣсь оставаться, то куда я пойду? Къ кому прибѣгну? гдѣ скроюсь? Какое найду отъ злодѣя убѣжище? Нѣтъ мѣста подъ небомъ, откуду бы рука его меня не исторгла. Чтожъ медлю? Вижу смерть; но когда ужѐ избавиться отъ ней не могу, то пойду и понесу главу мою на встрѣчу ей.

Тутъ умолкла: Царскій гнѣвъ и великодушіе пылали въ ея лицѣ; она обратилась и хотѣла итти, сурова и печальна. Слезы, гнѣвомъ и горестію извлекаемыя, безпрестанно изъ глазъ ея капали, и солнечными лучами освѣщаемыя казались быть хрусталь и жемчугъ.

Щеки ея, орошаемыя сею чистою падающею на грудь и на лоно влагою, уподоблялись румянымъ и купно бѣлымъ цвѣтамъ, когда они утреннею росою окропленные отверзаютъ играющимъ съ ними вѣтеркамъ душистое нѣдро свое, и восходящая заря, съ улыбкою на нихъ взирающая, любитъ украшать ими свои власы.

Но свѣтлая влага сія, по прекрасному лицу и воздыхающей груди струящався, производитъ огонь, во множество сердецъ тайно проницающій и въ нихъ возгарающійся. О чудеса любви! Она изъ слезъ извлекаетъ искры, и сердце воспаляетъ водою;

растетъ во имя природы, и всегда ее превозмогаетъ.

Сія притворная печаль у многихъ исторгла непритворныя слезы, и самыя твердыя сердца смягчила. Всякъ соболѣзнуетъ о ней и самъ съ собою разсуждаетъ: не ужели Готфридъ не сжалится надъ нею? Но развѣ онъ лютымъ тигромъ воспитанъ, или въ дикихъ Альпійскихъ горахъ отъ каменной скалы рожденъ, или свирѣпою пѣнящеюся волною изъ моря изверженъ? жестокой! возможноли такую красоту такъ огорчать?

Но между тѣмъ, какъ другіе сами про себя шепчутъ и молчатъ, младый Евстаѳій жалостію и любовію сильнѣе прочихъ воспаленный выступаетъ въ передъ и вопіетъ смѣло: о Царь и братъ мой, выше мѣры прилѣпленъ ты будешь къ первому своему мнѣнію, естьли не преклонишься къ согласному всѣхъ желанію и прозьбѣ.

Я не предлагаю, чтобъ Князи, распоряжающіе здѣсь своими народами, отступили отъ осаждаемыхъ стѣнъ, и пренебрегли свою обязанность; но изъ насъ простыхъ воиновъ, ни какими особыми должностями не правящихъ, и меньше другихъ законами обязанныхъ, избрать десять защитниковъ ты по справедливости можешь и долженъ.

Тотъ не отступаетъ отъ служенія Богу, кто слабую невинность отъ злобы сильна-

го спасаетъ: пріятно небу исторженіе губительныхъ орудій изъ рукъ мучительства. И такъ естьли бы и не побуждала меня несомнѣнная въ семъ предпріятіи заключающаяся польза, то побуждаетъ меня должность: ибо въ рыцарскомъ сословіи нашемъ помогать дѣвицамъ есть обязанность.

Ахъ! да не будетъ того, чтобъ во Франціи, или гдѣ токмо въ почтеніи вѣжливость и услуга, сказали объ насъ, что мы, убѣгая отъ трудовъ и опасности, не хотимъ за дѣло толь правое и святое заступиться. Я слагаю съ себя шлемъ и щитъ; бросаю мечъ мой, и не хочу отнынѣ, возсѣдая съ оружіемъ въ рукахъ на конѣ, носить недостойно имя рыцарское.

Тако вѣщаетъ: и съ нимъ подъемлется гласный ропотъ отъ всего рыцарскаго сословія. Онъ между тѣмъ, называя совѣтъ свой добрымъ и полезнымъ, убѣждаетъ, проситъ, умоляетъ верховнаго Вождя. Преклоняюсь, отвѣтствуетъ сей, уступаю соединенному толь многихъ желанію: да дастся, когда такъ вамъ мнится, дѣвѣ сей требуемая ею помощь: вашему слѣдую, а не моему, совѣту.

Но естьли вы къ словамъ Готфридовымъ имѣете какую либо вѣру, берегитесь предаваться вашей страсти. Больше не сказалъ. Они напротивъ довольны были тѣмъ, что

онъ желаніе ихъ исполнилъ. Чегожъ не могутъ сдѣлать женскія слезы и любовнаго языка ихъ сладкія слова? Исходитъ изъ прелестныхъ устъ ихъ златая цѣпь, связующая и влекущая за собою души.

Евстаѳій призываетъ дѣву и вѣщаетъ ей: престань, прекрасная, печалиться; ты вскорѣ получишь отъ насъ помощь, которая страхъ твой успокоитъ. Тогда пасмурный взоръ Армидинъ премѣняется въ свѣтлый, и лице ея цвѣтетъ такою радостію, что казалось небо красотою ея прельщалось, когда она глаза свои бѣлымъ платкомъ утирала.

Пріятными потомъ и ласковыми словами благодаритъ она за высокое оказанное ей благодѣяніе, увѣряя, что въ свѣтѣ оно будетъ громко, и никогда изъ сердца ея не изгладится. Чего же языкомъ не могла довольно выразить, то нѣмымъ краснорѣчіемъ взора своего изъявила, и такой лицемѣрной умѣла принять видъ, что къ сокрывающейся подъ нимъ мысли своей не возбудила ни малѣйшаго подозрѣнія.

Отселѣ видя, что щастіе великому началу обмановъ ея благопріятствуетъ, располагаетъ она, прежде нежели приведетъ къ концу злое намѣреніе свое, употребить, для лучшаго въ томъ успѣха, всѣ свои хитрости, и прекраснымъ лицемъ своимъ и умиль-

ными взорами сдѣлать больше, нежели волшебствомъ своимъ сдѣлали Цирцея и Медея, и гласомъ сладкопоющей Сирены усыпить самые бдительнѣйшіе умы.

Очаровываетъ, прельщаетъ, ловитъ хитрая дѣва въ сѣти свои новыхъ любовниковъ: не со всѣми и не всегда обходится одинаково; но смотря по времени перемѣняетъ видъ свой и поступки: иногда взоръ ея цѣломудренъ и строгъ, иногда томенъ и сладострастенъ; инаго она приманиваетъ, другаго обуздываетъ, судя по тому, какъ кто въ любви медленъ или скоръ.

Естьли примѣтитъ въ комъ, что онъ отъ неувѣренности въ успѣхѣ мысль свою воздерживаетъ и въ страсти простываетъ, тотчасъ въ веселыхъ очахъ ея появляется къ нему ласка и привѣтливость. Такимъ образомъ медленныя и робкія желанія его ободряетъ, и прогоняя сомнѣніе, охладѣвшую отъ страха волю огнемъ надежды согрѣваетъ.

Съ другимъ же, кто слѣпымъ и дерзкимъ предводимый Вождемъ преступаетъ смѣло предѣлы, она привѣтственными словами и ласковыми взорами скупится, робость и почтеніе въ него вселяя; но въ грозномъ на челѣ ея изображающемся гнѣвѣ блистаетъ однакожъ лучъ нѣжности, такъ что она, приводя въ страхъ, не приводитъ въ отча-

яніе, и тѣмъ больше плѣняетъ, чѣмъ больше гордится.

Иногда уединяется и лице и поступки свои такъ устроиваетъ, что кажется унылою и печальною. Часто слезы въ очахъ ея появляются, которыя она будто бы удерживать старается. Симъ притворствомъ многихъ простодушныхъ плакать съ собою побуждаетъ, и въ огнѣ жалости калитъ стрѣлы любви, дабы никакое сердце противу толь сильныхъ орудій не устояло.

Потомъ какъ будто бы грустныя мысли ея новою нѣкою надеждою озарились, является въ толпу обожателей своихъ, игрива, радостна, любезна; и блистая веселыми взорами и улыбкою, разгоняетъ тоску и скуку ихъ, какъ солнце, изъ подъ темныхъ облаковъ вышедшее и разгоняющее мракъ и туманы.

Смѣется, разговариваетъ, шутитъ и обворожаетъ ихъ чувства, такъ что сердце ихъ, не вкушавшее прежде толь сладкихъ удовольствій, таетъ отъ радости и утопаетъ въ веселіи. О жестокая любовь! Ты равно убиваешь насъ, какъ твоею сладостью такъ и горечью, и во всякое время болѣзнь, какую ты приключаешь, и лѣкарство, какое даешь, равно для насъ смертоносны.

Сими притворными средствами, хладомъ

и огнемъ, смѣхомъ и слезами, страхомъ и надеждою, умножаетъ число своихъ плѣнниковъ и надъ ними издѣвается вѣроломная дѣва. И ежели кто тихимъ и дрожащимъ голосомъ осмѣлится открыть ей свои мученія, она притворяется, что будто, какъ не искусная и не опытная въ любви, сихъ чувствъ его не понимаетъ.

Или потупя взоры, румянцемъ стыдливости украшается, покрывая бѣлый лица своего иней краснѣющимися розами, подобно какъ въ свѣжіе утренніе часы видимъ первое появленіе восходящей зари: такъ въ ней багрянецъ гнѣва, раждаясь вмѣстѣ съ багрянцемъ стыда, одинъ съ другимъ соединяется и смѣшивается.

Но естьли сначала изъ поступокъ примѣтитъ, что человѣкъ открыть ей любовь свою покушается, тотчасъ отъ него уходитъ, или, подавъ ему поводъ говорить, въ тожъ время отъемлетъ способъ продолжать: такъ цѣлый день манитъ ему и отнимаетъ у него надежду: обманутый оставтся онъ подобно охотнику, потерявшему къ вечеру слѣдъ звѣря, за которымъ гонялся.

Таковы были хитрыя прелести, коими обворожала она тысячи сердецъ; или паче орудія, коими покоряла она и насильственно принуждала служить Богу любви. Дивно ли, что яростный Ахиллъ, и Геркулесъ и

Тезей, были узниками его, когда онъ и тѣхъ, которые препоясались мечемъ за Христа, уловлялъ иногда въ лукавыя свои сѣти.

Конецъ четвертой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь пятая.

Тогда, какъ лукавая Армида всѣми хитростями своими привлекаетъ витязей, и не только обѣщанныхъ ей десять, но и другихъ тайно привлечь къ себѣ уповаетъ, Готфридъ между тѣмъ размышляетъ, кому поручить опасное подъ ея руководствомъ предпріятіе: число охотниковъ, достоинство ихъ и желаніе каждаго, приводятъ его въ затрудненіе.

Наконецъ по мудрой прозорливости своей полагаетъ: да отдастся на произволъ ихъ избрать между собою преемника великодушному Дудону, и преемникъ сей самъ собою да изберетъ уже отправляемыхъ съ Армидою воиновъ. Такимъ образомъ не подастъ онъ никому поводу на себя роптать и купно покажетъ должное къ знаменитому воинству уваженіе.

И такъ призываетъ ихъ къ себѣ и вѣщаетъ: вы слышали мое рѣшеніе не отказать дѣвицѣ, но дать ей помощь въ удобное къ тому время. Тоже и теперь предлагаю, и вы могли бы предложеніе мое принять;

ибо въ непостоянномъ и перемѣнчивомъ свѣтѣ семъ часто перемѣна мыслей бываетъ постоянство.

Но естьли вы пребываете еще въ томъ мнѣніи, что въ званіи вашемъ неприлично отказываться отъ опасности; и естьли высокосердая храбрость ваша не пріемлетъ тѣхъ совѣтовъ, кои кажутся ей излишно осторожными; то я не хочу насильно васъ удерживать, и даннаго мною слова обратно не беру: бразды правленія моего надъ вами да будутъ, какъ быть долженствуютъ, легки и кротки.

Остаться здѣсь, или итти отселѣ, предоставляю на собственную вашу волю: желаю токмо, чтобъ прежде на мѣсто убіеннаго Вождя нарекли вы преемника, и чтобъ сей, начальствуя надъ вами, избралъ изъ васъ по своему благоусмотрѣнію десять воиновъ; далѣе десяти число да не простирается: въ семъ единомъ верховную власть предоставляю себѣ, и ни кому изъ подчиненныхъ моихъ оной не поручаю.

Тако рекъ Готфридъ. Братъ его, по согласію всѣхъ, отвѣтствуетъ ему: Государь! какъ въ тебѣ, верховномъ Вождѣ, нужно медленное, всеобозрительное благоразуміе, такъ отъ насъ, частныхъ воиновъ, требуется быстротечная сила сердца и руки. Мудрая въ другихъ воздержность, называемая преду-

смотрительностію, въ насъ была бы недостатокъ отважности.

Впрочемъ опасность сего предпріятія въ сравненіи съ почерпаемою изъ того пользою ничтожна: и такъ, по данному тобою позволенію, десять избранныхъ мужей пойдутъ совершить сей знаменитый подвигъ. Тако рекъ, стараясь подъ толь благовиднымъ предлогомъ скрыть тайное сердца своего стремленіе. Другіе также побужденіе страсти выдаютъ за побужденіе чести.

Но младый Евстаѳій взираетъ съ завистію на сына Софіина, и страшась великихъ доблестей его въ прекраснѣйшемъ тѣлѣ блистающихъ, не желаетъ имѣть его своимъ сотоварищемъ, и хитрыми совѣтами ревности вдохновенный, отзываетъ соперника своего въ сторону, и тако искусною лестію слова свои услаждая вѣщаетъ ему:

О великаго родителя превосходнѣйшій сынъ, ты, который въ юности достигъ ужѐ до совершеннаго въ ратныхъ дѣлахъ искуства! Кто храброй дружины, къ коей мы сопричисляемся, избранъ будетъ Вождемъ? Я славному Дудону изъ уваженія токмо къ лѣтамъ его подчинившійся; я, братъ Готфридовъ, кому уступлю? Никого, кромѣ тебя не вижу.

Тебя, знаменитостію рода со всѣми первостепенными равнаго, слава и достоинство

дѣлъ поставляютъ выше меня; ниже самъ старшій братъ мой въ употребленіи въ брани оружія не счелъ бы себѣ за безславіе отдать тебѣ преимущество: и такъ по всей справедливости я желаю, да будешь ты избранъ Вождемъ нашимъ, полагая, что быть сопутникомъ сей дѣвы ты не восхощешь; ибо не мню, чтобъ ты удовольствовался искать чести въ подвигахъ негромкихъ и неблистательныхъ.

Здѣсь безсомнѣнія предстанутъ случаи, въ коихъ храбрость твоя свѣтлѣйшею озарится славою. По сей причинѣ, естьли то тебѣ не противно, я употреблю мое стараніе, чтобъ всѣ прочіе согласились возложить на тебя званіе Вождя. Но какъ я не знаю еще въ какую сторону сомнительное и нерѣшимое сердце мое преклонится, то напередъ испрашиваю у тебя, чтобъ отдано было мнѣ на волю, итти съ Армидою или остаться съ тобою.

Тутъ умолкъ Евстаѳій; но не могъ, произнося послѣднія слова, не покраснѣть. Ринальдъ же, примѣтя страстную худо сокрытую мысль его, улыбнулся. Но какъ стрѣлы любви не могли въ твердое сердце его глубоко вонзиться, то онъ ни соперничествомъ не смущается, ни за юною дѣвою послѣдовать желаніемъ не горитъ.

Въ грудь его сильными чертами врѣза-

лась горестная Дудонова смерть: онъ ставитъ себѣ въ безславіе, что дерзкій Аргантъ еще живъ, и можетъ тѣмъ величаться. И такъ рѣчь сія съ одной стороны пріятна ему была, яко приглашающая его къ должному подвигу чести; а съ другой юное сердце его веселилось, внимая сладкимъ звукамъ правдивыхъ похвалъ.

Сего ради тако отвѣтствуетъ: первостепенныхъ чиновъ я больше достоинъ быть, нежели получить ихъ желаю. Высотѣ Престоловъ, естьли доблестями буду высокъ, не завидую. Но когда ты великій санъ сей предлагаешь мнѣ, и почитаешь меня онаго достойнымъ, то я отъ него не отрицаюсь: мнѣ лестно видѣть въ тебѣ сей знакъ твоего ко мнѣ уваженія.

И такъ не требую сего сана и не отвергаю его; естьли же возведенъ буду на оный, то изберу тебя послѣдователемъ Армиды. Тогда Евстаѳій оставляетъ его, и отходитъ преклонять товарищей своихъ къ своему желанію. Но Князь Жерландъ хочетъ самъ избранъ быть въ сіе достоинство, и хотя плѣненъ Армидою, однакожъ гордое сердце его не столько покорствуетъ женскимъ прелестямъ, сколько прелестямъ славолюбія.

Жернандъ происходитъ отъ великихъ Царей Нордвежскихъ, многими народами об-

ладавшихъ; толикое число Престоловъ и вѣнцевъ Царскихъ отца и дѣдовъ его напыщали духъ его надменностію. Ринальдъ, напротивъ, гордился собственными своими доблестями больше, нежели дѣлами предковъ своихъ, хотя и оные ужѐ болѣе пяти вѣковъ миромъ и войною славятся.

Но кичливый Царя Норвежскаго сынъ, по единому пространству земель и собираемому съ нихъ злату себя измѣряющій, и всякое достоинство, Царскимъ именемъ неукрашенное, въ ничто вмѣняющій, не можетъ терпѣть, чтобъ однѣми токмо дѣлами своими славящійся витязь состязался съ нимъ въ искомомъ имъ санѣ, и такимъ возгараетсся гнѣвомъ и яростію, что выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ разсудка.

Злой адскій духъ, видя къ сердцу его толь широко отверстый для себя путь, тихо какъ змія извиваясь въ него вползаетъ, и мыслямъ его льстя сидитъ въ нихъ и ими управляетъ: онъ ненависть его больше и больше возжигая, и злобу и гнѣвъ его умножая, творитъ, что въ душѣ его безпрестанно раздается гласъ, тако ему вѣщающій:

Ринальдъ хочетъ равняться съ тобою. Онъ тщеславится своими предками, но кто они такіе? Пусть, когда смѣетъ уподобляться тебѣ, похвалится толикимъ же числомъ подвластныхъ или дань платящихъ имъ на-

родовъ; пусть покажетъ въ родѣ своемъ столько мертвыхъ, сколько у тебя живыхъ Царей.

Побѣдитъ ли онъ, или нѣтъ; но ужѐ тѣмъ однимъ побѣдитель, что дерзнулъ вступить съ тобою въ соперничество. Чтò скажетъ свѣтъ? Скажетъ (молва сія ужѐ великую честь ему сдѣлаетъ), скажетъ, что Ринальдъ состязался съ Жернандомъ о томъ великомъ санѣ, которымъ украшался Дудонъ, и которымъ могъ бы и я украшаться, естьлибъ онъ требованіемъ своимъ его не унизилъ.

Ежели Дудонъ, сей величавый и достопочтенный старецъ, нынѣ безмолвный и бездыханный, обращаетъ еще взоры свои на дѣла наши, то какимъ, думáть должно, благороднымъ въ небесахъ воспаляется гнѣвомъ, видя, что сей горделивый, неопытный юноша дерзаетъ, презирая лѣта его, нагло и буйно съ нимъ равняться?

Не токмо дерзаетъ, но и покушается, и вмѣсто наказанія честь и хвалу получаетъ; и есть люди (о стыдъ всеобщій!) ободряющіе то, и рукоплесканіями своими его къ тому поощряющіе! Но естьли Готфридъ видя сіе терпитъ и хочетъ принадлежащее тебѣ у тебя похитить, ты терпѣть сего не долженъ, нѣтъ, не дай сему быть; но то, что ты можешь, и что ты есть, яви предъ всѣми.

При звукѣ словъ сихъ лютый гнѣвъ, какъ потрясаемый свѣточъ, ярко въ немъ пылаетъ, такъ что въ сердцѣ его пышущемъ и полномъ не вмѣщаясь болѣе, въ очи и на дерзкій языкъ изливается. Все, что въ Ринальдѣ кажется ему предосудительнаго и непохвальнаго, ставитъ ему въ безчестіе; порицаетъ его тщеславіемъ и гордостію, и храбрость его безумною дерзостію и бѣшенствомъ называетъ.

И все, что въ немъ великодушнаго и важнаго и превосходнаго и знаменитаго блистаетъ, все то, худосплетенною клеветою очерняя, въ видѣ пороковъ изображаетъ; и толь явно и громко его злословитъ, что слухъ о томъ до соперника его достигаетъ; но онъ чрезъ то не унимается, и слѣпою злобою дышущій больше и больше оскорбляя спѣшитъ къ смерти.

Адскій духъ въ видѣ гнѣва языкомъ его движетъ и ругательныя слова слагая съ него сотрясаетъ; онъ искры за искрами въ воспламененной груди его раждая, брань за бранью оттолѣ износитъ. Въ станѣ было широкое поприще, куда обыкновенно многіе воины стекалися, и тамо къ ристаніямъ и борьбамъ сильные члены свои пріучали.

Здѣсь, когда скопище народа было самое большое, Жернандъ, влекомый рокомъ своимъ, начинаетъ паки порицать Ринальда,

и языкомъ своимъ, какъ бы жаломъ въ адскую желчь обмокнутымъ, его уязвляетъ. Сей стоялъ близко и слышалъ. Пылъ гнѣва тотчасъ овладѣлъ имъ: ты лжешь! воскликнулъ онъ, и съ обнаженнымъ въ десницѣ мечемъ кинулся къ нему грозно.

Гласъ его былъ громъ и мечъ его молнія, несущая перуны. Встрепеталъ Жернандъ: не видитъ спасенія отъ предстоящей ему неизбѣжной смерти; однакожъ, опасаясь предъ лицемъ всего воинства обезславиться, пріемлетъ на себя видъ неустрашимаго бойца, извлекаетъ свое оружіе и приготовясь къ оборонѣ ожидаетъ великаго врага своего съ твердостію.

Казалось вдругъ тысячи мечей возблистали. Толпы народа, не зная что сдѣлалось, отовсюду стеклися, волнуются, тѣснятся. Различные вопросы, гласы и крики смѣшиваются и раздаются въ воздухѣ: тако при брегахъ морскихъ шумные плески водъ соединяются съ шумомъ вѣтровъ.

Но вопль и клики не усмиряютъ бурной души раздраженнаго воина; ни какія преграды удержать его не могутъ: онъ, вращая блистающій мечъ свой, раздвигаетъ груды народныя, и чрезъ тысячи защитниковъ и сомкнутыхъ предъ нимъ оружій отверзая себѣ путь, грозенъ и мстителенъ нападаетъ на Жернанда.

И рукою, даже и во гнѣвѣ меткою, ударъ за ударомъ ему наноситъ: то въ грудь, то въ главу, то въ правой, то въ лѣвой бокъ его поражаетъ; и съ такою силою и скоростію, что глазъ не можетъ примѣтить искуства и намѣренія; и тамъ, гдѣ меньше ожидаетъ, тамъ рана больше и глубже.

Разитъ не преставая, доколѣ кровопійственный мечъ свой единожды и дважды вонзаетъ ему въ перси: падетъ нещастный подъ ударами, и духъ съ жизнію исходитъ изъ него двумя отверстіями. Побѣдитель влагаетъ дымящійся еще кровію мечъ свой во влагалище, и оставя поверженное тѣло удаляется, гдѣ яростная душа и кипящій гнѣвъ его потухаютъ.

Тогда благочестивый Готфридъ на шумъ сей притекаетъ, и видитъ неожидаемое, жалостное зрѣлище: видитъ простертаго съ растрепанными власами, блѣднаго и плавающаго въ крови своей Жернанда. Слышитъ стенанія и плачъ и жалобы многихъ, стоящихъ окрестъ убіеннаго Царевича. Удивленный вопрошаетъ: здѣсь, гдѣ всего менѣе прилично, кто и какъ дерзнулъ на такое дѣло?

Арнальдъ, единъ изъ друзей убіеннаго Князя, увѣдомляетъ его о случившемся, и расказывая увеличиваетъ вину Ринальдову: вѣщаетъ, что онъ, за малую причину безумнымъ воспылавъ гнѣвомъ, убилъ его, и что

мечъ, за Христа препоясанный, обратилъ на Христовыхъ воиновъ, презря данное отъ верховной власти о единоборствахъ запрещеніе.

Что по закону подлежитъ смерти и долженъ по всей строгости онаго быть наказанъ, какъ потому, что преступленіе само по себѣ важно, такъ и потому, что въ такомъ мѣстѣ учинено, гдѣ естьли прощено будетъ, то подастъ всякому другому поводъ къ дерзости, и что обиженные, не ожидая справедливаго отъ суда удовлетворенія, захотятъ сами мстить.

Что отъ сего повсюду родятся междоусобныя ссоры и несогласія. Къ сему присовокупилъ воспоминаніе о достоинствахъ убитаго, и все то сказалъ, что могло возбуждать жалость и гнѣвъ. Но Танкредъ вступился и противурѣча ему описалъ причину преступленія извинительною. Готфридъ внемлетъ, и на лицѣ его больше изображается строгости, нежели мягкосердія.

Тогда Танкредъ присовокупляетъ: воспомни, мудрый Государь, кто и каковъ Ринальдъ. Какой чести достоинъ, какъ самъ по себѣ, такъ и по знаменитому роду своему, и потому, что онъ племянникъ Гвельфовъ. Царю не должно всѣмъ равную опредѣлять казнь. Одно и тоже преступленіе

въ различныхъ санахъ различно, и только между равными равнѣ.

Верховный Вождь отвѣтствуетъ: отъ высокихъ низшіе да научатся повиноваться. Худо совѣтуешь, Танкредъ, и худо мнишь, ежели хочешь, чтобъ я высокимъ чинамъ предоставилъ своевольство. Какое будетъ правленіе мое, когда я, Царь простонародный, одними только низкими людьми повелѣвать стану? Жезлъ Царскій, на такихъ условіяхъ тщетный и безполезный, почиталъ бы я для себя постыднымъ.

Но онъ данъ мнѣ единодушно и добровольно, безъ всякаго ограниченія власти. Я знаю, какія кому опредѣлять казни и награды, и какъ, сохраняя равенство, не отдѣлять великихъ отъ малыхъ. Тако рекъ: Танкредъ, почтеніемъ побѣжденный, пребылъ безмолвенъ.

Раимондъ, ревнитель строгихъ уставовъ древности, похвалилъ Готфридовы слова: тако Царствующіе, сказалъ, любимы бываютъ своими подданными. Тамъ нѣтъ совершеннаго благочинія, гдѣ человѣкъ ожидаетъ не наказанія, а прощенія. Всякое Царство падаетъ, и всякое милосердіе рушится, когда не имѣетъ основаніемъ страха.

Тако рекъ: Танкредъ выслушавъ слова ихъ не остался долѣе съ ними, но сѣвъ на коня своего, быстраго какъ птицу, поска-

калъ къ Ринальду, который, по исторженіи изъ врага своего души и гордости, уклонился въ шатеръ свой. Тамо Танкредъ нашелъ его и о слышанномъ имъ разговорѣ вполнѣ увѣдомилъ.

Потомъ присовокупилъ: хотя наружнаго вида не почитаю я точнымъ свидѣтельствомъ сердечныхъ чувствъ; ибо мысль человѣческая гораздо глубже внутри насъ сокрывается; однакожъ, судя по намѣреніямъ верховнаго Вождя, о которыхъ онъ даже и не молчитъ, дерзаю заключать, что онъ хочетъ взять тебя подъ стражу и подвергнуть общему о преступникахъ закону.

Усмѣхнулся тогда Ринальдъ, и съ такимъ видомъ, въ которомъ сквозь смѣхъ блистали искры гнѣва, сказалъ: пусть тотъ оправдывается въ цѣпяхъ, кто рабъ, или достоинъ быть рабомъ. Я родился, и жилъ, и прежде умру свободенъ, нежели руки или ноги мои протяну въ оковы. Десница моя, пріученная къ мечу и лаврамъ, отринетъ недостойныя узы.

Но ежели Готфридъ за мои услуги такую награду мнѣ готовитъ, что хочетъ взять меня и какъ простолюдина повлечь скованнаго въ народную темницу; то пусть пришлетъ кого, или самъ придетъ: я буду стоять твердо. Судьба и оружіе рѣшатъ

между нами. Пускай враги наши посмотрятъ съ веселіемъ на кровавое здѣсь позорище.

Сказавъ сіе требуетъ оружія, и грудь и главу покрываетъ свѣтлою сталью; обременяетъ руку свою щитомъ широкимъ, и острый мечъ препоясуетъ по бедрѣ. Облеченный въ доспѣхи величественъ и грозенъ какъ молнія блистаетъ. Марсъ! тебѣ подобенъ онъ, когда ты съ пятаго неба ужасами окруженъ низшелъ на землю.

Танкредъ между тѣмъ старается ярый духъ его и возгордѣвшее сердце укротить: непобѣдимый юноша, вѣщаетъ, знаю, что всякое важное и великое предпріятіе для тебя не трудно; знаю, что надъ всѣми бранями и ужасами высокая доблесть твоя всегда торжествовала; но Богу не угодно, чтобъ она толь жестокимъ образомъ нынѣ ко вреду нашему оказалась.

Скажи мнѣ, что ты предпріемлешь? Не ужъ ли хочешь руки твои кровію братій своихъ обагрить, и пораженіемъ Христіянъ поразить Христа, коего они суть части и члены? Суетныя къ мірской чести уваженія, подобныя приливу и отливу водъ морскихъ, должны ли въ тебѣ превозмогать вѣру и усердіе къ той славѣ, которая есть небесная и вѣчная?

Ахъ нѣтъ! Ради Бога, побѣди самаго себя; обуздай сію духа твоего свирѣпую не-

покорность; уступи; да не будетъ сіе отъ страха, но по доброй воли: небеса благоволятъ сіе повиновеніе твое увѣнчать масличными вѣтвями. Естьли примѣръ юныхъ лѣтъ моихъ достоинъ твоего подражанія, внемли: мнѣ также надлежало нѣкогда сражаться съ Христіянами; но я воздержался и укротилъ себя.

Въ то время, когда я покорялъ Киликію и водрузилъ въ ней знамена Христовы, Бальдовинъ прибылъ и недостойнымъ образомъ овладѣлъ ею, и плодъ побѣдъ моихъ коварно себѣ присвоилъ. Ласками его усыпленный, я сихъ корыстолюбивыхъ видовъ его не предвидѣлъ; но хотя послѣ и могъ бы силою оружія право мое возвратить, однакожъ сего не сдѣлалъ.

Когда же ты темницу и оковы почитаешь такимъ для себя безчестіемъ, котораго ты никакъ перенесть не можешь, и хочешь послѣдовать тѣмъ мнѣніямъ и обычаямъ, кои свѣтъ подъ именемъ закона чести одобряетъ, то поручи мнѣ оправдать тебя предъ верховнымъ Вождемъ. Самъ же ты удались въ Антіохію къ Боемонду; ибо предстать предъ судъ въ сіи первые часы пылкаго противъ тебя негодованія, не почитаю надежною для тебя безопасностію.

Скоро, отсутствующу тебѣ, въ непобѣдимой храбрости твоей возчувствуютъ нуж-

ду: когда Египтяне или иныя непріятельскія войска появятся ополченныя противъ насъ, тогда всѣ возжелаютъ твоего присутствія, увидя, что воинство безъ тебя, какъ тѣло безъ руки. При концѣ сихъ словъ приходитъ Гвельфъ, и тоже подтверждая совѣтуетъ немедленно удалиться.

Гнѣвный духъ горделиваго юноши убѣждается. Онъ уступаетъ и повинуется ихъ совѣтамъ, и приготовляется тотъже часъ оставить воинскій станъ. Между тѣмъ собрались многіе друзья его, и всякой хочетъ и проситъ ѣхать съ нимъ. Онъ благодаритъ ихъ, и никого, кромѣ двухъ оруженосцевъ, съ собою не беретъ, и на коня садится.

Летитъ и несетъ съ собою никогда въ благородномъ сердцѣ неугасаемое желаніе пріобрѣсть вѣчную, неувядаемую славу. Душа его о великихъ предпріятіяхъ и безсмертныхъ подвигахъ помышляетъ: хочетъ, яко воинъ за Вѣру, на поприщахъ побѣдъ снискать себѣ лавръ или кипарисъ; протечь Египетъ и проникнуть до тѣхъ безвѣстныхъ странъ, откол҃ѣ истекаетъ Нилъ.

Но Гвельфъ, между тѣмъ какъ храбрый юноша готовится къ отъѣзду, прощается съ нимъ, и не медля долѣе спѣшитъ итти къ Готфриду. Сей, какъ скоро увидѣлъ его, возвыся голосъ рекъ: Гвельфъ, я давно тебя

ожидаю, и нарочно послалъ за тобою во всѣ стороны разныхъ гонцевъ.

Посемъ, выславъ всѣхъ, тихимъ голосомъ начинаетъ съ важностію говорить ему: поистиннѣ, о Гвельфъ, племянникъ твой легкомысленно предался гнѣвному сердца своего движенію. Трудно, думаю, будетъ ему оправдать поступокъ свой. Весьма желаю, чтобъ нашли его невиннымъ; но впрочемъ Готфридъ есть судія для всѣхъ равный.

Онъ во всякомъ случаѣ не престанетъ быть стражъ и защитникъ законовъ и правосудія, сохраняя всегда въ судахъ сердце свое свободнымъ отъ всякаго насилія пристрастій. И такъ ежели Ринальдъ, по словамъ нѣкоторыхъ, находился въ необходимости нарушить запрещающій единоборство законъ, то да предстанетъ на судъ и правость свою докажетъ.

Да предстанетъ самъ собою, безъ принужденія: на сіе токмо единое изъ уваженія къ заслугамъ его я соглашаюсь. Но естьли онъ окажетъ въ томъ упорство и неповиновеніе (знаю крутость нрава его), то ты приведи его сюда и потщись отвратить худыя слѣдствія: да не принудитъ онъ меня изъ человѣка тихаго и кроткаго содѣлаться строгимъ мстителемъ оскорбленной власти и законовъ.

Тако рекъ, и Гвельфъ отвѣтствуетъ:

ни единая душа не можетъ, слыша поносительныя о себѣ рѣчи и ругательныя слова, не воспылать гнѣвомъ и тутъже не унять клеветника. Онъ убилъ его, далъ ему смертельныя раны, такъ; но кто же въ ярости не преступалъ предѣловъ мести? Кто въ пылу брани взвѣситъ обиду и соразмѣрно ей расположитъ свои удары?

Ты требуешь, чтобъ Ринальдъ подвергся высокому суду твоему: сожалѣю, что сего быть не можетъ; ибо онъ удалился изъ стана. Между тѣмъ рука моя готова защищать его отъ всякаго ложнаго обвиненія, и всякому ядовитому языку доказать, что Ринальдъ за несправедливую нанесенную ему обиду наказалъ справедливо.

Онъ, скажу смѣло, весьма дѣльно кичливому Жернанду сломилъ рогъ гордости, и естьли въ чемъ погрѣшилъ, такъ токмо въ забвеніи твоего запрещенія: о семъ крайне сожалѣю и похвалить его не могу. Умолкъ, и Готфридъ сказалъ: пусть странствуетъ и унесетъ отселѣ свары; я не хочу, чтобъ здѣсь посѣялъ ты новыя сѣмена раздора. Дай Боже, да симъ окончатся всѣ расприи несогласія!

Между тѣмъ лукавая прелестница Армида не престаетъ ходатайствовать о помощи. Она всякой день съ утра до вечера о томъ проситъ, и весь свой умъ, искуство и

красоту на то употребляетъ. Когда же ночь, по закатѣ солнца, простираетъ мрачное покрывало свое, тогда съ двумя сопутниками и сопутницами своими уходитъ въ шатеръ свой.

Но хотя ничто не сравнится съ пріятнымъ обхожденіемъ и сладкими словами сей великой въ уловленіи сердецъ искусницы, толь прекрасной, что небо ни прежде ни послѣ ни въ комъ толикихъ прелестей не созидало, и хотя она всѣхъ знаменитѣйшихъ витязей вовлекла въ свои сѣти и крѣпко ими опутала; однакожъ ни какими сильными очарованіями не можетъ вкрасться въ сердце благочестиваго Готфрида.

Тщетно прельщаетъ его и приманчивыми сладостями тщится заронить въ него искру страсти. Какъ сытая птица не летитъ на разсыпанный предъ нею кормъ, такъ онъ, пресыщенный свѣтомъ, презирая мірскія утѣхи, грядетъ пустыннымъ путемъ на небо, и сколько соблазнительница любовь въ прелестномъ ея лицѣ ни ставитъ ему сѣтей, онъ ни въ одну изъ нихъ не впадаетъ.

Ни какими средствами Армида не можетъ отвратить его отъ благоговѣйныхъ, исполненныхъ святостію мыслей. Съ тысячами хитростей, и въ тысячи видахъ, какъ новый Протей, являлась она предъ него,

и могла бы своими очаровательными поступками и обольщающими взорами во всякомъ разбудить спящую мертвымъ сномъ любовь; но здѣсь (Божескою конечно благодатiю) всѣ ея покушенiя уничтожались, и безполезно было возобновлять ихъ.

Прекрасная Дамасская Царевна, мнившая всякое цѣломудрое сердце единымъ взглядомъ воспалить, о какъ въ гордости своей уничиженною себя чувствуетъ, и гнѣвомъ и удивленiемъ терзается! Наконецъ вознамѣривается силы свои обратить туда, гдѣ сопротивленiе не столь крѣпко и твердо: тако воитель утомясь оставляетъ стѣны неприступнаго града и несетъ въ иное мѣсто войну.

Но противъ прелестей ея Танкредово сердце не меньше явилось непобѣдимымъ: живущее въ груди его иное желанiе не допустило возгорѣться въ ней новому пламени. Подобно какъ одинъ ядъ истребляется другимъ, такъ и одна любовь уничтожается другою. Сихъ однихъ не могла она побѣдить; прочiе всѣ больше или меньше въ прелестномъ огнѣ ея сгарали.

Она хотя и сокрушалась, что не во всѣхъ своихъ хитростяхъ и намѣренiяхъ успѣла, однакожъ отчасти утѣшалась тѣмъ, что многихъ знаменитыхъ привлекла къ себѣ воиновъ, и въ тожъ самое время помышляла,

какимъ бы образомъ прежде, нежели они обманы ея примѣтятъ, залучить ихъ въ такое безопасное мѣсто, гдѣ бы она могла повергнуть ихъ въ иныя оковы, не въ тѣ, какія нынѣ носятъ.

По истеченіи срока, въ который обѣщано отъ верховнаго Вождя дать ей нѣкоторую помощь, она приходитъ къ нему почтительно и вѣщаетъ: Государь! день назначенный минулъ, и естьли злодѣй мой какимъ либо образомъ узнаетъ, что я къ оружію твоему прибѣгла, приготовитъ силы къ отраженію, и затруднитъ успѣхи предпріятія.

И такъ прежде нежели какой либо слухъ до него достигнетъ, или какой соглядатель дастъ ему вѣсть, повели милосердуя обо мнѣ избрать изъ сильныхъ твоихъ воиновъ малое число, и немедленно отпусти ихъ со мною. Ежели небеса взираютъ на дѣла смертныхъ и не забываютъ невинность, то конечно буду я на Престолѣ моемъ, и Царство мое не престанетъ приносить тебѣ дань въ мирное и военное время.

Тако рекла: верховный Вождь согласуется на прозьбу ея, въ которой по данному слову не можетъ болѣе отказать. Скорый Царевнинъ отъѣздъ принуждаетъ его приступить къ избранію; но въ числѣ десяти воиновъ всякъ желаетъ быть, и соревнова-

ніе ихъ такъ велико, что каждый неотступно проситъ.

Армида, видя откровенность сердецъ ихъ, тщится новыми средствами увеличить свое надъ ними владычество: она для подкрѣпленія страсти возбуждаетъ въ нихъ мучительныя чувства страха и ревности, зная, что безъ сихъ поощреній любовь становится напослѣдокъ тяжелою и лѣнивою, подобно коню, уменьшающему прыткость свою, когда никто ни за нимъ ни передъ нимъ не скачетъ.

Царевна такъ искусно и хитро словами своими каждаго обольщаетъ, и взорами очаровываетъ, и усмѣшками плѣняетъ, что нѣтъ изъ нихъ ни одного, которой бы не завидовалъ другому: во всѣхъ страхъ соединенъ съ надеждою. Обезумленная толпа любовниковъ ея, утопающая въ обманчивыхъ прелестяхъ прекраснаго лица, не обуздывается ни чѣмъ, ни стыдомъ, ни увѣщаніями верховнаго Вождя.

Сей желаетъ, безъ всякаго пристрастія къ однимъ, всѣхъ ихъ равно удовольствовать, хотя смотря на безумную страсть ихъ, иногда стыдомъ, иногда гнѣвомъ воспаляется. Наконецъ, видя ихъ въ желаніяхъ своихъ твердыми, изобрѣтаетъ новый къ примиренію ихъ способъ: да напишутся, ска-

залъ, имена ваши и положашся въ сосудъ, и да будетъ судіею вашимъ судьба.

Тотчасъ всѣ имена свои записываютъ, кладутъ въ небольшой сосудецъ, трясутъ, и по очереди вынимаютъ: первый вынимается Пемброцкій Графъ Артемидоръ; потомъ возглашаютъ Герарда; за сими читаютъ Вѣнцеславово имя. Вѣнцеславъ, толь прежде постоянный и благоразумный, днесь юношествующій съ сѣдыми власами любовникъ.

О какое на лицахъ трехъ первоизбранныхъ является веселіе! Какая радость, благопріятствомъ щастія въ сердцахъ ихъ возбужденная, сверкаетъ изъ очей ихъ! Другіе, которыхъ жребій сокрытъ еще въ сосудѣ, томятся безвѣстностію, терзаются завистію, и не спускаютъ глазъ съ устъ того, кто вынимаетъ и читаетъ имена.

Гваско былъ четвертый, за нимъ слѣдуетъ Рудольфъ, за Рудольфомъ Олдерикъ, за симъ Вильгельмъ Ронсиліонскій, потомъ Баварецъ Эберардъ, потомъ Французъ Ганри. Послѣдній былъ Рамбольдъ, который послѣ, перемѣня вѣру, содѣлался врагомъ Христовымъ. Въ какое неистовство не введешь ты, о любовь! Сей, поступя въ число десяти, замкнулъ всѣмъ прочимъ входъ въ оное.

Всѣ сіи завистію, гнѣвомъ и ревностію дышущіе, клянутъ слѣпое щастіе, и обвиняютъ тебя, любовь, для чего ты допуска-

етъ его быть въ области твоей судіею. Но какъ человѣкъ наклоненъ всегда того, что запрещено, желать наиболѣе, то многіе изъ нихъ, вопреки щастію, располагаются слѣдовать за Царевною, какъ скоро наступитъ темнота ночи.

Они увѣряютъ ее, что готовы всегда при свѣтѣ и мракѣ не отлучаться отъ ней, и за нее сражаться и умирать. Она легкою улыбкою, или недомолвленнымъ словомъ или тихимъ вздохомъ, ободряетъ ихъ къ тому, и то одному, то другому изъявляетъ сожалѣніе свое, что онъ не съ нею. Между тѣмъ всѣ десять воиновъ облеклись въ доспѣхи и прощаются съ Готфридомъ.

Мудрый Вождь каждаго изъ нихъ наставляетъ, сказуя, чтобъ на вѣру невѣрныхъ, яко на залогъ ненадежный, опасались полагаться, и чтобъ отъ лукавствъ и обмановъ брали свои предосторожности. Но слова его и рѣчи развѣяны были вѣтрами: любовь не пріемлетъ совѣтовъ мудрости. Напослѣдокъ отпускаетъ ихъ, и Царевна спѣшитъ отправиться, не дожидаясь новаго утра.

Отъѣзжаетъ побѣдительница, и десять соперниковъ, какъ бы прикованныхъ къ торжественной колесницѣ своей, влечетъ за собою, оставя толпу прочихъ обожателей своихъ въ жестокихъ мученіяхъ. Но едва наступила ночь, принесшая подъ мрачными

крыльями своими безмолвіе и сонъ, какъ многіе, любовію вдохновенные, шайно пустились въ слѣдъ за нею.

Первый пустился Евстаѳій, едва ушерпѣвшій дождашься вечерняго мрака: летитъ съ поспѣшностію, куда въ темнотѣ ночи ведетъ его слѣпой предводитель. Всю свѣжую и тихую ночь ѣхалъ, и напослѣдокъ, на разсвѣтѣ дня, увидѣлъ селеніе, гдѣ Армида со всѣми сопровождавшими ее ночевала.

Летитъ прямо къ ней. Рамбольдъ тотчасъ узнаетъ его по доспѣхамъ, и громкимъ гласомъ вопрошаетъ: кого ищешь и за чѣмъ пріѣхалъ? За тѣмъ, отвѣчаетъ онъ, чтобъ слѣдовать за Армидою. Она, естьли не отринетъ услугъ моихъ, найдетъ не меньше другихъ усерднаго во мнѣ сподвижника. Кто, прерываетъ Рамбольдъ, кто избралъ тебя достойнымъ сей чести? Евстаѳій отвѣчаетъ: любовь.

Любовь меня избрала, тебя щастіе: чей судія справедливѣе, твой или мой? Тогда воскликнулъ Рамбольдъ: напрасно лживыми доводами присвояешь себѣ ложное имя. Незаконный самозванецъ, ты не можешь вмѣшаться въ число законныхъ защитниковъ Царевны. А кто, прервалъ гнѣвно юный воинъ, кто мнѣ въ томъ воспретитъ?

Я, отвѣчалъ Рамбольдъ, я воспрещу тебѣ и произнося сіи слова приступилъ къ нему

близко. Другой съ такою же запальчивостію и угрозами приступилъ еще ближе. Но тутъ прелестная мучительница сердецъ нѣжною рукою, ставъ между ими гнѣвными, развела ихъ, и одному изъ нихъ сказала: ахъ! для чего не хочешь ты, чтобъ у тебя прибавился товарищъ, а у меня воинъ?

Ежели желаешь моего спасенія, почто, при толь великой надобности, лишаешь меня новой помощи? Другому же рекла: добро пожаловать! мнѣ пріятно видѣть пріѣздъ твой, великодушный защитникъ славы и жизни моей. Нѣтъ и не будетъ никогда причины, чтобъ присутствіе толь любезнаго и благороднаго сопутника могло мнѣ быть въ тягость. Тако вѣщала, и время отъ времени, на пути, всегда являлись къ ней новые защитники.

Кто съ той, кто съ другой стороны, пріѣзжаютъ, и не зная о намѣреніяхъ другъ друга, смотрятъ одинъ на другаго косо. Она всѣхъ ласково принимаетъ, каждаго пріѣзду радуется, и всякому изъявляетъ свое удовольствіе. Готфридъ на разсвѣтѣ дня увѣдомляется о ихъ отбытіи; предчувствуетъ ихъ напасти, и кажется о будущихъ бѣдахъ ихъ печалится.

Размышляющу ему о семъ, внезапно предстаетъ предъ него смущенный, запыхавшійся, покрытый пылію гонецъ, который въ видѣ

человѣка, прибывшаго съ худою вѣстію, являетъ изображающуюся на челѣ своемъ скорбь. Государь, вѣщаетъ онъ ему, вскорѣ появится на морѣ великій Египетскій флотъ: Вильгельмъ, начальствующій надъ Лигурійскими кораблями, прислалъ меня къ тебѣ съ симъ извѣстіемъ.

Онъ присовокупилъ еще къ сему, что посланные съ кораблей въ войско съѣстные припасы, везомые на коняхъ и тяжелыхъ верблюдахъ, на половинѣ пути остановлены и что бывшіе при нихъ провожатаи, сражаясь съ напавшими на нихъ отовсюду Аравійскими разбойниками, всѣ до единаго побиты и взяты въ плѣнъ.

И что наглость и грабительство сихъ разсыпавшихся вездѣ бродягъ до того увеличились, что подобно наводненію безъ всякаго препятствія во всѣ стороны разливаются; что надлежитъ непремѣнно послать войска, которыя бы навели на нихъ страхъ, и путь отъ стана до берега моря сдѣлали безопаснымъ.

Слухъ о семъ во единъ мигъ изъ устъ въ уста разносится, и производитъ въ рядовыхъ ратникахъ о предстоящемъ гладѣ ужасъ и смятеніе. Исполненный мудрости верховный Вождь, не ожидал увидѣть въ нихъ сего несвойственнаго имъ малодушія, ста-

рается веселымъ лицемъ и кроткими словами ободрить ихъ и успокоить.

О вы сквозь тысячи бѣдъ и тысячи опасностей изъ страны въ страну прешедшіе со мною, за Бога ополченные воины; вы, вѣру Христіянскую возставить и вознесть рожденные; вы, Персидскія силы, Греческіе обманы, и горы, и моря, и вѣтры, и бури превозмогшіе; вы, гладъ и жажду преодолѣвшіе: вы теперь предаетесь страху?

Развѣ вы на Бога, движущаго васъ и управляющаго вами, на Бога, изведшаго васъ изъ напастей несравненно лютѣйшихъ, болѣе не уповаете? Развѣ отвратилъ онъ отъ насъ очи благости своей, и снялъ съ насъ руку своего милосердія? Скоро наступитъ день, въ который, воспоминая о прошедшихъ своихъ трудахъ, принесете вы ему дань благодарности. Днесь, молю васъ, будьте великодушны и сохраните себя для будущихъ вашихъ радостей и торжествъ.

Сими словами и веселыми взорами вливаетъ бодрость въ унылую грудь воиновъ. Но самъ въ сердцѣ своемъ глубокою печалію и заботами снѣдается. Мнитъ: како въ недостаткѣ всего препитаетъ и продовольствуетъ толикое число людей? Какъ воспротивится флоту въ морѣ, и усмиритъ набѣги Аравійскихъ разбойниковъ?

Конецъ пятой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь шестая.

Но съ другой стороны осажденный во градѣ народъ новою и лучшею надеждою утѣшается: къ бывшимъ у нихъ съѣстнымъ припасамъ въ темную ночь провезено еще немалое оныхъ количество, и сѣверныя стѣны града, вновь возвышенныя и снабдѣнныя бойницами и орудіями, стоятъ, толсты и тверды, не опасаясь ни какихъ ударовъ и потрясеній.

Царь безпрестанно то тѣ, то другія части ихъ возвышаетъ и укрѣпляетъ. Солнце ли златое возблистаетъ, или луна и звѣзды осребрятъ мрачное небо, всегда млатобійцы и ковачи потѣютъ и трудятся въ составленіи новыхъ орудій. Во время сихъ приготовленій приходитъ къ нему Аргантъ и тако вѣщаетъ:

Доколѣ будемъ мы заперты въ сихъ стѣнахъ лѣнивою и медленною осадою томимыхъ? Я слышу стукъ по наковальнямъ, слышу бряцанія шлемовъ, щитовъ и броней; но не вижу ихъ употребленія. Между тѣмъ враги наши по волѣ своей опустошаютъ поля и грабятъ села и веси. Никто изъ насъ

не останавливаетъ ихъ набѣговъ, ниже какой гласъ трубный возбуждаетъ ихъ отъ сна.

Ни на утреннихъ, ни на вечернихъ трапезахъ, не разрушается пиршество ихъ и веселіе. Напротивъ долговременно дни и ночи провождаютъ они въ покоѣ и безопасности. Вы отъ глада и бѣдствій должны будете погибнуть здѣсь, или отъ страха и унынія сдаться, ежели Египетъ не успѣетъ скоро подать вамъ руку помощи.

Я съ моей стороны не хочу, чтобъ безславная смерть покрыла дни мои мракомъ забвенія; не хочу, чтобъ завтра лучи восходящаго солнца нашли меня здѣсь запертымъ. Пусть съ сею жизнію моею, судьба свыше распоряжающая, что хочетъ сдѣлаетъ; но сего не будетъ, чтобъ я, безъ употребленія меча моего, палъ безчестно и безславно.

Но ежелибы огнь прежней вашей храбрости не совсѣмъ въ васъ потухъ, то бы не умереть славно въ бою, но жить и побѣдоносно торжествовать я надѣялся. Намъ, намъ должно напасть на враговъ. Пойдемъ на нихъ грудью: часто въ великихъ опасностяхъ смѣлая предпріимчивость есть самое лучшее средство.

Когда же ты на успѣхъ отважности не надѣешься, и съ войсками выступить опасаешься, то по крайней мѣрѣ позволь, да распря между нами рѣшится единоборствомъ

двухъ воиновъ. И дабы непріятельскій вождоначальникъ охотнѣе на вызовъ нашъ согласился, пусть по желанію своему изберетъ выгодныя для себя и условія и оружіе.

Ежели у сопротивника будетъ двѣ руки и одна душа, сколь бы ни гордая и храбрая, не опасайся ни какихъ злоключеній: дѣло твое, мною защищаемое, не погибнетъ. Десница моя можетъ, замѣняя судьбу и щастіе, дать тебѣ полную побѣду, и се сама простирается къ тебѣ въ залогъ, что естьли ты положишься на нее, то Царство твое спасено.

Умолкъ, и Царь отвѣтствуетъ: юный витязь, хотя ты зришь меня въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но рука моя не отвыкла еще отъ меча, ниже душа моя предалась бы толь низкой робости, чтобъ безчестную погибель предпочесть честной и славной смерти, когда бы я опасался или ожидалъ предвѣщаемыхъ тобою бѣдствій и глада.

Богъ да отвратитъ отъ меня сіе безславіе. Внемли: то, что я умышленно отъ всѣхъ скрываю, тебѣ единому открою. Никейскій Солиманъ, ищущій отмстить за нанесенныя ему оскорбленія, собралъ, начиная отъ самой Ликіи, толпы скитающихся Араповъ, и нападая по ночамъ на непріятелей нашихъ, надѣется доставить намъ и помощь и припасы.

Онъ скоро сюда прибудетъ: и такъ хотя села и поля наши опустошаются рукою врага, но мы о томъ не безпокоимся много, доколѣ Столица и Престолъ нашъ пребываютъ цѣлы. Ты, умоляю тебя, сію нетерпѣливую пылкость свою укроти, и подожди, покуда наступитъ время, удобное для твоей славы и моего мщенія.

Сильно разгнѣвался надменный Срацинъ, давній съ Солиманомъ соперникъ: тяжко ему слышать, что Царь толико дружбу его и помощь уважаетъ. Государь! возопилъ онъ, ты можешь по волѣ своей распоряжать миромъ и войною; я ни слова о томъ не скажу. Медли, когда тебѣ угодно, и ожидай Солимана, обѣщающаго, потерявъ собственное свое Царство, спасти твое.

Пусть, какъ посолъ небесный, придетъ онъ освободить Магометанскій народъ. Что до меня, я самъ на себя полагаюсь; свободу мою дастъ мнѣ моя рука. Прошу только, да будетъ мнѣ, во время праздности другихъ, позволено выйти изъ града въ поле, гдѣ я, не какъ твой воинъ, но какъ частный ратоборецъ, хочу съ Франками перевѣдаться.

Царь отвѣтствуетъ: хотя бы и лучше было, чтобъ ты мечъ и силу свою сохранилъ къ удобнѣйшему времени; но когда уже ты непремѣнно того желаешь, то я позво-

ляю тебѣ выѣхать въ поле и вызвать единаго изъ непріятельскихъ воиновъ, да ратоборствуетъ съ тобою. Тако рекъ. Аргантъ не медлитъ ни часа: поди, повелѣваетъ онъ одному изъ своихъ глашатаевъ, возвѣсти въ присутствіи всѣхъ полководцевъ верховному Вождю Франковъ о моихъ небольшихъ предложеніяхъ.

Скажи, что нѣкто воинъ, не любящій въ оградѣ стѣнъ прятаться, хочетъ храбрость и силу свою оружіемъ доказать; что ожидаетъ и готовъ дать тому опытъ, въ полѣ, между станомъ и стѣнами градскими; и что вызываетъ того изъ Франковъ, кто болѣе на себя надѣется.

Присовокупи къ тому, что воинъ сей, на брань препоясанный, не токмо съ однимъ изъ нихъ сразиться предлагаетъ, но и втораго и третьяго приметъ, и четвертому и пятому не откажетъ, кто бы онъ таковъ ни былъ, высокаго рода или простолюдинъ. Условія же между нами да будутъ такія, что побѣжденный, по праву оружія, долженъ быть рабомъ побѣдителя. Тако вѣщаетъ глашатаю, и сей облекается въ багряное изошвенное златомъ одѣяніе.

Онъ пріѣзжаетъ въ станъ, и представленный предъ лице самодержавнаго Готфрида, въ присутствіи всѣхъ предстоящихъ предъ нимъ полководцевъ, вопрошаетъ: Го-

сударь! Посланные къ вамъ могутъ ли говорить свободно? могутъ, отвѣчаетъ верховный Вождь, вѣщай безбоязненно. Увидимъ, продолжаетъ глашатай, пріятно ли вамъ будетъ, или противно, мое посольство.

Посемъ великолѣпными и гордыми словами излагаетъ вызовъ. Воскипѣли, слыша то, гнѣвомъ и негодованіемъ грозные витязи. Благочестивый Готфридъ немедленно отвѣтствуетъ: трудное дѣло предпріемлетъ рыцарь вашъ, и скоро, думаю, раскается такъ, что далеко не дойдетъ дѣло до пятаго.

Но пусть придетъ, попытается: я даю ему вѣрное слово, что онъ будетъ здѣсь свободенъ и безопасенъ. Сказавъ сіе умолкъ, и глашатай тѣмъ же путемъ возвращается назадъ: спѣшитъ, ни гдѣ не останавливаясь, привезть отвѣтъ высоковыйному Черкесу.

Вооружайся, Государь, вѣщаетъ ему, вооружайся немедленно: вызовъ твой принятъ Христіянами; всякъ изъ нихъ, не токмо славный, но и меньше знаменитые подвигами, хотятъ единоборствовать съ тобою. Я видѣлъ тысячу грозно сверкающихъ очей, и тысячу рукъ, хватающихся за мечъ свой. Верховный Вождь въ безопасности тебя обнадеживаетъ. Тако рекъ: Аргантъ повелѣваетъ подать себѣ оружіе.

Онъ облекается въ него, и съ нетерпѣливостію спѣшитъ изыти въ поле. Царь

между тѣмъ вѣщаетъ Клориндѣ: храбрая ратница! Тебѣ не должно остаться здѣсь, когда онъ исходитъ изъ града; возми съ собою тысячу воиновъ, и въ защиту его изыди съ нимъ; но пусти его въ передъ единаго ратоборствовать, ты же съ людьми своими стой въ нѣкоемъ отдаленіи.

Тако рекъ и умолкъ. Воины вооружаются и выходятъ изъ стѣнъ градскихъ въ пространное поле. Аргантъ въ переди ихъ, сѣдитъ на конѣ, облеченъ въ обыкновенные доспѣхи. Между стѣнами и обнесеннымъ вокругъ града тыномъ простиралась широкая и толь гладкая площадь, что ни единый холмъ, ниже малѣйшее возвышеніе, не препинало ея равенства. Она казалась быть Марсовымъ, нарочно для ратоборства устроеннымъ полемъ.

На нее свирѣпый Аргантъ одинъ пріѣзжаетъ, и въ виду непріятелей останавливается. Грозенъ взоромъ, гордъ, надеженъ на твердое сердце, на огромный ростъ, и на великія силы свои. Таковъ нѣкогда былъ Энцеладъ во Флегрѣ, или Филистинскій исполинъ въ долинѣ Теревинеской. Но Франки не страшатся, и даже многіе изъ нихъ о чрезвычайной силѣ его не знаютъ.

Между тѣмъ однакожъ никто еще отъ благочестиваго Готфрида къ единоборству сему не былъ избранъ. Всякъ обращалъ очи

свои на Танкреда, и на всѣхъ лицахъ изображалось общее желаніе, да препоручится ему сей отличный подвигъ. Имя его носилось тихо изъ устъ въ уста, и верховный Вождь помаваніемъ очей своихъ давалъ знать свое на то согласіе.

Всѣ умолкли; тогда Готфридъ изъявилъ волю свою сими словами: иди, рекъ онъ Танкреду, иди, обуздай дерзость сего горделивца. Танкредъ, обрадованный честію сего избранія, доволенъ и веселъ, облекается во всеоружіе, садится на коня, и сопровождаемый множествомъ, выѣзжаетъ на ратное поле.

Онъ не достигъ еще до той широкой равнины, гдѣ Аргантъ его ожидалъ, какъ вдругъ очамъ его въ прелестнѣйшемъ видѣ представилась прекрасная Клоринда. Одежда ея бѣлизною превосходила снѣгъ, бѣлѣющійся на Альпійскихъ горахъ; подъятое забрало шлема не закрывало ея лица; она стояла на возвышенномъ мѣстѣ, такъ что весь ростъ и осанка ея были видны.

Танкредъ не смотритъ болѣе на Черкеса, подъемлющаго грозное чело свое къ небу; но тихимъ и лѣнивымъ шагомъ ѣдетъ на конѣ своемъ, устремя взоры на холмъ, гдѣ стояла мужественная дѣва. Потомъ останавливается и пребываетъ, какъ неподвижный камень, снаружи весь хладный, но вну-

три горящій; услаждается зрѣніемъ и кажется не помышляетъ о битвѣ.

Аргантъ, не усматривая никого, кто бы въ видѣ вооруженнаго воина къ нему приближался, возопилъ громко: меня привело сюда желаніе ратоборствовать съ вами; чтожъ никто изъ васъ не является? Но Танкредъ, какъ очарованный, обратя взоры свои на Клоринду, ничего не слышитъ. Тогда Отонъ, не видя никого на ратномъ поприщѣ, ударилъ коня своего и первый туда пустился.

Сей былъ единъ изъ всѣхъ, наиболѣе кипѣвшій желаніемъ сразиться съ нечестивымъ Аргантомъ. Онъ уступилъ Танкреду, и вмѣстѣ съ другими всадниками поѣхалъ быть зрителемъ подвиговъ его. Но видя, что Танкредъ устремилъ мысли свои на иной предметъ и о сраженіи почти не помышляетъ, младый и храбрый воинъ воспользовался съ жадностію представившимся ему случаемъ.

Скоръ, какъ рыщущій по лѣсамъ леопардъ, или тигръ, пустился онъ на пораженіе страшнаго Срацина, подъявшаго тотчасъ великое копіе свое къ верху. Тогда Танкредъ опомнился, и отъ задумчивости своей, какъ бы отъ глубокаго сна пробужденный, возопилъ: стой! моя это битва. Но Отонъ былъ уже далеко въ переди.

Танкредъ по неволѣ останавливаетъ коня своего, кипя внутри досадою, и весь, какъ уголь горящій, покраснѣвъ отъ стыда; ибо поставляетъ себѣ въ вину и порицаніе, что не онъ первый вступилъ въ бой. Между тѣмъ храбрый Отонъ, подскакавъ, ударяетъ Срацина сильно по шлему; сей напротивъ острымъ мечемъ пронзивъ щитъ его пронзаетъ и броню.

Отонъ, упадаетъ: ударъ былъ такъ силенъ, что низвергъ его съ коня. Аргантъ же, болѣе мощный и крѣпкій, не упалъ, ниже погнулся отъ удара. Но гордо и презрительно вѣщаетъ падшему воину: отдай мечь твой; довольно для тебя славы расказывать, что ты сражался со мною.

Нѣтъ, отвѣтствуетъ Отонъ, у насъ не въ обычаѣ такъ скоро терять бодрость и уступать оружіе. Другой поправитъ мое паденіе; но я хочу отмстить или умереть. Тогда, какъ Алетта и Медуза, пышущъ яростію возгласилъ Черкесъ: познай же опытъ силы моей, когда ты учтивость мою презираешь.

Сказавъ сіе стремитъ коня своего на возставшаго между тѣмъ воина, и забывая честь рыцарства, нападаетъ на пѣшаго. Отонъ уклоняется отъ него въ сторону и поражаетъ его, скачущаго мимо, въ правый бокъ: ударъ былъ такъ рѣзокъ, что мечь

упился кровію; но что пользы, когда рана не отнимает силы у побѣдителя, и токмо ярость его умножаетъ?

Аргантъ осадилъ коня своего и повернулъ его такъ круто и скоро, что прежде нежели Отонъ успѣлъ оглянуться, онъ наноситъ ему грозный, сокрушительный ударъ: подломились у храбраго юноши ноги, сперлось дыханіе, поблѣднѣло лице, и тѣло его, лишенное души, шатаясь, грянулось о твердую землю.

Лютый Аргантъ топчетъ конскими ногами грудь побѣжденнаго юноши, и яростно возглашаетъ: тако всякъ гордый простертъ и попираемъ мною будетъ. Но тутъ непобѣдимый Танкредъ не медлитъ болѣе: онъ, гнушаясь симъ неистовымъ поступкомъ, хочетъ отличнымъ и блистательнымъ опытомъ вину свою загладить.

Онъ скачетъ къ Арганту и вопіетъ ему: свирѣпая душа даже и въ побѣдахъ подлая, какой славы и похвалы ожидаешь ты отъ дѣяній толь гнусныхъ и преступныхъ? Между Аравійскими разбойниками, или подобными шайками бродягъ, научился ты такому жестокосердію. Бѣги отъ людей, и въ лѣсахъ или горахъ живи съ подобными тебѣ хищными звѣрями.

Умолкъ. Аргантъ, не привыкшій терпѣть укоризны, кусаетъ у себя губы и скре-

жещетъ отъ ярости зубами. Хочетъ отвѣтствовать, но изъ гортани его исходятъ одни токмо смушные звуки: тако реветъ дикій волъ, или изъ нѣдръ тучи грохочетъ гулъ грома: подобно сему каждое слово изъ кипящей груди его шумно исторгалось.

Когда же въ обоихъ оскорбительныя угрозы попеременно раздражали гордость ихъ и гнѣвъ, тогда тотъ и другой, обратя коней своихъ, разъѣзжаются, и съ равною быстротою творятъ кругообразные обороты, дабы избравъ потребное разстояніе съ яростію другъ на друга устремиться. Здѣсь, Муза, возвыси гласъ твой, и вдохни въ меня подобный кипящему гнѣву ихъ жаръ: да будутъ стихи мои, какъ дѣла ихъ, громки, и да звучатъ въ нихъ звуки ихъ оружія.

Оба война останавливаются и подъемлютъ страшныя копія свои. Оба, съ равною пылкостію и неслыханною быстротою, единъ на другаго несутся. Сосшупились, ударились: искры отъ шлемовъ и броней ихъ сыплются, копья сокрушаются въ дребезги, и тысячи обломковъ ихъ вьются и свистятъ въ воздухѣ.

Отъ стука ударовъ дрожитъ земля, и гулъ отъ нихъ раздается въ горахъ. Но подъ силою и тяжестію ихъ гордое чело воиновъ ни мало не поникаетъ. Кони ихъ единъ со другимъ толь рѣзко ударяются, что, пад-

шіе, долго не могутъ возстать. Великіе ратники, соскоча съ сѣделъ на землю, извлекаютъ мечи свои.

Каждый изъ нихъ, мѣткій десницею, осторожный взорами, быстрый стопами, разными движеніями ставитъ себя въ разныя положенія: то обходитъ кругомъ, то прямо устремляется, то отступаетъ назадъ. Иногда, грозя ударить въ одно, вдругъ ударяетъ въ другое мѣсто. Иногда нарочно часть себя открываетъ, да искуствомъ обманетъ искуство.

Танкредъ выставляетъ Арганту худо защищенный мечемъ и щитомъ бокъ свой: сей устремляется поразить его, но открываетъ чрезъ то лѣвый свой бокъ. Танкредъ отражаетъ губительный мечъ врага, и самъ наноситъ ему жестокій ударъ. Тотчасъ послѣ сего отскакиваетъ и становится въ оборону.

Лютый Аргантъ, видя себя собственною своею кровію обагреннымъ, приходитъ въ необычайную ярость, трясется, реветъ, и терзаемый вмѣстѣ болѣзнію и печалію, бурный и неистовый, возноситъ съ дикимъ гласомъ мечъ свой, и хощетъ ударить; но Танкредъ пронзаетъ его въ самый тотъ составъ, гдѣ рамо соединяется съ рукою.

Какъ въ Альпійскихъ лѣсахъ медвѣдь, почувствовавъ вонзенное въ ребра свои копіе, лютъ и свирѣпъ, самъ лѣзетъ на рато-

вище, и въ буйной дерзости презираетъ опасность и смерть: тако непреодолимый Аргантъ, не смотря на кровь свою и раны, дышетъ мщеніемъ, и пренебрегая всякую осторожность, стремится на всѣ опасности.

Присоединяя къ дерзкой храбрости чрезмѣрную силу и неутомимую бодрость, съ такою яростію вращаетъ онъ тяжелый мечъ свой, что земля содрогается и небо пламенѣетъ. Танкредъ не можетъ ни единаго сдѣлать удара: онъ, обороняясь, едва токмо укрываться, едва духъ переводить успѣваетъ: никакая защита его не безопасна отъ скорости Аргантовой.

Тщетно, въ безпрестанной оборонѣ, ожидаетъ онъ конца сей бури ударовъ: то отражаетъ ихъ, то искусно отступая отъ нихъ уклоняется; но видя неукротимаго Черкеса, непрестающаго повторять ихъ, самъ напослѣдокъ предается гнѣву, и сколько есть въ немъ силы мечемъ своимъ рубитъ и поражаетъ.

Искуство и разумъ побѣждаются яростію, и сила, прибавляясь и возрастая, управляется свирѣпствомъ. Всякій разъ мечъ ихъ низпадая, или сѣчетъ, или рветъ, или крушитъ, или ломитъ: ни единый ударъ не празденъ. Земля усѣяна орудіями, орудія покрыты кровію, кровь и потъ текутъ вмѣ-

стѣ. Мечи сверканіемъ подобны молніи, стукомъ грому, ударами веруну.

Оба народа смотрятъ въ изумленіи на толь новое и страшное позорище. Всякъ съ надеждою и страхомъ, предусматривая пользу или вредъ свой, ожидаетъ конца. Въ толикомъ множествѣ людей никто не пошевелится, никто не произнесетъ ни слова: всѣ стоятъ безмолвны и неподвижны и только сердце у нихъ иногда бьется и трепещетъ.

Уже оба единоборца устали, и неизвѣстно какой бы брань ихъ возъимѣла конецъ, естьлибъ наступившая ночь на распростерла на нихъ темнаго своего покрова: тогда съ той и съ другой стороны приходятъ два глашатая и обоихъ сражающихся разлучаютъ. Одинъ изъ нихъ, отъ страны Христіянъ, былъ Аридей, другой Пиндаръ, мужъ смысленный и благоразумный, котораго Аргантъ посылалъ съ возвѣщеніемъ о своемъ вызовѣ.

Сіи приходятъ и мирные жезлы свои между мечами сражающихся поставляютъ, съ тою надежною безопасностію, какою ограждаютъ ихъ древніе законы народовъ. Воины! вѣщаетъ имъ Пиндаръ, вы съ равнымъ мужествомъ равною увѣнчались славою: и такъ да престанетъ брань, да не отнимется у ночи данное ей природою право покоя.

День, доколѣ течетъ солнце, назначенъ для трудовъ; ночь же посвящена миру и тишинѣ. Ревнитель славы не пожелаетъ, чтобъ подвиги его были погребены во глубинѣ мрака. Аргантъ отвѣтствуетъ: ночная темнота не отвлечетъ меня отъ битвы, и хотя бы я лучше желалъ, чтобъ день былъ свидѣтелемъ дѣлъ моихъ, однако не соглашусь на то, естьли противникъ мой не дастъ клятвы сюда возвратиться.

Тогда Танкредъ съ своей стороны рекъ Пиндару: пусть самъ онъ дастъ клятву сюда возвратиться, иначе я не отсрочу битвы до инаго времени. Они клянутся. Глашатаи полагаютъ срокъ возобновленія брани, и дабы дать имъ время отъ ранъ своихъ оправиться, назначаютъ для сего утро шестаго дня.

Ужасный бой сей оставилъ въ сердцахъ Срацинъ и правовѣрныхъ такое впечатлѣніе страха и удивленія, которое долго не могло истребиться: безумолкно твердили о мужествѣ и храбрости, какую воины сіи, тотъ и другой, показали. Но кому изъ нихъ отдать преимущество, о томъ разныя и несогласныя въ народѣ были сужденія и толки.

Всѣ съ безпокойствомъ ожидали, чѣмъ напослѣдокъ лютая брань сія кончится: ярость ли восторжествуетъ надъ бодростію,

или дерзости уступить твердость. Но изъ числа помышляющихъ о томъ, прекрасная Эрминія всѣхъ болѣе помышляла и заботилась: она видѣла лучшую самой себя часть, подверженною сомнительному суду Бога войны.

Царевна сія была дочь Царя Кассана, обладавшаго Антіохійскимъ Царствомъ, по завоеваніи котораго досталась она съ прочими плѣнниками въ побѣдительныя руки Христіянъ. Великодушный Танкредъ оказалъ ей тогда всевозможныя услуги, такъ что она въ развалинахъ отечества своего содержана была, какъ Царица.

Онъ изъявлялъ къ ней почтеніе, угождалъ ей, возвратилъ свободу, и оставилъ при ней всѣ ея сокровища, драгоцѣнности и злато. Она, видя въ юномъ возрастѣ, и въ образѣ его пріятномъ, толь благородную душу, воспылала къ нему такою любовію, какая никогда сильнѣе и постояннѣе въ дѣвическомъ сердцѣ не возгаралась.

Такимъ образомъ тѣломъ получила она свободу, сердцемъ же предалась въ неволю. Тяжко ей было разставаться съ пріятною темницею и милымъ побѣдителемъ своимъ; но санъ ея и строгіе законы чести, всегда для благородной души священные, принудили се отечество свое оставить, и съ пре-

старѣлою матерью удалиться въ дружественную землю.

Онѣ прибыли въ Іерусалимъ, и тамо приняты были Царемъ Іудейскимъ. Но вскорѣ, оплакивающая кончину родительницы своей, облеклась она въ черное одѣяніе. Однакожъ ни печаль о смерти ея, ни горестное въ чужой земли заточеніе, не могли изъ сердца ея искоренить страсти, ниже малѣйшую великаго пламени ея погасить искру.

Любитъ и горитъ, злополучная, и въ такомъ мучительномъ пребываетъ состояніи, что сокрывающійся въ груди ея огонь питается больше воспоминаніемъ, нежели надеждою, и чѣмъ болѣе таитъ она и заключаетъ его въ глубинѣ сердца, тѣмъ онъ больше пылаетъ. Наконецъ Танкредъ приходомъ своимъ съ войсками раждаетъ въ ней лучъ надежды.

Прочіе всѣ смутились при появленіи толь страшной и непобѣдимой рати; въ ней единой на печальномъ лицѣ показалась улыбка: она съ радостію смотритъ на гордое воинство, и жадными взорами ищетъ между вооруженными воинами своего любезнаго: часто ищетъ его безуспѣшно, и часто обманывая себя воображеніемъ, восклицаетъ: вотъ это онъ!

Въ чертогахъ Царскихъ, близь градской стѣны, возносится древній высокій теремъ,

съ вершины коего весь Христіянскій станъ, и окрестныя горы, и долины видны. Здѣсь, какъ скоро взойдетъ солнце, и покуда ночь мракомъ своимъ не покроетъ землю, сѣдитъ она и взоры простираетъ къ войску, и углубленная въ мысли сама съ собою бесѣдуетъ и воздыхаетъ.

Отселѣ созерцала она битву: сердце ея тогда сильно въ ней трепетало, и казалось вѣщало ей: вотъ милый другъ твой подвергается смерти. Тако, взирая на успѣхи сомнительной судьбы, терзалась мученіемъ и боязнію, и всякой разъ, какъ мечъ Аргантовъ опускался, чувствовала въ душѣ своей и ударъ и рану.

Когда же о концѣ брани узнала, и о томъ, что оная должна возобновиться, услышала, необычайнымъ ужасомъ поразилась, и вся кровь ея оледенѣла. Иногда тайно проливаетъ слезы, иногда украдкою стонетъ, и вырывающіеся изъ груди вздохи тщетно удерживать старается. Ходитъ блѣдна, печальна и уныла, съ начертаннымъ на лицѣ ея страхомъ и горестію.

Ужасныя воображенія не престаютъ возмущать мыслей ея и терзать душу. Сонъ ея хуже и жесточѣе самой смерти: онъ представляетъ ей разныя, раздирающія сердце, мечтанія. Она часто видитъ любезнаго Танкреда своего растерзаннаго и окровавлен-

наго; ей слышится, что онъ зоветъ ее на помощь: она просыпается и находитъ щеки и грудь свою облитыя слезами.

Не одно будущее токмо зло стѣсняетъ сердце ея страхомъ и тоскою; но раны, которыми Танкредъ страдаетъ, мучатъ и ея душу. Отдаленныя и безвѣстныя вещи ложными распространяющимися слухами увеличиваются: ужѐ мнится ей, что храбрый воинъ сей лежитъ на одрѣ своемъ, томится и приближается къ концу жизни.

Эрминія отъ матери своей научилась знанію тайной силы травъ, и какія изъ нихъ поврежденныхъ членовъ язвы исцѣлять и боль ихъ унимать удобны: искуство, въ коемъ, кажется, по обычаю той земли, Царскія дщери упражняются. Ей хочется собственными своими руками заживить раны и возвратить здравіе своему любезному.

Она желаетъ исцѣлить милаго ей человѣка, Танкреда; а долгъ велитъ ей пользовать врага его, Арганта. Иногда приходитъ ей на мысль вредными соками ядовитыхъ зелій растравить раны его; но тотчасъ отъ сего намѣренія отвращается, гнушаясь чистыя руки свои осквернить злодѣйскимъ искуствомъ. Хотѣла бы только, чтобъ употребляемыя къ возстановленію силъ его травы и злаки были бездѣйственны.

Не устрашаетъ ее намѣреніе итти въ

станъ непріятельскій: она часто странствовала и видала войну и кровавыя битвы, много претерпѣла трудовъ и опасностей, и суровою опытностію пріучила себя къ душевной твердости, превышающей женскую природу. Надлежало быть великимъ причинамъ страха, дабы поколебать ея спокойствіе и возбудить въ ней трепетъ.

Но всего болѣе дерзновенная любовь дѣлаетъ сердце ея неустрашимымъ; одушевляемая ею, она бы не побоялась когтей Африканскихъ тигровъ и яда шипящихъ змѣй. Но хотя не думаетъ о жизни, однако помышляетъ о славѣ своей. Въ сердцѣ ея борются два сильные врага: честь и любовь.

Одинъ вѣщаетъ ей: юная дѣва! ты законы мои доселѣ сохраняла. Ограждаемая мною, даже и въ плѣну между непріятелями, ты тѣломъ и душою была цѣломудренна. Теперь, свободная, хочешь лишиться того безцѣннаго имени, которое ты въ оковахъ сберегла? ахъ! кто въ чистую душу твою вложилъ такую мысль? что̀ ты предпріемлешь? увы! чего надѣешься?

Развѣ имя непорочности такъ мало ты уважаешь, и такъ не дорожишь честію, что пойдешь, скитающаяся по ночамъ любовница, искать презрѣнія у народовъ тебѣ враждебныхъ? Пойдешь домогаться, чтобъ гордой побѣдитель сказалъ тебѣ: ты потеря-

ла вмѣстѣ и Царство и добродѣтель Царскую; ты не достойна меня; и чтобъ по сихъ словахъ, какъ непріятную для себя добычу, отдалъ онъ тебя на посрамленіе другимъ?

Съ другой стороны вѣроломный совѣтникъ, льстя желаніемъ ея, тако вѣщаетъ: развѣ ты, о юная дѣва, рождена отъ лютаго вепря, или отъ дикой и хладной скалы, что презираешь стрѣлы и свѣточь любви, и хочешь навсегда удалиться отъ того, что нравится? Развѣ у тебя сердце каменное, или желѣзное, что ты стыдишься любить?

Ахъ! послѣдуй влекущимъ тебя чувствамъ: почто воображаешь ты побѣдителя своего жестокимъ? Развѣ не знаешь, какое въ печаляхъ твоихъ принималъ онъ участіе? какъ сострадалъ тебѣ и о слезахъ твоихъ соболѣзновалъ? а ты, жестокая, такъ медлишь и колеблешься вѣрному другу твоему принесть здравіе. Великодушный Танкредъ твой умираетъ, а ты, звѣронравная, печешься о спасеніи жизни другаго.

Исцѣляешь Арганта за тѣмъ, чтобъ онъ убилъ твоего благодѣтеля. Вотъ твоя благодарность! вотъ какую за его къ тебѣ усердіе готовишь ты ему награду! И какъ можешь ты исполнять сію столь противную для тебя обязанность? не довольно ли

одной скуки и отвращенія отъ ней, дабы понудить тебя какъ можно скорѣе отселѣ убѣжать?

Ахъ! совсѣмъ иное было бы человѣколюбивое попеченіе, приносящее тебѣ утѣхи и радости, когда бы ты спасительною и жалостливою рукою своею прикасалась къ мужественной и великодушной груди, когда бы на блѣдномъ лицѣ друга и благодѣтеля твоего, тобою получившаго здравіе, заигралъ румянецъ, и ты бы на красоты его, теперь увядающія, какъ на даръ свой, любовалась и смотрѣла съ восхищеніемъ.

Ты бы отчасти была виновницею тѣхъ великихъ дѣлъ, которыми бы онъ себя прославилъ, и въ награду за то, сопряженная съ нимъ бракомъ, ты бы услаждалась безпорочными его лобзаніями. Всѣ бы съ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ на щастливую мать и супругу, взирали на тебя въ той прекрасной Италіи, гдѣ истинная вѣра съ истиннымъ мужествомъ обитаетъ.

Сими надеждами льстящаяся (о простодушная!) мечтаетъ себя прещастливою, и только тѣми одними сомнѣніями безпокоится, какимъ образомъ выѣхать изъ града; ибо вездѣ стоитъ стража, и нѣтъ ни единыхъ стѣнъ градскихъ, которыя бы, въ толь опасное время, безъ важныхъ причинъ отверзались.

Эрминія и Клоринда соединены были тѣсною дружбою. Часто восходящее солнце находило ихъ вмѣстѣ, и часто, когда лучи его погасали, обѣ онѣ на единомъ возлежали одрѣ. Не было между ими ничего тайнаго; всѣ мысли ихъ другъ другу были открыты, выключая чувствъ любви.

Сіи токмо единыя Эрминія сохраняла въ таинствѣ, и вопрошаемая иногда Клориндою о причинѣ ея унынія, обвиняла въ томъ судьбу свою и жаловалась на свои нещастія. Въ толикой дружбѣ ихъ могла она во всякое время приходить къ ней, и храмина Клориндина, въ ней ли она, или въ совѣтѣ, или на ратномъ полѣ, всегда была отверста для Эрминіи.

Однажды, во время отсутствія Клоринды, приходитъ она въ нее и тамо, уединенная и задумчивая не престаетъ предаваться мыслямъ о тайномъ своемъ желаніи удалиться изъ града. Между тѣмъ, какъ душа ея различными сомнѣніями и безпокойствами колеблется, вдругъ видитъ она висящее высоко на стѣнѣ Клориндино оружіе и броню: она воздыхаетъ.

И воздыхая сама съ собою разсуждаетъ: о прещастливая воинствующая дѣва! какъ я тебѣ завидую! Не завидую ни славѣ подвиговъ твоихъ, ни драгоцѣнному дару красоты твоей; завидую тому, что скорые таги

твои не восплящаются длиннымъ одѣяніемъ, и что завистливая келья не удерживаетъ въ стѣнахъ своихъ храбрость твою: ты облекаешься въ оружіе, и куда хочешь исходишь, не останавливаемая ни страхомъ, ни стыдомъ.

Ахъ! для чего природа и небо не дали мнѣ стольже крѣпкихъ членовъ и твердой груди, дабы могла я, вмѣсто сего одѣянія и покрывала моего, носить сей шлемъ и броню? Пламенной страсти моей, ни при солнечномъ сіяніи, ни при лунномъ свѣтѣ, не воспрепятствовалъ бы ни зной, ни хладъ, ни вѣтръ, ни дождь, быть вооруженной въ полѣ, одной или съ сотоварищами.

Ты бы, жестокосердый Аргантъ, не первый сразился тогда съ моимъ любезнымъ; я бы предупредила тебя, вступила бы съ нимъ въ бой, и можетъ быть теперь былъ бы ужѐ онъ моимъ плѣнникомъ, и содержался отъ любящей его непріятельницы въ легкой и пріятной неволѣ, и мнѣ своими узами содѣлалъ бы узы мои сладкими.

Или бы рукою своею пронзя грудь мою пронзилъ и сердце: тогда по крайней мѣрѣ ударъ меча исцѣлилъ бы рану любви. Я лежала бы ужѐ духомъ спокойная и тѣломъ неподвижная, и можетъ статься побѣдитель мой предалъ бы меня съ честію землѣ, и удостоилъ бы прахъ и кости мои слезами.

Но ахъ! я, нещастная, желаю невозможнаго, и тщетно въ безумныхъ мысляхъ теряюсь. Чтожъ? но уже ли подобно простонародной женщинѣ, обуянная страхомъ и печалію, останусь я здѣсь? Нѣтъ! не останусь. Ободрись, сердце мое, будь мужественно, и дерзай. Для чего единожды не облекусь я въ оружіе? для чего, хотя и слабая, не могу я на краткое время обремениться ими?

Могу, конечно; могу, облекусь въ нихъ: любовь дастъ мнѣ силы. Она и слабыхъ укрѣпляетъ; одушевляемые ею робкіе елени часто ополчаются и воюютъ. Я не хочу ратовать; хочу токмо сими оружіями обмануть стрегущихъ: хочу выдать себя за Клоринду, и въ ея доспѣхахъ выйти изъ града.

Стража при высокихъ вратахъ не посмѣетъ ее остановить. Сколько я ни размышляю, инаго средства не вижу. Сей есть единственный способъ. Любовь и щастіе благопріятствуютъ невиннымъ моимъ хитростямъ: теперь, часъ этотъ, покуда Клоринда засѣдаетъ съ Царемъ, есть самый удобнѣйшій.

Тако рѣшается и побуждаемая силою страсти немедленно приступаетъ къ дѣлу: похищенное оружіе спѣшитъ перенесть въ свою близкую подлѣ той храмину. Она могла удобно то сдѣлать; ибо когда вошла въ

Клориндину комнату, всѣ оттуда удалились оставя ее одну, и притомъ ночь, покровительница ворамъ и любовникамъ, наступала.

Антіохійская Царевна, видя темное небо немногими звѣздами блистающее, не упуская времени, тайно призываетъ къ себѣ одного изъ вѣрныхъ своихъ служителей, и одну изъ любимыхъ ею дѣвицъ, открываетъ имъ намѣреніе свое о побѣгѣ изъ града, но сказываетъ иную, утаевая отъ нихъ настоящую тому причину.

Вѣрный служитель все то приготовляетъ, что для отъѣзда почитаетъ нужнымъ. Эрминія между тѣмъ скидаетъ съ себя верхнее, богатое, до самыхъ пятъ простирающееся одѣяніе свое, и остается въ простомъ нижнемъ, такъ легка и пріятна, что взоръ смотрящаго на нее не могъ бы насытиться. Никто не прислуживаетъ ей, кромѣ той, которую избрала она своею сопутницею.

Твердымъ желѣзомъ гнететъ и оскорбляетъ она нѣжную выю свою и свѣтлорусые власы. Мягкою рукою беретъ тяжелый, едва подъемлемый ею, щитъ. Тако вся въ гладкую сталь облеченная блистаетъ, и силится, превозмогая слабость свою, воспріять на себя видъ воинственный. Богъ любви, присутствующій съ нею, утѣшается и

смѣется, какъ смѣялся онъ, когда въ женскомъ платьѣ видѣлъ Ахилла.

О съ какою трудностію стоитъ она подъ бременемъ, силамъ ея несоразмѣрнымъ! Едва можетъ ступать, и вѣрной сопутницѣ своей велитъ итти въ передъ, опираясь на нее рукою. Но любовь и надежда вливаютъ въ духъ ея бодрость, и въ члены ея силу, такъ что приходятъ онѣ туда, гдѣ служитель ожидалъ ихъ, и съ поспѣшностію садятся на коней.

Переодѣтыя ѣдутъ, стараясь избирать окольные и меньше многолюдные пути; однакожъ вездѣ, при темнотѣ ночей, видятъ блистаніе оружій; но никто изъ стражей не дерзаетъ остановить ихъ, и всякъ, уступая дорогу, отходитъ въ сторону: бѣлый Клориндинъ плащъ, и страшный на щитѣ знакъ, познаютъ и во мракѣ.

Эрминія, проѣзжая по стогнамъ, хотя въ сомнѣніи своемъ и успокоилась нѣсколько; но еще не почитала себя безопасною: боится, что напослѣдокъ обманъ ея откроется; чрезмѣрная дерзость ея наводитъ ей великій страхъ. Однакожъ, пріѣхавъ ко вратамъ градскимъ, преодолѣваетъ оный, и смѣлымъ гласомъ вѣщаетъ приставу: я Клоринда, по Царскому ѣду повелѣнію; отвори врата.

Женскій голосъ, похожій на Клориндинъ, обманулъ пристава. (И кто бы подумалъ увидѣть иную, несродную къ воинскимъ подвигамъ, вооруженную на конѣ дѣву?). Приставъ тотчасъ повинуется, и она съ двумя своими сопутниками немедленно выѣзжаетъ за врата, спускается въ долъ, и для лучшей безопасности ищетъ окольныхъ и отдаленныхъ путей.

Когда же Эрминія узрѣла себя въ уединенныхъ мѣстахъ, то обуздала тотчасъ прыткость коня своего; ибо считала себя внѣ прежнихъ опасностей, и не страшилась болѣе быть задержанною. Тутъ начинаетъ она размышлять о томъ, о чемъ прежде не думала: пріѣздъ ея въ непріятельскій станъ представился ей гораздо труднѣйшимъ, нежели каковымъ сперва въ пылкости желаній онъ ей представлялся.

Теперь видитъ, что безумно въ образѣ воина появиться къ грознымъ врагамъ. Она бы хотѣла, чтобъ никто не видалъ ее, кромѣ владѣющаго ея сердцемъ. Ему одному тайно и нечаянно съ любовію въ груди, но увѣренная въ сохраненіи чести своей, предстать желаетъ. Тако размышляющая останавливается, и съ благоразумнѣйшею чѣмъ прежде осторожностію, служителю своему вѣщаетъ:

Тебѣ, о вѣрный мой, надлежитъ быть

моимъ предшественникомъ; но исполни приказаніе мое со всевозможною скромностію и проворствомъ. Поди въ станъ Христіянскій, умоли кого нибудь провести тебя въ шатеръ къ Танкреду. Скажи ему, что нѣкая дѣва, пекущаяся о его жизни, пришла къ нему просить мира, мира въ войнѣ, любовію противъ меня воздвигнутой, и что отъ сего зависитъ его здравіе и мой покой.

Скажи: дѣва сія имѣетъ столь несомнѣнную къ нему вѣру, что подъ кровомъ его никакой себѣ обиды и оскорбленія не опасается. Не изреки больше ни слова, и есть-ли онъ станетъ о чемъ иномъ тебя вопрошать, отговорись незнаніемъ, и немедленно сюда возвратись. Я между тѣмъ буду ожидать тебя здѣсь; ибо мѣсто сіе кажется мнѣ безопаснымъ: тако рекла, и посланный полетѣлъ, какъ бы на крыльяхъ.

Онъ умѣлъ такъ хорошо поступить, что дружелюбно введенъ былъ во внутренность покоя, гдѣ лежалъ Танкредъ, который съ удовольствіемъ его выслушалъ. Тогда посланный, оставя его, въ тысячу различныхъ мыслей погруженнаго, спѣшитъ принесть Царевнѣ благопріятный отвѣтъ, что она можетъ по желанію своему предстать предъ него скрытно.

Она между тѣмъ въ великомъ нетерпѣніи, всякимъ малѣйшимъ замедленіемъ без-

покоящаяся и скучающая, считаетъ шаги посланнаго, и мнитъ: вотъ теперь онъ входитъ: вотъ теперь возвращается; и ужѐ на него жалуется и кажется ей, что онъ не столь, какъ обыкновенно, въ семъ случаѣ скоръ и расторопенъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, понуждаетъ коня своего въ передъ, и останавливается на такомъ мѣстѣ, откуду начинаютъ открываться шатры стана.

Восходящая луна разливала на безоблачномъ небѣ хладносвѣтлые, подобные жемчугу, лучи свои. Воспаленная любовію дѣва испускала одно за другимъ пламенныя свои воздыханія, и ввѣряла тайну сердца своего молчаливой тишинѣ и безмолвнымъ полямъ.

Потôмъ, устремя взоры свои на станъ, вѣщала: о любезные очамъ моимъ шатры Латинскіе! чѣмъ ближе подъѣзжаю къ вамъ, тѣмъ отраднѣе дышу вѣющимъ отъ васъ, оживляющимъ меня воздухомъ. О ежели бы небо за всѣ претерпѣнныя мною страданія вознаградило меня хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ! Въ васъ ищу я его; въ васъ однихъ надѣюсь среди оружія обрѣсти покой.

Воспріимите же меня, и въ васъ да найду я ту жалость, какую сулила мнѣ любовь, и какую индѣ, бывъ плѣнницею, видѣла я въ моемъ кроткомъ и любезномъ повелителѣ. Не желаніе ведетъ меня къ вамъ помощію вашею возвратить себѣ прежнюю Цар-

скую честь; ежели сего и не случится, я за щастіе почту служить и быть подданною между вами.

Тако вѣщала Эрминія, не предвидя какое злополучіе ожидаетъ ее. Она стояла на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ лунные лучи, упадая прямо на ея оружіе, отражались отъ нихъ съ такимъ блескомъ, что бѣлая одежда ея, особливо же изображенный на серебряномъ полѣ щита великій тигръ, издалече были видны, и такъ сіяли, что всякъ сказалъ бы: это она.

По нещастію ея многіе воины стояли близко отъ ней на отводной стражѣ. Надъ ними начальствовали два брата Латинцы, Алькандръ и Полифернъ: они посланы были для надзиранія, чтобъ въ городъ не гоняли овецъ и быковъ. Эрминіинъ служитель миновалъ ихъ, взявъ окольную дорогу и проѣхавъ скоро.

Юный Полифернъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ смерти отца своего, убіеннаго Клориндою, и мня по бѣлой и пріятной одеждѣ видѣть ее самую, раздражаетъ противъ ней засадное войско, и будучи запальчивъ и скоръ, послѣдуя первому сердца своего движенію, вопіетъ: умри, злодѣйка, и бросаетъ въ нее дротикъ свой, но онъ пролетаетъ мимо.

Подобно какъ жаждущая лань, напра-

вляющая стопы свои къ свѣжему, біющему изъ камня источнику, или къ рѣкѣ, между злачными брегами текущей, въ тотъ самый часъ, какъ усталая, мня въ лѣтній зной хладныхъ напиться водъ, внезапу съ рыщущими встрѣтится псами, мгновенно обращается назадъ и быстро отъ нихъ стремится, забывая въ страхѣ и усталость свою и солнечный жаръ.

Тако Эрминія, мнившая томящую слабое сердце ея жажду любви утолить и духъ свой въ учтивомъ и ласковомъ пріемѣ успокоить, теперь, встрѣтя сіе препятствіе, и слыша звукъ оружія и угрозы, сама себя и прежнія желанія свои забывая, устрашенная побуждаетъ коня своего къ бѣгу.

Бѣжитъ нещастная Эрминія, и конь ея прыткими стопами топчетъ путь. Бѣжитъ и другая сопутница ея. Грозный Полифернъ со многими вооруженными не престаетъ гнаться за ними. Се добрый служитель съ поздною вѣстію возвращается къ нимъ изъ стана: онъ вмѣстѣ съ ними не зная куда скачетъ, и страхъ разсѣваетъ ихъ въ разныя стороны.

Но благоразумнѣйшій братъ Полиферновъ, также мнимую Клоринду видѣвшій, но далѣе отъ ней бывшій, не хочетъ гнаться за нею. Онъ остался на своемъ мѣстѣ и послалъ въ станъ гонца съ извѣстіемъ, что

не стадо какое, или покрытое волною животное, или иной подобный тому звѣрь, но устрашенная Клоринда бѣжитъ отъ брата его, за нею гонящагося.

Что впрочемъ онъ не думаетъ (ибо то противно разсудку), чтобъ она не простая токмо ратница, но верховная предводительница войскъ, избрала, для маловажнаго предпріятія, такое время къ выходу изъ града; что онъ предаетъ сіе на судъ благочестиваго Готфрида, и ожидаетъ отъ него повелѣнія. Какъ скоро вѣсть сія достигла въ станъ, слухъ о томъ разнесся тотчасъ по всему воинству.

Танкредъ, прежнимъ посольствомъ приведенный въ сомнѣніе, услыша сію вторую вѣсть, думаетъ: ахъ! Можетъ быть она ко мнѣ пріѣхала, и за меня теперь въ опасности. Онъ не мыслитъ болѣе ни о чемъ: надѣваетъ на себя часть тяжелыхъ доспѣховъ, садится на коня, уѣзжаетъ съ поспѣшностію тайно изъ стана, и направляя путь свой по свѣжимъ конскимъ слѣдамъ, скачетъ во весь опоръ.

Конецъ шестой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь седмая.

Между тѣмъ конь примчалъ Эрминію подъ тѣнистыя деревья древняго лѣса: рука ея не управляла имъ болѣе. Царевна сидѣла на немъ почти полумертвая. Онъ по произволу своему несъ ее по разнымъ путямъ, доколѣ изъ очей скачущихъ за нимъ скрылся, и тѣмъ погоню ихъ содѣлалъ тщетною.

Какъ по долгомъ и трудномъ рысканіи возвращаются унылые и запыхавшіеся псы, потерявшіе слѣдъ гонимой ими добычи, утекшей изъ гладкаго поля въ густый лѣсъ: тако съ яростію въ сердцѣ и со стыдомъ въ лицѣ возвращаются Христіянскіе воины. Эрминія же продолжаетъ бѣжать: устрашенная, едва дышущая, не смѣетъ оглянуться, чтобъ посмотрѣть, гонятся ли за нею.

Всю ночь и весь день ѣхала, безъ всякой мысли и намѣренія, не видя и не слыша вокругъ себя ничего, кромѣ слезъ своихъ и воздыханій. Но въ тотъ часъ, когда солнце отъ лучезарной колесницы отпрягаетъ коней и опускается въ морскія нѣдра, пріѣзжаетъ ѳна къ чистымъ струямъ благолѣп-

наго Іордана, и сшедъ съ коня на берегу рѣки сея ложится.

Ничего въ пищу не пріемлетъ: одною печалію насыщается и слезами утоляетъ жажду. Но сонъ, сладкая отрада нещастныхъ, погрузилъ горестныя чувства ея въ забвеніе, и распростеръ надъ нею тихія крылья свои. Однакожъ любовь не престаетъ разными мечтаніями возмущать душу и разрушать спокойствіе спящей.

Она проснулась когда ужѐ птички, порхая съ вѣтки на вѣтку, сладкимъ пѣніемъ поздравляли утро, и тихій вѣтерокъ, шевеля листами кустовъ и возмущая гладкую поверхность журчащихъ струй, игралъ съ цвѣтами. Царевна возводитъ утомленныя очи свои и видитъ уединенныя жилища пастуховъ, и кажется ей слышитъ въ тихомъ шумѣ водъ и древесъ нѣкій гласъ, зовущій ее къ слезамъ и воздыханію.

Но жалобы и плачъ ея прерываются ясными поразившими слухъ ея звуками, кои, какъ ей показалось, дѣйствительно были пастушескія пѣсни, смѣшенныя съ играніемъ на свирѣли. Она встаетъ, подходитъ къ нимъ тихими шагами, и видитъ сѣдаго мужа въ пріятной тѣни плетущаго близь стада своего корзины, и внимающаго тремъ поющимъ юношамъ.

Они, увидя внезапу необычайное оружіе,

смутились; но Эрминія, ласково привѣтствуя, ободряетъ ихъ, снимаетъ шлемъ свой, и открывъ прекрасные власы и очи свои: продолжайте, вѣщаетъ имъ, любимые небесами, благополучные люди, продолжайте свою работу: сіи оружія мои не возмутятъ сельскихъ вашихъ трудовъ и заботъ.

Потомъ, обратясь къ старцу, рекла: отче! когда вся окрестность сихъ земель горитъ войною, какъ можешь ты въ тихомъ жилищѣ твоемъ не бояться бранныхъ нападеній? Сынъ мой, отвѣтствуетъ старецъ, отъ всякихъ обидъ и оскорбленій семейство и стадо мое избавлены здѣсь были; никакой бранный шумъ не смущалъ еще спокойствія сей уединенной страны.

Божеская ли благодать покровительствуетъ и спасаетъ кротость невинныхъ пастуховъ, или отъ того сіе происходитъ, что какъ громъ не падаетъ никогда на простіе, но всегда на высокія вершины дубовъ, такъ и ярость ратующихъ народовъ однѣ токмо гордыя главы великихъ Царей низлагаетъ; или наконецъ отъ того, что жадныхъ рукъ корыстолюбивыхъ воиновъ не приманиваетъ уничиженная и презрѣнная наша нищета.

Уничиженная и презрѣнная для другихъ, для меня же, не желающаго ни сокровищъ, ниже Царскаго жезла, драгоцѣнная. Никогда

въ спокойной груди моей не обитали ни алчность къ любочестію, ни жадность къ корыстолюбію. Жажду мою утоляю я свѣжею водою, не страшась заражень быть ядомъ. Стадо сіе и малый садикъ даютъ на столъ мой неприхотливую, но здоровую и некупленную пищу.

Труды наши не велики для того, что желанія и нужды наши малы. Вотъ мои дѣти, они пасутъ стадо, и нѣтъ у меня другихъ слугъ. Такимъ образомъ провождаю я жизнь мою въ семъ уединенномъ убѣжищѣ, смотря на скачущихъ козъ и еленей, любуясь на играющихъ въ рѣкѣ сей рыбъ, и на птицъ, рѣзвыми крыльями разсѣкающихъ воздухъ.

Было время, когда и я, по свойственному младымъ лѣтамъ огню и заблужденію, имѣлъ иныя мысли, гнушался пасти стада, и удалялся отъ родины. Я жилъ нѣкогда въ Мемфисѣ, былъ самъ между Царскими вельможами, и хотя начальствовалъ токмо надъ садами и вертоградами, однакожъ видѣлъ и узналъ козни Двора.

Обольщенный надеждами долгое время терпѣлъ и сносилъ я всякія непріятности; но потомъ, когда вмѣстѣ съ цвѣтущими лѣтами прошли и желанія и надежды, восплакалъ я о тишинѣ сей простой жизни, возсоболѣзновалъ о потерянномъ душевномъ покоѣ, и сказалъ: о Дворъ! прости. Съ тѣхъ

поръ, возвратясь въ мирныя долины, провождаю я жизнь благополучную.

Эрминія смотрѣла на него пристально и съ молчаніемъ слушала: мудрыя слова его врѣзались въ сердце ея, и отчасти бурю чувствъ ея утишили. По долгомъ размышленіи предпріемлетъ она въ семъ мирномъ уединеніи по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ остаться, покуда щастіе позволитъ ей возвратиться.

Сего ради вѣщаетъ старцу: о щастливый, познавшій нѣкогда опытомъ зло, естьли я не помѣшаю твоему благополучію, сжалься надъ моими бѣдствіями, прими меня въ скромную свою обитель, да пребуду въ ней: можетъ быть сердце мое въ сихъ тѣнистыхъ мѣстахъ освободится хотя нѣсколько отъ тяжкаго возлежащаго на немъ бремени.

Ежели бы злато и драгоцѣнныя каменія, сіи обожаемые народомъ кумиры, были тебѣ угодны, я столько имѣю ихъ съ собою, что могла бы удовольствовать ими твое желаніе. Тутъ полились изъ прекрасныхъ очей ея горькія, подобныя хрусталю, слезы, и она часть нещастій своихъ расказала: добродушный пастырь, смотря на нее плачущую, самъ плакалъ.

Потомъ утѣшалъ ее и съ отцовскимъ чадолюбіемъ въ домъ свой принялъ. Онъ

отвелъ ее къ престарѣлой женѣ своей, толико же, какъ самъ онъ, благодушной. Царевна одѣвается въ убогое деревенское платье, возлагаетъ на мягкіе власы свои суровую повязку, но взоромъ и поступками не походитъ на обитательницу лѣсовъ.

Скудное одѣяніе не скрываетъ въ ней благороднаго и пріятнаго вида; въ самыхъ низкихъ ея работахъ и упражненіяхъ просіяваетъ Царское величіе. Пасетъ стада и бѣднымъ посохомъ загоняетъ ихъ въ хлѣвъ; изъ косматыхъ сосцевъ доитъ млеко, и пахтаетъ изъ него масло и сыръ.

Часто, когда овечки ея, уклоняясь отъ солнечнаго зноя, лежатъ въ тѣни, она различными образами на корѣ липъ и буковъ вырѣзываетъ имя своего любезнаго Князя, и въ тысячи мѣстахъ нещастныя приключенія любви и горестныя сердца своего чувствованія начертываетъ, и послѣ, читая собственныя свои выраженія, горькими слезами прекрасное лице свое окропляетъ.

И плача говоритъ: сохраняйте въ себѣ, молчаливыя древеса, сію печальную повѣсть. Естьли кто вѣрною любовію дышущій придетъ когда подъ прохладную вашу тѣнь, да почувствуетъ онъ сожалѣніе къ толь многимъ и разнымъ моимъ злополучіямъ, и да скажетъ: ахъ! какъ худо любовь и щастіе вознаградили ее за толикую вѣрность.

Можетъ быть случится, ежели небеса услышатъ мою молитву, что нѣкогда въ сіи уединенные лѣса придетъ тотъ, кто теперь не думаетъ обо мнѣ, и возведя очи на могилу, гдѣ бренный прахъ мой погребенъ будетъ, можетъ быть, въ награду за мои мученія, вздохнетъ онъ и прольетъ нѣсколько слезъ.

Тогда за то, что сердце мое въ жизни страдало, пускай хотя духъ мой въ смерти утѣшится, и хладный прахъ мой да усладится тѣмъ, чѣмъ нынѣ услаждаться не суждено мнѣ. Тако съ безмолвными древесами бесѣдуетъ и два чистыхъ источника изъ прекрасныхъ очей своихъ проливаетъ. Танкредъ между тѣмъ, случайностію влекомый, далеко отъ ней, гонясь за нею, разъѣзжаетъ.

Онъ, направляя путь свой по свѣжимъ слѣдамъ, обращаетъ коня своего къ ближнему лѣсу, гдѣ густыя и частыя деревья бросаютъ отъ себя такую мрачную тѣнь, что онъ не можетъ болѣе никакихъ слѣдовъ усматривать, и протягивая ухо прилѣжно внимаетъ, не услышитъ ли гдѣ конскаго топота или звука оружій.

Гдѣ при ночной тишинѣ вѣтръ тронетъ легкіе листы вяза или топола, или звѣрь пошевелится, или птица поколеблетъ вѣтку, тотчасъ на малый шорохъ сей обращается. Наконецъ выѣзжаетъ изъ лѣса, и

луннымъ сіяніемъ путеводимый, стремится по безвѣстному пути къ нѣкоему въ далекѣ слышному шуму.

Пріѣзжаетъ къ дикой скалѣ, отколѣ въ великомъ количествѣ истекаютъ свѣтлыя, съ шумомъ низвергающіяся воды, кои, составляя быструю водотечу, струятся между злачными брегами. Здѣсь съ досадою останавливается и кличетъ: на гласъ его одинъ токмо откликъ отвѣтствуетъ. Между тѣмъ румяная заря съ улыбкою на устахъ начинаетъ появляться.

Танкредъ ропщетъ и жалуется на судьбу, что она, отъемля у него толь щастливый случай, лишаетъ его надежды; но клянется отмстить за свою любезную, естьли возвратится она кѣмъ либо оскорбленная. Напослѣдокъ, вспомня, что день назначеннаго съ Египетскимъ воиномъ единоборства скоро наступитъ, рѣшается ѣхать обратно въ станъ, хотя не знаетъ прямо дороги.

Ѣдетъ, избирая на удачу пути, и вдругъ слышитъ конскій топотъ, отчасу къ нему приближающійся, и вскорѣ потомъ видитъ выѣзжающаго изъ узкой долины человѣка, имѣющаго видъ гонца: онъ, какъ наши гонцы, хлопалъ бичемъ, и на боку черезъ плечо висѣлъ у него рогъ. Танкредъ вопрошаетъ

его: какой путь ведет въ Христіанскій станъ?

Гонецъ отвѣчаетъ ему по италіянски: я спѣшу туда по приказанію Боемондову. Танкредъ, обманутый симъ притворнымъ языкомъ, почитая его посланнымъ отъ великаго дяди своего, поѣхалъ за нимъ. Напослѣдокъ въ тѣ часы, когда солнце кажется быть погружающимся въ пространное нѣдро ночнаго обиталища своего, пріѣзжаютъ они къ окруженной гнилымъ и смраднымъ озеромъ крѣпости.

Гонецъ затрубилъ въ рогъ, и тотчасъ опускается мостъ. Ежели ты Латинецъ, сказалъ онъ Танкреду, то можешъ пробыть здѣсь до утра: мѣсто сіе (три дни тому назадъ) взято у Магометанъ Графомъ Козенскимъ. Танкредъ смотритъ на сію крѣпость, по искусственному укрѣпленію и по мѣстному положенію со всѣхъ сторонъ неприступную.

Сомнѣвается нѣсколько, не скрывается ли въ толь крѣпкой оградѣ какой тайный обманъ. Но какъ пріобыкшій къ опасностямъ смерти, ни словами, ни на лицѣ того не изъявляетъ. Самъ ли собою куда зайдетъ, или судьбою заведенъ будетъ, онъ надѣется силою руки своей освободиться. Однакожъ, помня обязанность втораго ратоборства, не хочетъ въ новые вступать подвиги.

Для того останавливается на томъ мѣстѣ берега, гдѣ горбатый мостъ концемъ своимъ упалъ, и не взирая на лукавое приглашеніе гонца, не ѣдетъ за нимъ въ крѣпость. Между тѣмъ на мосту въ грозномъ и гнѣвномъ видѣ появляется вооруженный воинъ, держащій обнаженный мечъ въ рукѣ, и тако повелительнымъ и грубымъ гласомъ вѣщающій:

О ты, волею или неволею, въ Армидину область пришедшій, не мни отселѣ уйти: совлекись оружія своего и возложи на себя оковы. Вниди въ крѣпость сію и останься здѣсь, повинуясь предписаннымъ для всѣхъ законамъ. Отложи надежду нѣкогда увидѣть небо: ни число солнечныхъ обращеній, ни посѣденіе власовъ твоихъ тебя отселѣ не избавятъ.

Естьли хочешь быть свободенъ, дай клятву вмѣстѣ съ другими возстать противъ всякаго, кто носитъ на себѣ имя Христа. По сихъ словахъ Танкредъ взираетъ на него, и по гласу и оружію познаетъ въ немъ Гасконскаго Рамбальда, который послѣдовалъ за Армидою, и принявъ Магометанскую для ней вѣру, содѣлался защитникомъ сего преступнаго ея постановленія.

Благочестивый витязь, праведнымъ воспылавъ гнѣвомъ, отвѣтствуетъ ему: презрѣнный измѣнникъ! я, тотъ за Іисуса Хри-

ста препоясанный мечемъ Танкредъ, который всегда поборалъ по немъ и духомъ его подкрѣпляемый побѣждалъ нечестивыхъ, я покажу надъ тобою, что гнѣвъ небесный избралъ десницу мою, да покараетъ и поразитъ тебя.

Смутился, услыша славное имя, вѣроотступникъ, и перемѣнился въ лицѣ; однакожъ, сокрывая страхъ свой, вѣщаетъ ему: нещастный! какимъ образомъ зашелъ ты сюда, гдѣ преданъ будешь смерти? Здѣсь силы твои не помогутъ: ежели рука моя не дрогнетъ, то я преодолѣю ихъ, и гордую главу твою, отдѣленную отъ тѣла, пошлю въ даръ къ полководцамъ Франковъ.

Тако рекъ вѣроотступникъ; и какъ дневный свѣтъ ужѐ погасъ, такъ что ничего почти было не видно, то вдругъ возблистало множество огней, освѣтившихъ воздухъ. Сіястъ крѣпость, подобно освѣщенному пышно при ночныхъ зрѣлищахъ театру, гдѣ Армида въ возвышеннѣйшемъ мѣстѣ засѣдаетъ, и никому не видимая, сама все видитъ и слышитъ.

Великодушный витязь собирается между тѣмъ съ силами и приготовляетъ свое оружіе. Онъ, видя соперника своего пѣшимъ, самъ съ утомленнаго коня своего сходитъ. Рамбальдъ, закрывшись щитомъ, со шлемомъ на главѣ, съ обнаженнымъ противъ Князя

мечемъ, приближается къ нему, злобный взоромъ и страшнымъ рыкающій гласомъ.

Онъ подходитъ къ нему косвенными шагами, стараясь съ боку, или съ тылу, нанести ему ударъ; но Танкредъ, хотя еще слабъ и утомленъ, идетъ прямо къ нему, и когда тотъ уклоняется въ сторону, онъ за нимъ, наступаетъ на него, тѣснитъ, и часто мечъ его сверкаетъ у самыхъ глазъ измѣнника.

Разъяренный разитъ, и направляетъ мечъ свой болѣе туда, гдѣ раны опаснѣе для жизни, и сопровождаетъ удары свои угрозами, ко вреду присовокупляющими страхъ. Гасконецъ, легкій и проворный, туда и сюда отступая, ищетъ избѣгнуть отъ пораженій, и то мечемъ, то щитомъ своимъ закрываясь, старается спасти себя отъ ярости сопротивника.

Но не можетъ съ такою скоростію оборонять себя, съ какою Танкредъ на него нападаетъ: ужѐ щитъ его сокрушенъ, шлемъ разрубленъ, броня исколота и кровью обагрена; онъ, напротивъ, ни единымъ еще ударомъ не поразилъ соперника: страшится, и сердце его раздирается гнѣвомъ, стыдомъ, раскаяніемъ и любовію.

Въ отчаяніи рѣшается наконецъ послѣдній сдѣлать усилія своего опытъ: бросаетъ щитъ, и схватя обѣими руками жаждущій

крови мечъ свой, наступаетъ на противника, ударяетъ такимъ сильнымъ махомъ, что ничто не могло устоять отъ сего удара, нанесшаго Князю болѣзненную рану въ лѣвую лядвею.

По семъ повторяетъ ударъ свой, низпадшій на широкое чело великаго сопротивника своего, такъ что шлемъ его зазвѣнѣлъ, какъ колоколъ, и хотя страшный ударъ сей не пробилъ шлема, однакожъ погнулъ и оглушилъ Танкреда. Тогда изъ очей Князя, воспалившагося ужасною лютостію, посыпались сверкающія сквозь забрало шлема искры гнѣва, и вмѣстѣ съ огненными взорами заскрежеталъ онъ зубами.

Вѣроломный Магометанецъ не могъ устоять противъ толь свирѣпаго вида: слышитъ свистящій надъ собою мечъ, и уже̍ кажется ему, что онъ у него въ жилахъ и въ срединѣ груди. Уклоняется отъ удара и ударъ падаетъ на столпъ, стоящій при концѣ моста: тысячи осколковъ летятъ къ небу, и сердце измѣнника наполняется мразомъ страха.

Онъ бѣжитъ на мостъ, и только на быстроту стопъ своихъ надѣется. Но Танкредъ гонится за нимъ и уже̍ касается рукою хребта его, уже̍ ступаетъ ногами на его пяты, какъ вдругъ силою волшебной власти (въ помощь бѣглецу) всѣ огни погаса-

ютъ, луна помрачается, и ни малѣйшій лучъ ея не разгоняетъ сгустившейся темноты.

Посреди чародѣйствъ, и мрака ночи побѣдитель престаетъ гнаться, и не видя ничего болѣе ни предъ собою, ни окрестъ себя, движетъ съ опасеніемъ сомнительныя стопы свои, и нечаянно ступаетъ на прагъ нѣкіихъ вратъ: онъ не почувствовалъ еще, что вошелъ внутрь оныхъ, какъ вдругъ услышалъ, что врата позади его скрыпнули, и онъ очутился заключеннымъ въ темное мѣсто.

Подобно какъ рыба въ Комское наше озеро бѣжитъ изъ моря, ища отъ бурныхъ волнъ въ тихихъ успокоиться водахъ, и сама себя въ тѣсную темницу заключая, не можетъ выйти назадъ, потому что вмѣстилище сіе такимъ искуснымъ образомъ устроено, что для входа отверсто, для выхода же заперто.

Тако Танкредъ въ расположенную тольже хитрымъ образомъ чудесную темницу самъ вошелъ и заключенный въ ней выйти не можетъ. Онъ сильною рукою трясетъ врата, но трудъ его тщетенъ. Между тѣмъ слышитъ гласъ, громко ему вопіющій: безполезно покушаешься ты освободиться отселѣ, о плѣнникъ Армидинъ!

Здѣсь провождать будешь (не опасайся смерти), живо погребенный, дни твои и годы,

Не отвѣтствуетъ ничего твердосердый воинъ, но въ глубинѣ души своей стѣсняетъ грусть свою и стонъ, и самъ съ собою разсуждая, обвиняетъ любовь, судьбу, безуміе свое, и злобные обманы другихъ. Иногда безмолвно самому себѣ вѣщаетъ: прискорбно лишиться солнечныхъ лучей.

Но я, нещастный, вмѣстѣ съ прекрасными лучами солнца лишаюсь еще прекраснѣйшихъ, чѣмъ они, взоровъ моей любезной, и не знаю возвращусь ли когда въ тѣ мѣста, гдѣ они печальную мою душу утѣшить и усладить могутъ. Потомъ, воспоминая объ Аргантѣ, еще болѣе грусть свою умножаетъ. Много, вѣщаетъ, много пренебрегъ я свою должность. Онъ имѣетъ право порицать меня и презирать. О безславіе! о вѣчный стыдъ мой!

Тако любовь и попеченіе о чести попремѣнно терзаютъ душу сего великаго воина. Аргантъ между тѣмъ, какъ сей снѣдается острою печалію, не на мягкихъ нѣжится перинахъ; но въ жестокой груди своей толико ненавидитъ миръ, толико алчетъ крови и жаждетъ славы, что не излѣчась еще отъ ранъ, желаетъ ужѐ, чтобъ заря шестаго дня скорѣе настала.

Въ ночь же, дню сему предшествовавшую, гордый Магометанинъ едва для краткаго сна главу свою преклоняетъ; онъ возстаетъ,

когда небо покрыто еще такимъ мракомъ, что ни единый лучъ солнечный не играетъ на вершинахъ горъ. Подай мнѣ оружіе, вѣщаетъ своему щитоносцу, и сей приноситъ къ нему нарочно для сего времени приготовленные доспѣхи, не обыкновенные его, но другіе, присланные въ даръ Царемъ.

Аргантъ не разсматриваетъ ихъ много, поспѣшно облекается въ нихъ, и кажется великая тягость ихъ ни мало его не обременяетъ. Но по бедрѣ препоясуетъ онъ прежній свой мечъ, древній, изъ крѣпкаго булата кованный. Подобно какъ появившаяся въ воздухѣ, ужасная, съ кровавыми власами комета, несущая въ страхъ Царствамъ и Царямъ болѣзни и смерть:

Такъ онъ во всеоружіи блистаетъ, и взоры свои яростные и кровожадные вокругъ себя вращаетъ. Всѣ его движенія, исполненныя свирѣпства, и очи, быстрыя и угрожающія пагубою, приводятъ въ ужасъ и содроганіе. Взглянетъ: и никакая твердая душа не воздержится отъ страха. Громко вопитъ, и обнаженнымъ мечемъ машетъ, разсѣкая свистящій за нимъ воздухъ.

Скоро, вѣщаетъ, сей Христіянскій боецъ, дерзающій равняться со мною, падетъ побѣжденный на землю, валяясь и мѣся растрепанными власами своими пыль и прахъ. Онъ живой еще увидитъ руку сію, не смо-

тря на Бога его, совлекающую съ него ратные доспѣхи, и тщетно будетъ умирающій умолять меня, чтобъ я растерзанные члены его не предалъ въ снѣдь псамъ и вранамъ.

Тако волъ, страстію подстрѣкаемый и ревностію противъ соперника своего раздраженный, реветъ, и ревомъ своимъ возбуждая въ себѣ лютость и гнѣвъ, бодетъ рогами въ пень, и кажется тщетными ударами вызываетъ вѣтры на брань; роетъ копытами землю, и противнику своему издалече смертоносною грозитъ битвою.

Толикою же яростію воспаленный Аргантъ призываетъ къ себѣ глашатая, и краткими словами повелѣваетъ ему: поди въ станъ и возвѣсти Христіянскому воину, что я готовъ возобновить съ нимъ кровавый бой. Тотчасъ послѣ сего садится на коня, выѣзжаетъ изъ града, и скачетъ во весь духъ внизъ горы и по площади.

Между тѣмъ глашатай трубитъ въ рогъ, изъ коего исходитъ подобный грому звукъ, раздающійся по окрестностямъ полей, и оскорбляющій вмѣстѣ и сердце и слухъ. Христіянскіе Князья собрались уже изъ малыхъ шатровъ своихъ въ большой раскинутый шатеръ, гдѣ глашатай предсталъ предъ нихъ и возвѣстилъ о вызовѣ, назвавъ сперва Танкреда, потомъ не отказывая и другимъ.

Готфридъ съ колеблющимися и сомнительными мыслями обращаетъ окрестъ себя медленные и важные взоры; но хотя задумчиво и долго на всѣхъ смотритъ, однакожъ никто способнымъ къ толь великому подвигу ему не представляется. Лучшій цвѣтъ сильнѣйщихъ воиновъ находился въ отсутствіи: о Танкредѣ не было никакой вѣсти; Боемондъ далеко; непобѣдимый витязь, убившій Жернанда, былъ въ изгнаніи.

Сверхъ десяти, по жребію избранныхъ, лучшіе и славнѣйшіе подвижники, соблазнительными приглашеніями Армиды прельщенные, воспользовавшись ночными мраками, послѣдовали за нею. Остальные, меньше твердые сердцемъ, и меньше сильные рукою, стоятъ потупясь безмолвны; нѣтъ ни единаго, кто бы, пренебрегая толь великую опасность, вызвался на сей подвигъ чести: во всѣхъ стыдъ побѣжденъ страхомъ.

По молчанію, по виду лицъ, по всѣмъ знакамъ, верховный вождь, примѣтя робость ихъ, и великодушнымъ воскипя гнѣвомъ, воспрянулъ отъ сѣдалища своего, и тако рекъ: ахъ! я бы не достоинъ былъ жизни, естьлибъ отрекся подвергнуть ее опасности, допуская, чтобъ Магометанинъ толь нагло попиралъ честь нашего народа.

Пусть войско мое спокойно изъ безопаснаго мѣста смотритъ на мою опасность.

Скорѣе, скорѣе подайте мнѣ мое оружіе! по сихъ словахъ тотчасъ всѣ его доспѣхи принесены къ нему были. Но тутъ благій Раимондъ, колико лѣтами, толикоже и разумомъ старый, однако чувствующій въ себѣ еще довольно здравыя, не уступающія другимъ, силы, выступилъ въ передъ.

И обратясь къ Готфриду тако рекъ: ахъ! да не будетъ сего, чтобъ во единой главѣ погибло цѣлое воинство. Ты нашъ верховный Вождь, а не простой воинъ: битва твоя будетъ не частная, но общая. Ты столпъ вѣры и всѣхъ Христіянскихъ державъ. Тобою Вавилонское Царство должнô разрушиться. Оставь другимъ дѣйствовать рукою и мечемъ, ты дѣйствуй разумомъ и жезломъ самодержавія.

Хотя бремя лѣтъ и согнуло хребетъ мой, однакожъ я не отрицаюсь отъ сей битвы. Пусть другіе избѣгаютъ отъ воинскихъ подвиговъ, я не хочу отговариваться старостію. О ежели бы я цвѣлъ еще такою, какъ вы младостію! вы, которые здѣсь стойте трепетны, и не побуждаетесь ни гнѣвомъ ни стыдомъ, возбранить сему наглому Магометанину укорять и порицать васъ.

О ежели бы я былъ таковъ, какъ тогда, когда предъ лицемъ всей Германіи, въ присутствіи великаго Двора Конрада втораго, пронзилъ грудь лютаго Леопольда, и по-

вергъ его мершваго къ моимъ ногамъ. Сія побѣда, сіе совлеченіе доспѣховъ съ рашоборца шоль сильнаго, не меньше принесла мнѣ славы, какъ бы кшо шеперь, одинъ и безъ оружія, обрашилъ въ бѣгсшво сіи шолпы неискусныхъ въ брани народовъ.

О ежелибъ шажъ была у меня сила и крѣпосшь, давно бы ужѐ усмирилъ я кичливосшь сего нечесшивца. Но каковъ я ни есшь, сердце мое не унываешъ, и сшаросшь моя безбоязненна. Есшьли и паду на полѣ брани, высоковыйный не возвеселишся своею побѣдою. Хочу облещись во всеоружіе; да будешъ сей новый подвигъ мой блисшашельнѣе всѣхъ прежнихъ моихъ подвиговъ.

Тако вѣщалъ сшарецъ, и слова его разбудили заснувшую доблесшь: шѣ, кои сшояли до сего робки и нѣмы, вдругъ получили языкъ, и смѣлосшь. Нѣшъ ни единаго, кшо бы ошрицался ошъ бишвы; но многіе, споря между собою, предлагаюшъ каждый себя: Бальдовинъ вызываешся, Рогеръ и Гвельфъ просяшъ, оба Гвиды, и Сшефанъ, и Герніеръ горяшъ желаніемъ.

И Пирръ, похвальною хишросшію Аншіохію Боемонду покорившій, и съ нимъ сопернichесшвуя о шомъ же умоляюшъ Эберардъ, Рудольфъ, и кропкій Розмондъ: одинъ Шошланецъ, другой Ирланецъ, шрешій Бришанецъ, изъ земель, морями, ошъ нашей земли

отдѣленныхъ. Равнымъ образомъ тогожъ домогаются Гильдиппа и Одоардъ, страстная и неразлучная чета.

Но предъ всѣми другими гордый старецъ болѣе всѣхъ оказываетъ ревности и рвенія. Онъ ужѐ вооруженъ; единаго между прочими доспѣхами недостаетъ лучезарнаго на главѣ его шлема. Готфридъ речетъ ему: о живое зерцало древней храбрости! смотря на тебя да научатся воины наши ратнымъ доблестямъ: въ тебѣ сіяютъ честь воинская, примѣръ повиновенія, и образецъ искуства.

О когда бы имѣлъ я десять подобныхъ тебѣ храбростію младыхъ витязей, не умедлилъ бы я низложить гордый Вавилонъ, и отъ конца до конца земли распростерть крестоносное знамя! но уступи нынѣ, прошу тебя, сохрани самаго себя для дѣлъ важныхъ и лѣтамъ твоимъ приличнѣйшихъ. Позволь, да имена другихъ положатся въ малый сосудъ, и судьба да рѣшитъ избраніе.

Или лучше да изберетъ самъ Богъ, въ его же десницѣ судьба и щастіе. Однакожъ Раимондъ не отступаетъ отъ своего намѣренія, и проситъ, чтобъ имя его вмѣстѣ съ другими положено было въ сосудъ. Готфридъ, собравъ жребіи, кладетъ ихъ въ шлемъ свой, трясетъ, и въ первомъ изъятомъ оттолѣ жребіи читаетъ: *Раимондъ Графъ Тулузскій.*

Всѣ при имени семъ радостно воскликнули; ни кто не дерзнулъ на судьбу свою пожаловаться. Въ немъ же на челѣ и на лицѣ его просіяла новая бодрость, и появился новый цвѣтъ младости: тако гордая змія, въ новую облекшись кожу, какъ злато блистаетъ и главу свою подъемлетъ къ солнцу. Но больше всѣхъ верховный Вождь ласкалъ его, предвѣщалъ ему побѣду, и превозносилъ его хвалами.

И мечъ съ бедры своей снявъ поднесъ ему въ даръ, тако вѣщая: сей мечъ носилъ въ сраженіяхъ Франкъ, Саксонскій предатель; я отнялъ у него оный, вмѣстѣ съ жизнію его, тысячами преступленій посрамленною. Возми сей мечъ: онъ былъ всегда въ рукѣ моей побѣдоносенъ; да будетъ такожде и въ твоей.

Между тѣмъ нетерпѣливый, высоковыйный Черкесъ на медленность ихъ негодуетъ, и грозитъ, и вопіетъ имъ: о непобѣдимые воины, храбрые Европейскіе народы, одинъ я всѣхъ васъ вызываю. Гдѣ Танкредъ, на храбрость свою надѣющійся, и силами своими хвастающій? Можетъ быть лежитъ на мягкихъ перьяхъ, выжидая, чтобъ ночь въ другой разъ пришла къ нему на помощь? Пусть другой вмѣсто его выдетъ, когда онъ боится: толпами, толпами ступайте вмѣстѣ и витязи и простые ратники,

когда изъ столькихъ тысячъ васъ нѣтъ ни единаго, кто бы одинъ на одинъ сразиться со мною осмѣлился. Вонъ, видите гробъ, гдѣ сынъ Маріинъ лежитъ; чтожъ вы нейдете къ нему? Что не исполняете своихъ обѣтовъ? вотъ путь. На что же другое бережете вы мечи свои?

Таковыми насмѣшками лютый Срацинъ, какъ рѣзкими бичами бьетъ по сердцамъ ихъ. Но болѣе всѣхъ Раимондъ при сихъ поруганіяхъ воспаляется гнѣвомъ и нетерпѣніемъ. Раздражаемая доблесть, трущаяся о жестокій камень досады, больше острится и разгорячается. Онъ, прерывая всякое медленіе, садится на коня своего, Орла, названнаго симъ именемъ по быстротѣ стопъ его.

На рѣкѣ Тагѣ конь сей родился: мать его въ то время, когда благоуханная весна заражаетъ чувства любовію, бѣжала съ отверстымъ противъ воздуха ртомъ, ища, по вліянной природою склонности, конскихъ пламенныхъ табуновъ, и вдругъ пріемлетъ въ себя плодотворное сѣмя вѣтра, и отъ теплаго дыханія его (о чудо!) чреватѣетъ и рождаетъ.

Сей Орелъ, казалось, произведенъ былъ самотончайшимъ горнимъ дуновеніемъ; такъ скоръ, что когда скачетъ прямо, или дѣлаетъ быстрые вправо и влѣво обороты,

едва слѣдъ его на пескѣ примѣтенъ. На семъ конѣ возсѣдающъ Тулузскій Графъ выѣзжаетъ на побоище, и устремя очи на небо взываетъ:

Господи, ты противъ злочестиваго, разорившаго Израиль Голіафа, укрѣпивый въ долинѣ Теревинфской неопытную отрока руку, первымъ камнемъ низвергшую его на землю; ты покажи и нынѣ равный тому примѣръ: да будетъ подобный же нечестивецъ рукою моею низложенъ, и да усмиритъ грозную гордость слабый старецъ, какъ нѣкогда усмирилъ ее слабый юноша.

Тако молился Раимондъ, и молитва его, съ твердымъ на Бога упованіемъ изліянная, вознеслась въ горнія селенія, какъ огнь по природѣ своей возносится къ небу. Превѣчный отецъ восприялъ ее, и поручилъ его въ охраненіе единому изъ небесныхъ своихъ воинственниковъ: да соблюдетъ его, и здрава и побѣдоносна изведетъ изъ рукъ злобнаго врага.

Ангелъ, нареченный отъ высокаго Провидѣнія, при самомъ еще рожденіи благодушнаго Раимонда, быть хранителемъ и защитникомъ его, нынѣ, когда снова приялъ отъ Царя небеснаго повелѣніе взять его подъ свой покровъ, возносится на высокую гору, гдѣ всѣ небесныя собраны оружія.

Здѣсь хранится копіе, прободшее змія, и великія громовыя стрѣлы, и тѣ, что невидимо несутъ къ людямъ ужасныя язвы и всякое зло. Здѣсь высоко виситъ великій трезубецъ, верховный ужасъ злополучныхъ смертныхъ, когда разверзается имъ широкая утроба земли, и грады поглащаются.

Тако между прочими доспѣхами блистаетъ алмазный лучезарнѣйшій щитъ, толь огромный, что можетъ покрыть земли и народы, сколько ихъ ни есть между Кавказомъ и Атлантомъ. Симъ защищаются праведные Цари, и грады цѣломудрые и благочестивые. Ангелъ пріемлетъ его въ десницу и съ онымъ тайно присутствуетъ при Раймондѣ.

Между тѣмъ стѣны града усыпаны множествомъ разныхъ людей. Царь Іерусалимскій посылаетъ Клоринду съ немалымъ числомъ отличныхъ ратниковъ, повелѣвая, да стоятъ на высотѣ холма, не двигаясь далѣе. Съ другой стороны въ ратномъ порядкѣ поставлены нѣсколько Христіянскихъ войскъ. Между обоими народами оставалось широкое поприще для двухъ единоборцевъ.

Аргантъ смотритъ Танкреда, но видитъ новое лице неизвѣстнаго ему воина. Раймондъ приближается къ нему и вѣщаетъ: тотъ, кого ты вызываешь, по щастію твоему, отсутственъ отселѣ. Однако не гор-

дись видя меня вооруженнаго, я могу заступить мѣсто его и сразиться съ тобою, какъ по причинѣ его отсутствія, такъ и по праву третьяго тебѣ соперника.

Усмѣхается гордый Черкесъ и отвѣтствуетъ ему: гдѣ же Танкредъ? куда дѣлся? грозитъ оружіемъ небу и потомъ прячется, надѣясь на одно свое бѣгство. Но хотя бы онъ ушелъ въ средоточіе земное, или во глубину моря, не найдешъ нигдѣ безопаснаго отъ меня мѣста. Ты клевещешь, перервалъ Раимондъ, понося бѣгствомъ воина, несравненно тебя превосходнѣйшаго.

Воскипѣлъ гнѣвомъ Аргантъ, и сказалъ: выходи; я вмѣсто его принимаю тебя. Посмотримъ, какъ защитишь ты безумную словъ своихъ дерзость. Тако вступаютъ въ бой, и оба равномѣрно возносятъ копія свои, чтобъ поразить другъ друга въ забрало шлема. Раимондъ ударилъ, куда наметилъ, но не могъ ниже пошатнуть Черкеса.

Съ другой стороны гордый Аргантъ (дѣло для него необычайное) ударилъ и промахнулся: защитникъ небесный, охраняющій Христіянскаго воина, отвратилъ ударъ его. Аргантъ отъ ярости кусаетъ у себя губы, и преломя копіе свое съ ругательствомъ о землю, обнажаетъ мечъ и устремляется вторично съ таковою же лютостію на Раимонда.

Летитъ къ нему на пылкомъ конѣ своемъ, какъ волъ утупя для прободенья роги. Раимондъ уклоняется отъ удара въ правую сторону. и поразивъ его въ чело, скачетъ мимо. Черкесъ возвращается снова, но тотъ снова въ лѣвую сторону уклонясь, ударяетъ его по шлему, но ударъ былъ тщетенъ: крѣпкій шлемъ силѣ его воспротивился.

Ярый Магометанинъ хочетъ ближе съ нимъ схватиться, наступаетъ на него, тѣснитъ; но тотъ страшась, чтобъ онъ огромностію тѣла своего не опрокинулъ его и съ конемъ на землю, иногда отступаетъ, иногда урывками нападаетъ, повертывая то въ ту, то въ другую сторону ретиваго коня своего, повинующагося малѣйшимъ понужденіямъ его съ такою легкостію и проворствомъ, что не ступитъ ни одного шага съ ошибкою.

Какъ искусный полководецъ, осаждающій построенную посреди блата или на крутой горѣ крѣпость, озираетъ со всѣхъ сторонъ, и придумываетъ всѣ хитрости и способы подступить къ ней; такъ Графъ Тулузскій, вращаясь во кругъ Арганта, и не могши сквозь броню и шлемъ проникнуть до груди и чела его, разитъ по доспѣхамъ меньше крѣпкимъ, и смотритъ, какъ бы въ промежутки между желѣзомъ и желѣзомъ дать мечу своему путь.

Уже дважды или трижды удалось ему пронзить броню врага и обагрить мечь свой кровію его, имѣя свои доспѣхи цѣлы и шлемъ свой ниже въ украшеніяхъ онаго неповрежденный. Аргантъ тщетно свирѣпствуетъ, и тщетно безплодные расточаетъ удары; однакожъ не утомляется, и удвоя ихъ рубитъ и колетъ, но всегда погрѣшая.

Наконецъ между тысячами ударовъ низпускаетъ одинъ, отъ котораго Раимондъ, бывшій близко, не могъ при всей быстротѣ Орла своего ускользнуть, и можетъ быть палъ бы подъ нимъ; но приставленный къ нему небесный охранитель, стоявшій невидимо подлѣ него, простеръ руку, и подставилъ подъ лютый ударъ алмазный щитъ свой.

Мечъ сокрушился и упалъ на землю: (ибо хрупкое оружіе смертныхъ не можетъ устоять противъ нетлѣннаго небеснаго оружія). Аргантъ, видя мечъ свой на мѣлкія части раздробившимся, едва тому вѣритъ; смотритъ на обезоруженную руку свою и не можетъ понять, какимъ образомъ доспѣхи соперника его до толикой степени крѣпки.

Онъ мнитъ, что мечъ его сокрушился о шлемъ непріятельскій: самъ Раимондъ тожъ думаетъ не зная, что посла небеснаго десница его защитила. Онъ, увидя соперника

своего лишеннымъ оружія, пришелъ въ сомнѣніе: почитаетъ за безславное дѣло одержать побѣду надъ непріятелемъ, не могущимъ обороняться.

Хотѣлъ сказать: возми другой мечъ; но вдругъ иная мысль приходитъ ему на умъ: мнитъ, что онъ защитникъ общаго дѣла, и что паденіемъ своимъ нанесетъ всѣмъ великое посрамленіе. Тако размышляя почитаетъ за должное воспользоваться благопріятностію случая, и общую всѣхъ честь не подвергать сомнѣнію. Между тѣмъ, какъ онъ въ семъ недоумѣніи пребываетъ, Аргантъ рукоятку меча своего бросаетъ ему въ лицо.

И въ тожъ время, побуждая коня своего, стремится прямо къ нему. Рукоятка ударилась въ забрало шлема, и во многихъ мѣстахъ поранило лице Графа Тулузскаго; однакожъ онъ не смутился отъ удара, но проворно отскочилъ на конѣ своемъ, рубя Арганта по рукамъ, которыя сей простиралъ къ нему, чтобъ схватить его въ орлиные свои когти.

Раимондъ то въ ту, то въ другую уклоняется сторону, то впередъ устремится, то обратится назадъ, и всякой разъ, мимо ли его несется, или навстрѣчу ему скачетъ, сильными поражаетъ его ударами. Сколько можетъ пылать гнѣвомъ за прежнее и новое оскорбленіе, и сколько есть

въ немъ искусшва и силы, все шо на пагубу Черкеса въ себѣ соединяешъ, и съ нимъ небо и щасшіе согласуюшся.

Тошъ же, самъ на себя надежный, и въ крѣпкіе доспѣхи облеченный, прошивишся ударамъ и ничего не сшрашишся. Тако великій въ бурномъ морѣ безъ кормила корабль, съ преломленными райнами и раздранными парусами, имѣя сліянныя изъ шолсшыхъ досокъ ребра, не даешъ водѣ въ себя проникнушь, борешся съ свирѣпыми волнами, и не ошчаяваешся еще преодолѣшь ихъ.

Въ шакой опасносши находился Арганшъ, когда Вельзевулъ приняль намѣреніе подашь ему помощь. Онъ изъ шонкой и легкой шѣни облака (чудесное привидѣніе!) сосшавляешъ человѣческій образъ, подобный видомъ и богашыми блисшающими оружіями гордой Клориндѣ, даешъ ему и рѣчь ея и голосъ и посшупь.

Сей призракъ идешъ къ знаменишому сшрѣломешашелю Орадину, и вѣщаешъ ему: о славный Орадинъ, шы всегда шоль мѣшко кидающій сшрѣлы въ цѣль! какая жалосшь, есшьли мужъ шолико досшойный, избавишель Іудеи, шако умрешъ, и украшенный доспѣхами его непріяшель возврашишся съ шоржесшвомъ въ сшанъ свой!

Покажи опытъ твоего искусства и омочи стрѣлу въ крови презрѣннаго Француза: сверхъ вѣчной отъ того славы, ты отъ Царя за великую услугу свою получишь равное тому воздаяніе. Тако рекъ; сей не усумнился, и какъ скоро услышалъ обѣщаніе, вынимаетъ изъ тяжелаго тула острую стрѣлу, кладетъ ее посрединѣ лука и напрягаетъ оный.

Натянутая тетива спускается и ударенная ею пернатая стрѣла летитъ свистя по воздуху. Она приносится въ то самое мѣсто, гдѣ поясъ стянутъ пряжкою, разрываетъ оный, пронзаетъ броню, и едва омоченная кровію, пробивъ токмо кожу, останавливается: небесный посолъ, отнявъ у нее силу, не попустилъ ей далѣе пронестися.

Графъ Тулузскій извлекаетъ изъ брони стрѣлу, и увидя истекающую изъ раны своей кровь, грозными глаголами упрекаетъ нечестиваго врага за несоблюденіе вѣрности. Верховный Вождь, не спускавшій очей съ любимаго имъ Раимонда, зритъ, что условіе нарушено, и почитая рану его опасною, страшится и воздыхаетъ.

Онъ и гласомъ и помаваніемъ главы ободряетъ храбрыхъ воиновъ своихъ къ отмщенію: мгновенно забрала шлемовъ опускаются, конскія бразды послабляются, копія подъемлются, и оба воинства съ той

и съ другой страны во единое время приходятъ въ движеніе: исчезаетъ поле единоборства, и поднявшаяся густыми облаками пыль носится надъ онымъ.

При первой встрѣчѣ страшные раздаются крики; древки копій преломленныя, щиты и шлемы раздробленные, повсюду созерцаются. Тамъ валяется конь, тамъ другой скачетъ безъ управляющаго имъ всадника; индѣ лежитъ мертвый воинъ, индѣ умирающій стонетъ и воздыхаетъ. Жестокая происходитъ битва, и чѣмъ гуще стѣсняется, тѣмъ яростнѣе и кровопролитнѣе становится.

Скорый Аргантъ врывается въ средину, и отнявъ у воина желѣзную булаву машетъ ею, разитъ сгустившіяся окрестъ себя толпы, и отверзая сквозь нихъ широкую себѣ улицу, ищетъ Раимонда, на него единаго кипитъ всѣмъ своимъ гнѣвомъ, и хочетъ, подобно жадному волку, растерзать утробу его и въ ней утолить гладъ свой.

Но трудно ему до сего достигнуть; великіе на пути предстоятъ преграды: тамъ встрѣчаются съ нимъ Орманъ, Рогеръ, Гвидъ, и оба Герарда. Однакожъ онъ не останавливается, не утомляется отъ битвы, но чѣмъ больше стѣсненъ сими витязями, тѣмъ больше возгарается лютостію, раздвигаетъ ихъ, и страшную наноситъ пагубу.

Убиваетъ Ормана, уязвляетъ Гвида, разитъ Рогера, и едва дышущаго повергаетъ его между мертвыми. Но число ратующихъ противъ него воиновъ отчасу болѣе умножается и густѣетъ. Между тѣмъ, какъ онъ одинъ подкрѣпляетъ войска свои и содержитъ брань въ равновѣсіи, Готфридъ зоветъ къ себѣ брата своего Бальдуина и вѣщаетъ ему: теперь ступай съ своимъ полкомъ.

Несись туда, гдѣ битва смертоноснѣе, и напади на лѣвое крыло. Бальдуинъ несется, и съ такимъ стремленіемъ нападаетъ на Азіятскіе полки, что кажется у нихъ нѣтъ ни рукъ, ни мечей: не могутъ устоять противъ сильнаго напора Франковъ, кои смѣшавъ и приведя ихъ въ разстройство, рубятъ и разсѣкаютъ вмѣстѣ и коней и знамена и всадниковъ.

Съ таковою же быстротою обращаютъ они въ бѣгство и правое крыло. Нѣтъ никого, кромѣ Арганта, кто бы дерзнулъ защищаться: бѣгутъ, гонимые страхомъ, во всю конскую прыть. Онъ одинъ останавливается и чело свое выставляетъ. Никто бы не могъ больше его упорствовать и обороняться, хотя бы имѣлъ сто рукъ съ пятьюдесятью щитами и мечами.

Онъ и мечей и палицъ и копій удары, и сильные быстрыхъ коней напоры удер-

живаетъ, и то единаго, то другаго отражаетъ, и кажется одинъ противу всѣхъ стоять можетъ. Весь израненъ, оружія его избиты, изломаны, потъ съ него катится градомъ: онъ ничего не чувствуетъ. Но бѣгущій народъ такъ напослѣдокъ вокругъ него стѣснился, что насильно повлекъ его за собою.

Несомый быстриною сего потока, по неволѣ долженъ онъ былъ обратить хребетъ свой; но поступь и сердце его (естьли можно по дѣламъ судить о сердцѣ) не показывали въ немъ бѣглеца: сверкающія очи его наводили еще тотъ же ужасъ, и въ угрозахъ его кипѣлъ еще тотъ же гнѣвъ. Онъ употреблялъ всѣ способы остановить бѣгущія толпы, но тщетно.

Вся неустрашимость его, и всѣ ободренія, не могутъ побудить ни къ малѣйшему уменьшенію бѣгства, или по крайней мѣрѣ къ соблюденію нѣкоего порядка: страхъ не знаетъ ни искуства, ни воздержанія. Благочестивый Готфридъ, видя щастіе совершенно благопріятствующимъ его желанію, не упускаетъ пользоваться побѣдою, и посылаетъ къ побѣдителямъ новую помощь.

Естьли бы въ вѣчной книгѣ божескихъ судебъ не написанъ былъ день паденія Іерусалима, то можетъ быть въ сей день непобѣдимое Христіянское воинство достигло

бы до конца великихъ своихъ трудовъ. Но адская сила, видя въ семъ сраженіи власть свою погибающею, по данному ей на то попущенію, въ одно мгновеніе покрываетъ воздухъ облаками и воздвигаетъ вѣтръ.

Густая мгла отъемлетъ отъ очей смертныхъ и день и солнце; ревутъ громы, и черное небо, горя и блистая молніями, кажется ужаснѣйшимъ самаго ада. Крупный дождь, лiясь вмѣстѣ съ сыплющимся градомъ, побиваетъ жатвы и потопляетъ поля. Страшная буря рветъ вѣтви, и кажется не токмо дубы, но и скалы и горы потрясаетъ.

Вода и ледъ и вѣтръ съ великою силою ударяютъ прямо въ глаза Франкамъ, и нѣкая могущественная рука, приводя ихъ въ ужасъ, останавливаетъ полки. Малая часть ихъ остается при знаменахъ, едва зримыхъ ими. Клоринда, недалеко оттолѣ стоявшая, желая симъ случаемъ воспользоваться, побуждаетъ коня своего и скачетъ:

За насъ, вопіетъ она своимъ, за насъ, товарищи, вступается небо, и помогаетъ правдѣ: лица наши отъ гнѣва его не страдаютъ, и десница свободна. Оно поражаетъ токмо чело устрашенныхъ враговъ нашихъ, вырываетъ изъ рукъ у нихъ оружіе и лишаетъ ихъ свѣта. Пойдемъ судьба намъ Вождь.

Они, ободренные сими словами, обращаются спиною къ воздвигнутой адомъ непо-

годѣ, и Клоринда, послѣдуемая ими, нападаетъ съ ужасною лютостію на Франковъ, смѣясь безсильной ихъ оборонѣ. Аргантъ въ тожъ время, обратя коня своего наступаетъ на побѣдителей и сильно поражаетъ ихъ. Они, оставя поле сраженія, скачутъ изъ всей силы и несутъ на хребтѣ своемъ бурю и мечи.

На обращенныя рамена ихъ ниспадаетъ и гнѣвъ стихій, и гнѣвъ людей: потоки крови, смѣсясь съ потоками дождя, льются и обагряютъ путь. Между множествомъ убитыхъ и раненыхъ, Пирръ и благій Рудольфъ упадаютъ мертвы; единаго изъ нихъ поразилъ Аргантъ, другаго Клориндина низвергнула рука.

Тако бѣгутъ Франки, гонимые и Сирскими и адскими силами. Единый Готфридъ, обращая противъ оружія, противъ бурь, града и громовъ неустрашимое чело, разъѣзжаетъ съ твердымъ духомъ на высокомъ конѣ своемъ, ободряетъ и собираетъ разсѣянныхъ въ долину предъ станомъ.

Дважды устремлялся онъ на свирѣпаго Арганта и удерживалъ быстроту стопъ его, и дважды съ обнаженнымъ мечемъ кидался на груды непріятельскія и разгонялъ ихъ. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими, укрылся въ окопахъ, и побѣда престала. Срацины

возвратились въ градъ свой, Франки же усталые и смятенные остались въ станѣ.

Но и тутъ не могли еще отъ силы и ярости бури совершенно защититься: разложенные огни то тамъ, то индѣ гаснутъ; вода повсюду проникаетъ; вѣтръ воетъ, раздираетъ парусину, вырываетъ колья, и цѣлыя палатки свернувъ катитъ далеко. Дождь, вѣтръ, крикъ, громъ, соединяютъ гулы свои, ревутъ, и оглушаютъ всѣхъ.

Конецъ седмой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь осмая.

Умолкли громы и бури, югъ и сѣверозападъ престали свистѣть, и румяная на небѣ заря появилась со злашыми ногами и розовымъ челомъ. Но тѣ, кои навели тучи и вихри, не престали отъ злобныхъ своихъ умысловъ. Единъ изъ нихъ, именемъ Астагорръ, тако вѣщаетъ товарищу своему Алектѣ:

Зри Алекта, се приходитъ (чѣму воспрепятствовать мы не можемъ) воинъ, исшедшій живъ изъ убійственныхъ рукъ главнѣйшаго защитника нашей державы. Сей, повѣствуя Франкамъ о пагубномъ приключеніи, постигшемъ Князя его и товарищей, откроетъ великія вещи, по коимъ опасно, чтобъ сынъ Бертольдовъ не былъ обратно призванъ.

Ты знаешь, какія важныя могутъ изъ того выдти послѣдствія, и что великимъ начинаніямъ надлежитъ заблаговременно противупоставлять силу и хитрость. И такъ иди къ Франкамъ, и все то, что воинъ сей на пользу имъ скажетъ, преобрати во вредъ.

Влей ядъ и пламя въ жилы Латинцевъ, Гельветянъ и Британцевъ; воздвигни между ими распри и мятежи; сотвори, да истребятся они единъ другимъ до последняго.

Дѣло достойное тебя; ты нѣкогда съ благородною величавостію похвалялся тѣмъ предъ владыкою нашимъ. Тако рекъ ему; и сего было довольно, дабы поощрить лютое чудовище сіе къ воспріятію на себя сего намѣренія. Между тѣмъ упомянутый нами воинъ приходитъ въ станъ Христіянскій, и съ покорностію проситъ, да представленъ будетъ верховному Вождю.

Многіе препровождаютъ его туда, въ чаяніи услышать отъ пришельца сего нѣкія новости. Онъ, преклоня колѣно и облобызавъ почтенную десницу, приводящую въ трепетъ Вавилонъ, тако рекъ: Государь! слава твоя простирается до Океяна и небесъ; желалъ бы я придти къ тебѣ не печальнымъ, но радостнымъ вѣстникомъ. Тутъ воздохнулъ онъ, и потомъ продолжалъ.

Звенонъ, Датскаго Царя единородный сынъ, слава и подпора упадающаго Царства, восхотѣлъ присоединиться къ числу ополченныхъ за вѣру подъ начальствомъ твоимъ воиновъ. Ни страхъ предстоящихъ трудовъ и опасностей, ни вожделѣніе Царствовать, ни прозьбы престарѣлаго роди-

теля, не могли въ твердой груди его поколебать сихъ великодушныхъ чувствъ.

Онъ побуждался желаніемъ отъ тебя, великаго полководца, научиться трудному и тяжелому искуству предводительствовать войсками; и отчасти стыдомъ и укоризною самаго себя, что провождаетъ жизнь неукрашенную никакими знаменитыми подвигами, тогда какъ имя и слава юнаго Ринальда гремитъ повсюду; всего же болѣе не земною плѣнялся честію, но горѣлъ усердіемъ къ вѣрѣ и небесамъ.

По симъ внушеніямъ отваженъ и смѣлъ немедленно собираетъ онъ знатное число избранныхъ себѣ сопутниковъ, и прямо во Ѳракійскую столицу направляетъ путь свой. Здѣсь Греческій Царь принялъ его въ свой домъ, и сюда отъ имени твоего прибылъ посолъ. Сей возвѣстилъ ему, какимъ образомъ Антіохія была взята, и какъ потомъ оборонена.

Оборонена отъ Персіянъ, въ такомъ великомъ числѣ осадившихъ васъ, что казалось въ обширномъ Царствѣ семъ не оставалось болѣе ни жителя, ни оружія. Раскалалъ о тебѣ и о нѣкоторыхъ другихъ; когда же дошелъ до Ринальда, то при имени его остановился, распространясь повѣствованіемъ о смѣлой предпріимчивости, съ какою оставилъ онъ домъ свой, и о томъ,

какими послѣ того отличилъ себя храбрыми и славными дѣлами.

Присовокупилъ къ тому, что Франки готовы уже приступить къ осадѣ вратъ Іерусалимскихъ, и приглашалъ Царевича, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ въ послѣдней побѣдѣ былъ съ ними соучастникомъ. Рѣчь сія возбудила такое пылкое въ младомъ и храбромъ Звенонѣ желаніе, что онъ горѣлъ нетерпѣливостію извлечь оружіе противъ Магометанъ, и руки свои обагрить ихъ кровію.

Казалось, что онъ, слыша славу другихъ, упрекалъ себя безславіемъ и снѣдался стыдомъ. Всѣхъ, кто совѣтами или прозьбами хотѣлъ обуздать его поспѣшность, онъ или не слушалъ или не слушался. Никакой опасности не страшился, кромѣ той, что не раздѣлитъ съ тобою твоей опасности и славы: сія единая казалась ему всѣхъ превосходнѣйшею; о другихъ онъ или не думалъ или не уважалъ ихъ.

Онъ самъ судьбу свою ускоряетъ; спѣшитъ и насъ влечетъ за собою; ибо едва дождавшись первыхъ солнечныхъ лучей, немедленно выступаетъ, почитая лучшимъ путемъ кратчайшій. Мы, повинуясь волѣ его, яко начальника и предводителя, не отвращаемъ стопъ своихъ ни отъ труд-

ныхъ переходовъ, ни отъ земель, исполненныхъ злобствующими противъ насъ врагами.

Индѣ гладъ терпимъ, индѣ непроходимыми идемъ путями, индѣ явную силу, индѣ тайные ковы встрѣчаемъ; но всѣ сіи препятствія мы преодолѣли, и непріятели наши или побиты или прогнаны были. Непрестанныя побѣды содѣлали насъ безбоязненными и никакихъ бѣдствій не опасающимися, какъ во единъ день остановились мы въ окопахъ недалеко отъ предѣловъ Палестинскихъ.

Здѣсь отъ передовой стражи нашей увѣдомились мы, что слышанъ великій стукъ оружій, и по всѣмъ признакамъ видно, что безчисленное воинство находится близко насъ. Хотя многіе отъ сего незапнаго извѣстія смутились и поблѣднѣли; но мужественный Вождь нашъ ни мысли, ни вида, ни цвѣта въ лицѣ, ни голоса не измѣняя, тако вѣщаетъ:

О какъ любо слышать о толь близкомъ вѣнцѣ мученія или побѣды! послѣдній надѣюсь я пріобрѣсть, но перваго не меньше желаю; въ немъ больше достоинства и равная слава. Поле сіе, о други, гдѣ мы теперь стоимъ, да будетъ священнымъ безсмертной памяти нашей храмомъ, въ коемъ будущіе вѣки станутъ указывать на торжественныя дѣла наши, или на гробы.

Тако вѣщая, войски учреждаетъ, и должности и труды каждому распредѣляетъ. Велитъ всѣмъ быть вооруженными, и самъ доспѣховъ своихъ не снимаетъ. Насталъ часъ ночи, когда глубокій сонъ и безмолвіе царствуютъ, тогда вдругъ услышали мы дикіе и громкіе, до небесъ и пропастей земныхъ раздавшіеся вопли.

Къ оружію! къ оружію! воскликнули мы, и Звенонъ первый съ мечемъ своимъ выступилъ въ передъ, являя во взорахъ и въ лицѣ своемъ благородную твердость и мужество. Се непріятели отовсюду густыми рядами стремятся къ намъ; лѣсъ копій и мечей растетъ во кругъ насъ, и стрѣлы, какъ изъ тучи градъ, сыплются на главы наши.

Въ неравной битвѣ (ибо число враговъ было двадесять кратъ превосходнѣе нашего) многіе изъ насъ иные ранены, иные убиты были не зримыми въ ночной темнотѣ ударами. Но числа убитыхъ и раненыхъ никто во мракѣ ни знать, ни видѣть немогъ: ночь подъ черными крилами своими сокрывала вмѣстѣ и храбрыя дѣла и погибель нашу.

Звенонъ однакожъ такъ между всѣми возвышалъ чело свое, что всякъ удобно могъ его примѣчать, и подвиги и силу его чрезвычайную видѣть и во мракѣ. Груды тѣлъ, и рѣки текущей крови, повсюду со-

ставляли предъ нимъ и валъ и ровъ: куда ни обращался, вездѣ несъ ужасъ въ очахъ и смерть въ рукѣ.

Тако продолжалось сраженіе, доколѣ заря на небѣ стала заниматься: тогда желанный лучъ, разгнавъ ужасъ ночи, сокрывавшей въ себѣ ужасы смерти, поразилъ сердца и взоры наши лютѣйшимъ страхомъ и печалію: поле покрыто было бездушными тѣлами, и всѣ наши воины лежали предъ очами нашими мертвые.

Изъ двухъ тысячъ насъ осталось только сто. Когда Вождь нашъ узрѣлъ толикое число убитыхъ, и толь ужасное пролитіе крови, не знаю возмутилось ли при толь плачевномъ зрѣлищѣ сердце его твердокаменное, но онъ того не показалъ: напротивъ, возвыся голосъ рекъ: пойдемъ, друзья, за сими доблими товарищами, показавшими намъ кровію своею высокій путь на небо, далеко отъ преисподней бездны.

Вѣщалъ, и съ такою же, мню, о близкой смерти радостію въ сердцѣ, съ какою и въ лицѣ, понесъ противъ оружія враговъ грудь свою безтрепетную и непоколебимую. Никакой шлемъ или броня, хотя бы составлены были изъ крѣпчайшаго вещества, чѣмъ булатъ и желѣзо, не могли бы устоять противъ силы его ударовъ. Но подвергаясь не-

смѣшнымъ пораженіямъ, напослѣдокъ на тѣлѣ его не было мѣста, уцѣлѣвшаго отъ язвъ.

Ужѐ не жизнь, но одна токмо храбрость, подкрѣпляла сего мертвеца яростнаго, непреодолимаго: разимый разитъ, и чѣмъ больше уязвленъ, тѣмъ больше уязвляетъ. Наконецъ наступаетъ на него необычайнаго роста, лютый зракомъ Исполинъ, и по долгой, сомнительной борьбѣ, съ помощію многихъ, повергаетъ его на землю.

Палъ непобѣдимый юноша, о горе! и нѣтъ никого между нами, кто бы отмстить за него могъ. Тобою свидѣтельствуюся, костями твоими и пролитою толь славно кровію, о дражайшій Царя моего сынъ, щадилъ ли я тогда жизнь свою, убѣгалъ ли отъ тучи подъятыхъ на меня мечей, и естьлибъ свыше суждено мнѣ было умереть, то по дѣламъ моимъ я былъ того достоинъ.

Между убитыми товарищами я одинъ упалъ живой. Никто не считалъ меня дышущимъ, и самъ я ничего о непріятеляхъ не помню: въ толикой всѣ чувства мои были онемѣлости. Когда же глаза мои, какъ бы въ густомъ нѣкоемъ туманѣ, прозрѣть могли, тогда показалось мнѣ, что была ночь, и слабымъ взорамъ моимъ представлялся малый мелькающій вдали огонь.

Не оставалось во мнѣ столько жизненныхъ силъ, чтобъ въ скорости могъ я раз-

личать предметы, но видѣлъ ихъ подобно тому, кто между сномъ и бдѣніемъ то отверзаетъ, то смыкаетъ очи. Ночная сырость и хладъ и лежаніе на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, растравили раны мои, и жестокая боль ихъ начала умножаться.

Между тѣмъ огонь, и съ нимъ вмѣстѣ нѣкій шопотъ, отчасу ближе ко мнѣ становились, такъ что напослѣдокъ очутились подлѣ меня. Тогда возвожу я слабые взоры, вижу двухъ въ длинномъ одѣяніи мужей, держащихъ свѣтильники, и слышу вѣщающій ко мнѣ гласъ: чадо, возложи упованіе на Бога, милующаго благочестивыхъ и предупреждающаго ихъ молитвы.

Тако вѣщая простеръ ко мнѣ благословляющую меня десницу, и гласомъ благоговѣйнымъ и тихимъ произнесъ нѣкія слова, коихъ я тогда ни слышать, ни разумѣть не могъ. Возстани, рекъ потомъ, и я возстаю легокъ и здравъ, не чувствуя, о чудо! никакой болѣзни. Даже ощутилъ я въ членахъ моихъ нѣкую новую силу и бодрость.

Удивленный смотрю на него и въ крайнемъ недоумѣніи едва случившемуся со мною вѣрю. Человѣче маловѣрный, рекъ онъ мнѣ, почто сомнѣваешься? почто суетными колеблешься мыслями? ты воистинну видишь въ насъ людей тою же, какъ и ты плотію облеченныхъ: мы раби Іисуса Христа, от-

рекшіеся отъ мирскихъ прелестей, и здѣсь въ дикихъ и пустыхъ мѣстахъ обитающіе.

Насъ для спасенія твоего избралъ сей вездѣсый и повсюду Царствующій Владыка, емуже часто ничтожнѣйшими средствами высокая и чудесная творити угодно. Онъ не менѣе такожде благоизволяетъ, да не останется непогребеннымъ тѣло, въ коемъ обитала толь благородная душа, и съ которымъ она, ставъ чистою, лучезарною и безсмертною, паки соединиться долженствуетъ.

Я говорю о тѣлѣ Звеноновомъ, кое да погребется съ честію, толикой храбрости приличною. На гробъ его станутъ съ почтеніемъ смотрѣть и указывать потомки будущихъ вѣковъ. Но возведи очи на усыпанное звѣздами небо, и виждь сіе подобное солнечному сіяніе: лучи его свѣтлые приведутъ тебя на мѣсто, гдѣ лежитъ тѣло твоего великосердаго Вождя.

Тогда узрѣлъ я, что отъ сего прекраснаго сіянія, или паче отъ ночнаго солнца, исходитъ лучъ, который, подобно проведенной кистію златой чертѣ, прямо туда, гдѣ почиваетъ тѣло великаго нашего полководца, низпускается, и такой проливаетъ на него свѣтъ, что всякая рана его, облистанная имъ, сама блистаетъ, и я тот-

часъ познаю его между всѣми поверженными окрестъ его кровавыми трупами.

Онъ лежалъ не чревомъ простертый на землю, но какъ желанія его всегда устремлялись къ звѣздамъ, то и лице его обращено было прямо къ небу, въ видѣ человѣка, помышляющаго вознестись на оное. Въ десницѣ своей, сжатой, держалъ онъ, какъ бы еще угрожающій пораженіемъ мечъ; шуйца же его, возлежащая на персяхъ, являла видъ, аки бы съ благоговѣйнымъ умиленіемъ просилъ онъ у Творца прощенія.

Между тѣмъ какъ я раны его слезами моими омываю, ни мало не облегчая ими душевной моей горести, святый отецъ разверзаетъ сжатую десницу его, и вынявъ изъ ней держимый ею мечъ, возми, вѣщаетъ мнѣ, сіе желѣзо, толико вражеской крови пролившее и еще ею обагренное; ты знаешь изящество сего меча, и то, что можетъ быть нѣтъ другаго превосходнѣйшаго.

Когда неумолимая смерть отняла ужѐ оный у перваго имъ обладателя, то небесамъ угодно, да не останется онъ здѣсь празденъ, но прейдетъ изъ крѣпкой въ крѣпкую руку того, кто съ равнымъ искуствомъ и силою, но долговременнѣе и счастливѣе владѣть имъ будетъ, и отмститъ пораженіемъ за смерть Звенонову.

Солиманъ убилъ Звенона, и Солиманъ

долженъ мечемъ симъ быть убитъ. И такъ возми его, иди въ Христіянское воинство, облежащее высокія стѣны Іерусалима; не опасайся, чтобъ шествію твоему въ странахъ чуждыхъ кто либо воспрепятствовать могъ: сильная десница, посылающая тебя туда, не дастъ никому на пути твоемъ поставить преграду.

Богу, сохранившему въ тебѣ гласъ твой, угодно, да онымъ возвѣстишь ты о благочестіи, храбрости и непоколебимомъ мужествѣ, зримомъ тобою, въ достопочтенномъ твоемъ Вождѣ, дабы примѣръ сей возбудилъ всѣхъ другихъ къ ревностному поборанію по животворящемъ крестѣ, и не токмо нынѣ, но и по протеченіи многихъ лѣтъ, воспламенялъ въ душахъ ихъ бодрость и усердіе.

Остается тебѣ узнать, кто есть тотъ, кому мечъ сей долженъ достаться въ наслѣдство. Сей есть Ринальдъ, юноша силою и крѣпостію всѣхъ другихъ превышающій. Отдай ему оный, и скажи, что отъ него небо и земля ожидаютъ мщенія. Между тѣмъ какъ я отъ святаго отца рѣчь сію внимаю, вдругъ поражаюсь новымъ чудомъ.

Вижу тамъ, гдѣ лежитъ Царевичъ, внезапно воздвигшуюся великолѣпную гробницу, не извѣстно мнѣ какимъ образомъ и

средствомъ восходя пріявшую въ себя тѣло его. На ней, въ краткихъ словахъ, начертаны были имя и доблести усопшаго витязя. Я не могъ насытить взоровъ своихъ, смотря то на изсѣченныя письмена, то на мраморъ.

Здѣсь, рекъ старецъ, посредѣ вѣрныхъ друзей своихъ, будетъ покоиться прахъ твоего Вождя, между тѣмъ какъ любимая небесами душа его станетъ въ горнихъ селеніяхъ наслаждаться вѣчною славою и блаженствомъ. Но ты слезами своими воздалъ уже ему послѣдній долгъ. Время тебѣ опочить. Пребудь въ домѣ моемъ, доколѣ утренніе лучи не позовутъ тебя въ путь.

Сказавъ сіе повелъ меня индѣ по крутымъ, индѣ по толь низкимъ мѣстамъ, что я насилу могъ за нимъ идти. Мы пришли къ дикой, утесистой скалѣ, вмѣщающей въ себѣ глубокую пещеру. Тутъ была его обитель. Здѣсь съ ученикомъ своимъ жилъ онъ между волками и медвѣдями безопасно; ибо святая и безпорочная жизнь, лучше, нежели щитъ и броня, защищаетъ нагую грудь.

Простая сельская пища утолила гладъ мой, и на грубомъ ложѣ утомленные члены мои отдохнули. Но какъ скоро солнце на востокѣ блеснуло златыми своими лучами, оба пустынника, спѣшащіе на молитвенное пѣснопѣніе, возстали, и я съ ними проснул-

ся. Посемъ простился я съ святымъ старцемъ, и по совѣту его стопы мои направилъ.

Тутъ умолкъ Датчанинъ, и благочестивый Готфридъ ему отвѣтствовалъ: о воинъ! ты принесъ намъ горестную и плачевную вѣсть, о коей мы имѣемъ истинную причину сокрушаться; ибо толь храбрыхъ и союзныхъ съ нами войскъ во единъ краткій часъ мы лишились, и малая часть земли сокрыла ихъ отъ очей нашихъ. Царевичъ твой вдругъ, какъ молнія, возблисталъ и погасъ.

Но что? конецъ такой и смерть несравненно благополучнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе земель и злата. Древній Капитолій не покажетъ примѣра толь славно снисканнымъ лаврамъ. Мужественный сихъ воиновъ подвигъ въ лучезарномъ храмѣ небесъ безсмертнымъ украшенъ вѣнцемъ. Тамо, мню, на почтенныя раны Князя твоего всякъ любуется и съ удивленіемъ на нихъ указываетъ.

Ты же, оставшійся еще на свѣтѣ для новыхъ трудовъ и ратоборствъ, ты долженъ радоваться ихъ торжеству, и являть, поколику приличествуетъ, въ очахъ твоихъ веселіе. Ты вопрошаешь о сынѣ Бертольдовомъ; знай, что онъ странствуетъ отсутственъ отъ войскъ. Я не совѣтую

тебѣ пускаться его искать, доколѣ не получимъ о немъ вѣрнаго извѣстія.

Сей разговоръ ихъ въ умахъ многихъ возбудилъ новую привязанность къ Ринальду и новое о немъ сожалѣніе. Ахъ! вопіяли иные, сей юный воинъ скитается теперь между нечестивыми народами! Другіе же, почти всѣ, на перерывъ расказывали о немъ Датскому пришельцу, и съ восторгомъ и удивленіемъ повѣствовали о безчисленномъ множествѣ славныхъ дѣлъ его и подвиговъ.

Въ то время, когда воспоминаніе о немъ расположило къ нему сердца всѣхъ любовію и жалостію, возвратились многіе ратники, которые по обыкновенію посыланы были для добычи по окрестнымъ странамъ съѣстныхъ припасовъ. Они пригнали много быковъ и овецъ, привезли нѣсколько ржи, и довольное количество сѣна для прокормленія гладныхъ коней.

Они принесли съ собою явный по наружности признакъ великаго случившагося нещастія: изрубленные во многихъ мѣстахъ и окровавленные доспѣхи Ринальдовы. Тотчасъ распространились (и какъ можно было сему утаиться?) различные невѣрные о томъ слухи. Всѣ бѣжали узнать о сей печальной новости и собственными глазами своими увидѣть принесенные доспѣхи.

Видятъ и познаютъ ихъ по огромной

тяжести, по сверкающему отъ нихъ блеску, по орлу на нихъ изображенному, пріучающему птенцевъ своихъ парить къ солнцу, но еще на слабыя перья ихъ не надежному. Видятъ сіи орудія, обыкновенно въ великихъ предпріятіяхъ Ринальдомъ употребляемыя, и не могутъ, зря ихъ изломанныхъ и окровавленныхъ, смотрѣть на то безъ крайней жалости и гнѣва.

Между тѣмъ какъ войско ропщетъ и о причинѣ смерти его различно толкуетъ, благочестивый Готфридъ зоветъ къ себѣ Алипранда, начальника отряда, посыланнаго за добычею, человѣка честнаго, правдиваго и чистосердечнаго, и вѣщаетъ ему: скажи, какъ и откolѣ взялъ ты сіи доспѣхи? не скрой отъ меня ничего, ни добраго ни худаго.

Сей отвѣтствуетъ ему: на пути къ Газѣ, въ такомъ разстояніи отселѣ, какое въ два дни протекаетъ гонецъ, находится, въ сторону отъ дороги, малая, лежащая между холмами долина. Въ ней, съ высоты холма, падаетъ рѣчка, текущая тихо между кустами. Долина сія окруженная густыми деревьями и частымъ кустарникомъ весьма удобна для сокрытія въ ней тайныхъ умысловъ.

Мы пришли искать, нѣтъ ли здѣсь стадъ, пасущихся на злачныхъ берегахъ рѣчки, и внезапно увидѣли лежащаго на обагренной

кровію траве мертваго воина. Все мы при воззреніи на оружія и доспехи его оцепенели; ибо, не взирая на покрывавшую ихъ пыль и кровь, узнали оныя. Я приближился, чтобъ взглянуть на лице его, но нашелъ трупъ сей обезглавленнымъ.

Правая рука была у него также отсечена, и плотное туловище во многихъ местахъ отъ хребта сквозь грудь исколото. Недалеко отъ него съ Орломъ, распустившимъ белыя крылья свои, лежалъ поверженный шлемъ. Въ то время, какъ мы нечто обстоятельнее узнать о семъ хотимъ, приходитъ поселянинъ, который тотчасъ, увидя насъ, обратилъ стопы свои назадъ.

Но мы догнали его, и онъ на вопросы наши ответствовалъ, что за сутки предъ нами виделъ онъ многихъ исшедшихъ изъ леса воиновъ, отъ коихъ онъ скрылся; и что одинъ изъ нихъ держалъ за белокурые власы отрубленную главу, снятую, по примечанію его, съ плечъ юнаго человека, не имевшаго еще брады.

Что вскоре потомъ тотъ же самый воинъ положилъ сію главу въ привязанный къ седлу мешокъ. Поселянинъ сей присовокупилъ еще, что по одежде были то наши воины. Я разоблачилъ трупъ, и возмущенный подозреніемъ горько надъ нимъ рыдалъ,

по семъ взялъ съ собою оружія, и предоставилъ тѣло сіе съ честію предать землѣ.

Но ежели трупъ сей есть того, о комъ я думаю, инаго гроба, иныхъ высокихъ почестей онъ достоинъ. Тако рекъ Алипрандъ, и какъ ничего достовѣрнѣйшаго сказать болѣе не могъ, то и отпущенъ былъ. Готфридъ остался задумчивъ и воздыхающъ; однакожъ не при однѣхъ печальныхъ мысляхъ своихъ пребываетъ, но хочетъ яснѣе узнать о семъ обезглавленномъ трупѣ, и кто были злодѣи убійцы его.

Между тѣмъ ночь взошла и простерла крылья свои по пространному своду небесъ, и сонъ, успокоеніе душъ, забвеніе золъ, лаская усыпилъ заботы и чувства. Ты единый, Аргиланъ, острыми стрѣлами грусти уязвленный, вращаешь въ умѣ своемъ великіе замыслы. Не могутъ, ни грудь твоя смущенная успокоиться, ни очи твои бдящія предаться сладости сна.

Аргиланъ дерзкій рукою, смѣлый языкомъ, вспыльчивый и крутый нравомъ, родился на брегахъ рѣки Тронты, воспитанъ и возросъ посредѣ междоусобныхъ браней, сваръ и раздоровъ. Изгнанный потомъ изъ отечества ополчился онъ противъ него и обагрилъ холмы и брега его кровію, доколѣ пришелъ воевать въ Азію и лучшими прежнихъ подвигами сталъ славенъ.

Напослѣдокъ, на утренней зарѣ, сомкнулъ онъ глаза; сонъ его былъ не тихое и мирное успокоеніе; но нѣкое подобное смерти глубокое и тяжкое, Алектою вліянное въ сердце его забытіе. Внутреннія силы его омраченныя волновались, не вкушая и во снѣ покоя: лютая фурія, мечтавшаяся ему въ ужасныхъ видахъ, приводила его въ содроганіе.

Она являлась ему въ образѣ обезглавленнаго съ усѣченною десницею великаго туловища, держащаго въ шуйцѣ отрубленную, блѣдную, кровоточащую главу. Сей мертвый образъ дышетъ и говоритъ, и вмѣстѣ съ дыханіемъ стонъ и кровь изливая, вопіетъ: бѣги, Аргиланъ, сокройся отселѣ, бѣги изъ преступнаго стана и отъ злобнаго Вождя.

Кто отъ коварства и лютости Готфридовой, убившей меня, оградитъ васъ, любезные друзья? злодѣй снѣдается завистію въ сердцѣ своемъ, и только помышляетъ о томъ, какъ бы и васъ послѣ меня погубить. Однакожъ, ежели хочешь ты пріобрѣсть достойную тебя славу, и ежели рука твоя надѣется на свою силу, то не бѣги, нѣтъ: успокой оскорбленный духъ мой пролитіемъ богомерзкой крови сего вѣроломца.

Тѣнь моя будетъ съ тобою; я поведу гнѣвъ твой, и ополчу руку твою и грудь.

Тако вѣщаетъ ему, и вѣщая вдыхаетъ въ него новую ярость. Онъ просыпается, и въ треволненіи чувствъ вращаетъ очи свои, ядомъ и злобою насыщенныя; спѣшитъ, вооруженный, собрать немедленно Италіянскихъ своихъ воиновъ.

Онъ собираетъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ развѣшены были доспѣхи Ринальдовы, и гордымъ гласомъ, но стараясь неумѣренность гнѣва и скорби своей сокрыть подъ мнимою правотою словъ, вѣщаетъ имъ: доколѣ властолюбивый и жестокій народъ, не уважающій ни правды ни закона, алчущій всегда крови и злата, будетъ уста наши востягивать браздами, и на выи наши возлагать яремъ?

То, что чрезъ седмь лѣтъ претерпѣли мы жестокаго и недостойнаго подъ симъ игомъ, есть таково, что отнынѣ чрезъ тысячу лѣтъ не престанетъ Италію и Римъ покрывать стыдомъ и подвизать на гнѣвъ. Умалчиваю о томъ, что Киликіею, покоренною разумомъ и оружіемъ храбраго Танкреда, владѣютъ нынѣ измѣнническимъ образомъ Французы, и что обманъ у достоинства похитилъ награду.

Умалчиваю также, что гдѣ нужно и время требуютъ готовой руки, твердой мысли, смѣлой души, туда во всякомъ случаѣ посылаемся мы сквозь пламень и мечи

на тысячу смертей; а когда въ мирѣ и тишинѣ лавры и добычи раздѣляются, тогда они не наши, но ихъ все, и побѣды, и почести, и земли, и злато.

Долженствовали бы можетъ быть и тогда сіи неслыханныя обиды быть для насъ несносными и тяжкими, но я не говорю о нихъ, какъ о легкихъ; ибо нынѣ новая, безпримѣрная, чрезвычайная лютость содѣлала ихъ легкими: Французы убили Ринальда; они поругались высокими божескими и человѣческими законами: и небо не поражаетъ ихъ громами своими! и земля не поглощаетъ ихъ въ мрачныя свои нѣдра!

Ринальдъ убитъ! Ринальдъ, котораго мечъ былъ щитомъ нашей вѣры. Онъ лежитъ не отмщенъ. Тѣло его, оставленное ими на сырой землѣ, валяется раздранное, непогребенное! вы хотите знать, кто былъ жестокосердый его убійца? ахъ! кому, о товарищи, онъ неизвѣстенъ? кто не знаетъ, колико Готфридъ и Бальдовинъ завидуютъ Латинской храбрости?

Но почто ищу доказательствъ? клянусь небомъ; оно меня слышитъ и обмануть его не можно; клянусь, что на утренней зарѣ, когда разсыпается мракъ ночи, я видѣлъ скитающуюся нещастнаго тѣнь. О какое жалостное и ужасное зрѣлище! какую оно предвѣщаетъ намъ пагубу отъ

Готфридовыхъ ухищреній! Я видѣлъ точно Ринальда, видѣлъ его наяву, и теперь куда ни обращаю очи мои, онъ стоитъ предо мною.

Чтожъ мы предприемемъ? восхотимъ ли, чтобъ рука, толь гнуснымъ убійствомъ оскверненная, еще нами управляла? или пойдемъ далеко отъ ней туда, гдѣ Эвфратъ воды свои разливаетъ, гдѣ онъ для слабосердыхъ народовъ села и грады и плодоносныя поля ихъ напояетъ и угобжаетъ? почто же и не для насъ? Наши будутъ онѣ, надѣюсь, безъ раздѣленія Царства сего съ Франками.

Пойдемъ туда; пусть славная и невинная кровь останется не отмщенною, когда такъ вы думаете; но естьли бы хладная доблесть ваша, какъ должно, воскипѣла, то по истиннѣ надлежало бы ей сію ядовитую змію, угрызшую краснѣйшій цвѣтъ Латинскаго народа, наказать смертію, и пагубою сего чудовища явить другимъ, подобнымъ ему, строгій и достопамятный примѣръ.

Я хочу, естьли бы высокая храбрость ваша осмѣлилась возможное и должное восхотѣть, сегодня же сею рукою моею пронзить гнѣздо измѣнъ, злодѣйское сердце. Тако воспаленный гнѣвомъ вѣщаетъ, и всѣхъ въ бѣшенство и въ ярость свою вовлекаетъ. Къ оружію, разъяренный вопіетъ, и вмѣстѣ съ нимъ гордое юношество, къ оружію, къ оружію, восклицаетъ.

Алекта, вращаясь между ими, вооружаетъ руки ихъ, и вдыхаетъ въ грудь ихъ огнь и ядъ. Гнѣвъ, безуміе, кровожадность отчасу больше въ нихъ растутъ и усиливаются. Ядъ сей, шире и шире разливаясь, простирается за предѣлы Италіянскихъ жилищъ, сообщается Гельветянамъ, тамо распространяется, и оттолѣ до Британскихъ шатровъ достигаетъ.

Не одинъ токмо злощастный случай сей, общее опасеніе породившій, возбуждаетъ въ иностранныхъ войскахъ сихъ негодованіе и ропотъ; но и давныя къ неудовольствію причины получаютъ новую пищу и силу: всякій потухшій гнѣвъ вновь возгарается. Называютъ Француской народъ злымъ, жестокимъ, и ненависть, которую не могутъ болѣе сокрывать, въ страшныхъ изъявляютъ угрозахъ.

Тако въ мѣдномъ котлѣ, отъ пылкости подъ нимъ огня, клокочетъ и кипитъ влага, и не могши въ самой себѣ умѣщаться, напослѣдокъ выступаетъ изъ краевъ сосуда, и пѣнящаяся разливается. Малое число благоразумныхъ мужей не могутъ обуздать народной ярости. Танкреда нѣтъ; Камиллъ, Вильгельмъ и другіе уважаемые витязи отсутственны.

Текутъ стремительно бѣснующіеся народы толпами къ оружію, и уже повсюду

раздаются трубные гласы и мятежные вопли. Многіе притекшіе къ Готфриду вѣстники возвѣщаютъ ему о томъ, и вопіютъ, да немедленно вооружится. Бальдовинъ ополченный предстаетъ предъ него, готовый защищать брата.

Благочестивый Готфридъ, слыша себя обвиняема, возводитъ очи на небо, и, какъ всегда обыкъ, прибѣгая къ Богу речетъ: Господи, ты знаешь, колико душа моя отвращается отъ междоусобнаго пролитія крови; разжени объемлющій умы мракъ, укроти возникшую ярость, и невинность мою, небесами зримую, открой, да узрятъ ее также и ослѣпленные на землѣ люди.

Умолкъ; и нѣкую новую, свыше вліянную, въ жилахъ своихъ почувствовалъ бодрость. Исполненный твердости духа и крѣпкой надежды, на лицѣ его изливающейся, являетъ непоколебимое мужество. Окруженный своими исходитъ къ тѣмъ, кои горятъ мщеніемъ за Ринальда. Ни оружія, ни угрозы ихъ, отъ всѣхъ странъ гремящія, не останавливаютъ стопъ его.

Облаченный въ богатое, великолѣпнѣйшее паче обыкновеннаго одѣяніе, имѣя лице и руки обнаженныя, сіяющъ нѣкіимъ новымъ величіемъ, потрясаетъ онъ златымъ жезломъ своимъ, и симъ единымъ оружіемъ уповая усмирить мятежниковъ, тако

является имъ, и тако, превышающими гласъ смертнаго глаголами, вѣщаетъ имъ:

Какія безумныя угрозы, и какой суетный стукъ оружія слышу я? кто подъялъ оный? тако ли чтутъ меня здѣсь, и тако ли послѣ долговременныхъ опытовъ знаютъ Готфрида, что подозрѣваютъ его въ ухищреніяхъ, обвиняютъ и обвиненіямъ вѣрятъ? не мните ли, что я преклонюсь предъ вами, и стану приносить оправданія и прозьбы?

Ахъ! да не будетъ никогда, чтобъ свѣтъ, именемъ моимъ наполненный, услышалъ нѣкогда толь уничижительную обо мнѣ молву. Меня оправдаютъ сей жезлъ, истина и мои дѣла. Днесь же правосудіе да уступитъ милосердію, и казнь да не постигнетъ преступниковъ: за прежнія заслуги ваши отпускаю вамъ сію вину, и вмѣстѣ съ вами прощаю Ринальда.

Единый Аргиланъ, творецъ сего возмущенія, да омоетъ кровію своею общую погрѣшность. Онъ, подвигнутый слабымъ подозрѣніемъ, вовлекъ другихъ въ свое заблужденіе. Вѣщающу ему тако, на Царскомъ лицѣ его и во взорахъ блистали перуны и молнія величества и чести; самъ Аргиланъ, удивленный и пораженный, страшится, кто бы подумалъ? гнѣвнаго зрака.

Народъ, прежде непочтительный и наглый, испускавшій грозные и оскорбительные гласы, и предводимый яростію, къ мечамъ, копіямъ и къ пламенникамъ руки свои простиравшій, теперь отъ страха и стыда не смѣетъ поднять очей своихъ и гордыя слова слушаетъ и молчитъ, снося съ терпѣливостію повелѣніе, чтобъ Аргиланъ изъ среды окружающихъ его оружій ихъ былъ исторгнутъ и поверженъ въ узы.

Тако левъ, свирѣпый и лютый, ужасную гриву свою съ ревомъ потрясающій, когда увидитъ приставника, при коемъ естественное гордому сердцу его звѣрство укрощается, терпитъ возлагаемое на него поносное иго, и страшится угрозъ и власти: ни космотыми власами своими, ни великими зубами, ни острыми, толикую силу имѣющими когтями, не дерзаетъ возгордиться.

Носится молва, что зримъ былъ съ суровымъ лицемъ, въ грозномъ и ужасающемъ видѣ, крылатый воинъ, державшій щитъ предъ благочестивымъ Готфридомъ, и помававшій обнаженнымъ, молніеносным мечемъ, на коемъ видима была дымящаяся кровь, кровь можетъ быть тѣхъ градовъ и Царствъ, кои навлекли на себя медлительный гнѣвъ небесъ.

Тако утихшу мятежу, всякъ оставляетъ оружіе, и многіе съ оружіемъ отлагаютъ и

зломыслiе. Готфридъ возвращается въ шатеръ свой, и о разныхъ помышляетъ намѣренiяхъ: мнитъ на другой или на третiй день приступить къ Iерусалиму, и ходитъ осматривать срубленный лѣсъ, превращаемый въ огромныя и тяжелыя громады.

Конецъ осьмой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь девятая.

Великое адское чудовище, видя бурныя сердца утихшими и ярость погасшею, и не могши стать противъ судьбы и премѣнить высокихъ, неизмѣнныхъ ея опредѣленій, отлетаетъ. Тамъ, гдѣ оно летитъ, злачныя поля вянутъ и солнце блѣднѣетъ. Несытое бѣдами и скорбями, спѣшитъ на черныхъ крыльяхъ своихъ къ новымъ злотвореніямъ.

Зная, что коварствами сотоварищей его Бертольдовъ сынъ удаленъ отъ Христіянскихъ войскъ, что Танкредъ и другіе сильные и могущественные воины отсутственны, чего болѣе ожидать? вѣщаетъ. Солиманъ да придетъ и нападетъ на нихъ: безсомнѣнія побѣда надъ войсками истощенными и несогласными будетъ одержана.

Тако изрекши летитъ туда, гдѣ Солиманъ скопищами бродящихъ народовъ предводительствуетъ. Солиманъ, самый лютѣйшій богоборецъ, которому не было бы подобнаго и тогда, когда бы земные исполины воздвигли новое противъ небесъ столпо-

твореніе. Онъ царствовалъ надъ Турками. Никея была его столица.

Область его простиралась по морскому берегу отъ Сантары до Меандра, гдѣ обитали Мизійскіе, Фригійскіе, Лидійскіе, Понтійскіе, и Виѳинскіе народы. Но потомъ, когда ополченное противъ Турокъ и другихъ невѣрныхъ Христіянское воинство прошло въ Азію, земли его были завоеваны, и самъ онъ въ двухъ главныхъ сраженіяхъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

Послѣ тщетныхъ покушеній паки возстать, изгнанъ онъ изъ своей державы; и удалился къ Египетскому Царю. Сей принялъ его великодушно и ласково, надѣясь въ толь великомъ воинѣ найти исполнителя своихъ намѣреній; ибо предполагалъ въ завоеваніи Палестины воспрепятствовать Христіянскимъ войскамъ.

Но прежде, нежели открытымъ образомъ объявить имъ войну, хотѣлъ, чтобъ Солиманъ, помощію даннаго ему великаго количества злата, собралъ Аравитянъ. Сей, между тѣмъ, какъ самъ Египетскій Султанъ набиралъ войска въ Азіи и въ Африкѣ, пришелъ и удобно приманилъ къ себѣ привыкшихъ къ корыстолюбію и грабежамъ Аравійскихъ обитателей.

Тако, ставъ вождемъ ихъ, протекаетъ по всѣмъ странамъ Іудею, творитъ набѣги

и похищенія, пресѣкаетъ Франкамъ всякое сообщеніе съ морскимъ берегомъ, и сохраняя всегда въ памяти прежнія свои огорченія, и высокаго престола своего паденіе, вращаетъ въ мстительномъ умѣ своемъ великіе замыслы, но не можетъ еще рѣшительно и твердо на нихъ полагаться.

Тогда приходитъ къ нему Алекта въ видѣ престарѣлаго мужа, имѣющаго покрытое морщинами блѣдное лице съ длинными усами и обритою брадою; глава уверчена свитымъ платномъ, одежда простирается ниже колѣна до пятъ, при бедрѣ виситъ мечъ, за плечами колчанъ, и лукъ въ рукахъ.

Мы ходимъ, рекла ему, по пустымъ берегамъ и безплоднымъ пескамъ, гдѣ ни славныхъ побѣдъ, ни богатыхъ добычей стяжать не можемъ. Готфридъ между тѣмъ приступаетъ къ Іерусалиму, бьетъ стѣны его таранами, и вскорѣ, естьли мы еще медлить станемъ, увидимъ даже отселѣ разрушающій его пламень.

Развѣ одни токмо горящіе шалаши и отбитыя стада быковъ долженствуютъ быть высокими побѣдами Солимана? тако ли возвращаешь ты Царство свое? сими ли подвигами мнишь отмстить за нанесенныя тебѣ обиды? Дерзай, дерзай во время ночи напасть на враговъ, и въ самыхъ окопахъ ихъ нанеси имъ пораженіе. Вѣрь старому

твоему Араспу, коего усердіе испыталъ ты и на Престолѣ и въ изгнаніи.

Враги не ожидаютъ насъ и не опасаются; они презираютъ нагихъ по истиннѣ и боязливыхъ Аравитянъ; не думаютъ, чтобъ народъ, пріобыкшій къ грабительствамъ и бѣгствамъ, осмѣлился на толикій подвигъ; но твоя храбрость содѣлаетъ его храбрымъ противъ войскъ изнуренныхъ и праздностоящихъ. Тако рекла фурія раздора, и вдохнувъ ярость свою въ грудь его, исчезла въ воздухѣ.

Тогда, подъемля руку на небо, воскликнулъ Солиманъ: о ты, толикою злобою сердце мое раздражившій, не человѣкъ, нѣтъ, хотя ты и въ человѣческомъ предсталъ мнѣ образѣ! се послѣдую тебѣ, куда ты зовешь меня: иду, воздвигну горы тамъ, гдѣ теперь равнины, горы людей раздранныхъ и потоптанныхъ; пролью рѣки крови: будь ты со мною и во мракѣ управляй моимъ оружіемъ.

Умолкъ, и немедленно собираетъ толпы народныя, простираетъ къ нимъ слово, ободряетъ робкаго, поощряетъ медлительнаго, и воспаляя всѣхъ ихъ духомъ своимъ, влагаетъ въ нихъ рвеніе послѣдовать за собою. Алекта возвѣщаетъ о томъ трубными гласами, и сама, собственною рукою своею, распускаетъ по утру широкое знамя. Те-

четъ воинство въ путь, и течетъ толь быстро, что предупреждаетъ о себѣ молву.

Алекта летитъ съ ними, и потомъ оставя ихъ, облачается въ одѣяніе вѣстника, и въ тотъ самый часъ, когда между мрака и свѣта день уступаетъ ночи, приходитъ въ Іерусалимъ, и пробравшись между сонмами смятеннаго народа, приноситъ Царю великую вѣсть о прибытіи сильной рати, о намѣреніи ночнаго нападенія, и о назначенномъ къ тому часѣ и знакѣ.

Ужѐ въ багровыхъ заревахъ распростерся ужасный мракъ ночи. Земля, вмѣсто вечерняго хлада, окропилась теплою, кровавою росою. Въ наполненномъ призраками и страшилищами воздухѣ слышны были глухія и томныя стенанія. Адъ опустѣлъ: Плутонъ пролилъ изъ него весь мракъ, и всѣ нечистыя силы изъ глубокихъ пещеръ его испустилъ.

При толь ужасной темнотѣ гордый Солиманъ движетъ стопы свои къ непріятельскому стану. Но когда ночь половину пути своего совершила, и оттолѣ текла исчезнуть въ свѣтѣ дня, тогда въ нѣсколькихъ отъ того мѣста поприщахъ, гдѣ Франки спокойно пребывали, остановился онъ для отдохновенія. Здѣсь далъ людямъ своимъ укрѣпиться пищею, и потомъ гро-

могласно ободрялъ ихъ къ жестокому нападенію.

Зрите, вѣщалъ, несмѣтными добычами обремененное, больше славное, нежели сильное воинство, которое, подобно алчному морю, всѣ Азіятскія сокровища въ нѣдра свои поглотило. Днесь благопріятная судьба, колико можно съ меньшею опасностію, вамъ ихъ предлагаетъ. Оружія и кони, драгими тканями и златомъ покровенные, будутъ не обороною ихъ, но вашею добычею.

Уже воинство сіе не то, коимъ побѣждены Персидскіе и Никейскіе народы: главная часть его въ толь долговременную и безпрестанную войну погибла; но хотя бы оно и въ цѣлости пребывало, то не ожидающее насъ покоится въ станѣ своемъ, обезоруженное и безпечное. Отягощеннаго сномъ не трудно преодолѣть; ибо отъ сна къ смерти переходъ кратокъ.

Пойдемъ, пойдемъ, други; я первый по мертвымъ тѣламъ отворю вамъ путь въ ихъ окопы. Сія рука моя научитъ каждаго изъ васъ владѣть мечемъ своимъ и разить безъ пощады. Сего дня падетъ Христово Царство. Сего дня Азія будетъ свободна. Сего дня вознесетесь вы на верхъ славы. Тако воспламеняетъ ихъ къ предстоящей брани, и съ безмолвною тишиною ведетъ ихъ туда.

Но се сквозь мракъ, разгоняемый нѣкіими мелькающими блистаніями, видитъ отводную стражу, и зритъ, что не можетъ найти мудраго Вождя въ той безпечности, какую онъ предполагалъ. Стража, узрѣвъ его ведущаго за собою толпы людей, скачетъ поспѣшно къ стану, и громкими восклицаніями пробуждаетъ передовое воинство.

Тогда Аравитяне, увидя себя познанными, ударяютъ въ бряцающіе свои бубны; подъемлются къ небу ужасные вопли, и повсюду раздаются смѣшенные со ржаніями конскіе топоты. Горы стонутъ, поля звучатъ, и бездны на гулъ и клики ихъ отзываются. Алекта подъемлетъ тогда свой адскій пламенникъ, и симъ условнымъ знакомъ извѣщаетъ Іерусалимскихъ жителей.

Солиманъ летитъ въ передъ, и прежде нежели передовыя Христіанскія войска успѣли устроиться, нападаетъ на нихъ съ толикою быстротою, что ярая, изъ ущелій крутыхъ горъ исторгшаяся буря, меньше стремительна. Рѣка, съ древами домы увлекающая; молнія, съ трескомъ низвергающая башни; землетрясеніе, свѣтъ ужасомъ поражающее, суть малыя лютости его подобія.

Всякой разъ съ опущеніемъ меча наноситъ ударъ, съ ударомъ рану, съ раною смерть; и еще болѣе сказалъ бы я, но правда будетъ походить на вымыслъ. Казалось,

что онъ и не видитъ, и не слышитъ, и не чувствуетъ непріятельскихъ пораженій, хотя удары за ударами по шлему его звенятъ и отъ него, какъ отъ горнила, сыплются искры.

Между тѣмъ, какъ одинъ онъ едва не опрокинулъ первые Христіянскіе полки, притекаютъ Аравитяне на подобіе хлынувшаго изъ тысячи источниковъ наводненія: тогда Франки обращаютъ тылъ, и побѣдители, смѣсясь съ бѣгущими, врываются внутрь окоповъ ихъ, и повсюду распространяютъ ужасъ, гибель и стонъ.

Солиманъ на вершинѣ шлема своего имѣлъ великаго и страшнаго змія, который, изсовываясь изъ себя, вращалъ выю, поднимался на лапы, расширялъ крылья, и раздвоившійся хвостъ свой сгибалъ кольцомъ: казалось онъ испускалъ три жала, и клубящаяся изъ челюстей его черная пѣна слышалась клокочущею. Когда брань разгорячалась, тогда и онъ въ движеніи возгарался и рыгалъ дымомъ и пламенемъ.

Осіяваемый сими блистаніями лютый Солиманъ являлся очамъ зрящихъ на его въ томъ ужасномъ видѣ, въ какомъ мореплаватели посредѣ мрака ночи видятъ освѣщаемый молніями бурный Океянъ. Иные на трепещущихъ ногахъ предаются бѣгству, другіе безстрашною рукою извлекаютъ мечъ.

Шумъ и смятеніе усиливаются; ночная темнота, сокрывая опасности, умножаетъ ихъ.

Между оказавшими наиболѣе мужества, отважный Латинъ, рожденный на берегахъ Тибра, подвигся тогда въ передъ; ни преклонныя лѣта его, ни тѣло, трудами изнуренное, не погасили въ немъ духа бодрости. Пять сыновей, почти равнаго возраста, не отступали отъ него въ сраженіяхъ, угнѣтая нѣжное лице свое и мягкіе, еще растущіе члены, тяжелыми доспѣхами.

Побуждаемые примѣромъ отца своего въ крови и браняхъ изощряли они мечи свои. Онъ рекъ имъ: пойдемъ, гдѣ сей неистовый величается надъ бѣгущими. Убійственная рука его, низвергающая другихъ, да не удержитъ стопъ вашихъ и не поколеблетъ въ васъ сроднаго вамъ мужества; ибо, о дѣти, худая честь, которую не украшаютъ никакія бывшія опасности.

Тако свирѣпая львица юныхъ своихъ львичищъ, у коихъ не виситъ еще косматая грива, и съ лѣтами не отрасли еще язвоносные когти и костоснѣдные зубы, ведетъ съ собою на добычу и въ бой, наставляя примѣромъ своимъ ожесточаться противъ ловца, изгоняющаго менѣе сильныхъ звѣрей изъ возмущаемыхъ имъ природныхъ жилищъ ихъ.

Послѣдуютъ благому отцу пять младыхъ чадъ, обступаютъ Солимана, и во единый

мигъ, единымъ духомъ и волею управляемые, устремляюшъ въ него шесть длинныхъ копій. Но старшій сынъ, чрезмѣру дерзновенный, оставя копіе свое, подходишъ къ нему ближе и хочешъ острымъ своимъ мечемъ низринушь его съ коня.

Подобно какъ на открытомъ морѣ скала, бурею и грудами ударяющихъ въ нее водъ трясомая, стоитъ непоколебимо, прошивясь и громамъ, и вихрямъ, и волнамъ: шако яростный Солиманъ съ твердостію прошивупоставляешъ гордое чело свое и мечамъ и копіямъ; тому же, кто коня его рубитъ, разсѣкаешъ главу между бровями и ланитами.

Араманшъ, жалостію подвигнутый, спѣшитъ колеблющемуся брату подать руку помощи и поддержать его падущаго; но жалость сія безполезна и ему самому гибельна. Солиманъ сильнымъ махомъ меча отсѣкаетъ простертую къ брату руку его, и вмѣстѣ съ нимъ повергаетъ и того, кому онъ былъ подпорою: оба единъ на другаго упадаютъ, изливая вмѣстѣ и кровь и послѣднія дыханія.

Посемъ лютый Агарянинъ стремитъ коня своего на юнаго Сабина, издалека наносившаго ему удары копіемъ своимъ; онъ преломляетъ копіе его и единымъ ударомъ повергнувъ трепещущаго на землю, топчетъ его копытами коня своего. Душа съ вели-

кимъ нехотѣніемъ излетаетъ изъ младаго тѣла, оставляя съ печалію и сладкое дыханіе жизни, и нѣжный, веселіями и красотою исполненный возрастъ.

Остались еще живыми Пикъ и Лаврентій, чета, единымъ чреворазрѣшеніемъ матери обогатившая отца, толь между собою сходная, что часто подавала поводъ къ пріятнымъ обманамъ. Но естьли природа сотворила ихъ неразличными, то различила ихъ воинская лютость: жестокое различіе! ибо единъ лежалъ обезглавленный, другой съ пронзеннымъ сердцемъ.

Отецъ (ахъ! не отецъ болѣе, злою судьбою во единое мгновеніе всѣхъ чадъ своихъ лишенный!) зритъ въ пяти мертвыхъ сынахъ смерть свою, и весь родъ свой искорененнымъ. Не знаю, какимъ образомъ старость его, при толь болѣзненномъ и тяжкомъ бѣдствіи, могла сохранять въ себѣ столько силы, что онъ еще дышалъ и ратовалъ: конечно не взглянулъ онъ на лица и положенія убитыхъ своихъ дѣтей.

Благопріятная темнота ночная сокрыла отъ очей его толь ужасное зрѣлище. Но совсѣмъ тѣмъ, безъ собственной погибели своей, не могъ онъ утѣшаться побѣдою. Видя его алчуща столько же пролить кровь соперника своего, сколько и свою, не воз-

можно было различить, чего желает онъ больше, убить или умереть.

Онъ вопіетъ противнику: не ужели рука моя такъ слаба, или такъ презрѣнна, что всѣми своими усиліями не можешъ раздражить противъ меня лютость твою? умолкъ, и вдругъ наноситъ ему толь тяжкую рану, что теплая кровь потекла изъ ней струями сквозь пронзенныя имъ желѣзныя латы.

Тогда разъяренный сими укорами и ударомъ его лютый Агарянинъ, прорвавъ и броню и щитъ его, изъ седми твердыхъ кожъ составленный, вонзаетъ мечъ свой въ его утробу: нещастный Латинъ упадаетъ бездыханенъ, проливая кровь свою, біющую попеременно, то изъ раны, то изъ отверстыхъ устъ.

Подобно какъ на горахъ Апенинскихъ матерое древо, ярость сѣверныхъ и восточныхъ бурь долго презиравшее, когда напослѣдокъ чрезвычайнымъ исторгнется вихремъ, падетъ, и паденіемъ своимъ окрестныя низвергаетъ деревья: тако Латинъ палъ, но окруженный многими другими съ нимъ падшими: конецъ, достойный храбраго мужа, обрушившагося, но многихъ съ собою обрушившаго.

Между тѣмъ, какъ Солиманъ, непримиримою ненавистію дышущій, насыщаетъ злобу свою яростнымъ убійствомъ, Арави-

тяне, примѣромъ его одушевляемые, творятъ тожъ самое съ Христіянскими воинами: Британецъ Генрихъ, и Баварецъ Олофернъ, умираютъ отъ рукъ твоихъ, о гордый Драгутъ! Аріадинъ убиваетъ Гильберта и Филиппа, рожденныхъ на брегахъ Рейна.

Албазаръ булавою низлагаетъ Эрнеста. Алгазель мечемъ пронзаетъ Энгерлана. Но кто можетъ исчислить различные образы смерти ихъ, и число всѣхъ падшихъ на полѣ брани? Готфридъ, при первомъ самомъ смятеніи, возстаетъ и не теряетъ въ праздности время: мгновенно вооружается, собираетъ дружину свою, и ужè летитъ съ нею на встрѣчу нападающимъ.

Онъ слышитъ шумъ и смятеніе отчасу больше умножающимися, и предузнаваетъ, что незапное сіе нападеніе долженствуетъ происходить отъ хищныхъ Аравитянъ: ему извѣстно было, что они скитаются по окрестнымъ странамъ, хотя и не полагалъ онъ, чтобъ робкій сей народъ дерзнулъ на него напасть.

Спѣшащу ему къ нимъ, вдругъ съ другой страны внемлетъ онъ повторяемыя восклицанія: къ оружію! къ оружію! и въ тожъ время слухъ его поражается раздавшимися по воздуху дикими и страшными воплями. То была Клоринда, предводительствующая войсками Іерусалимскаго Царя, и съ нею

Арганшъ. Тогда Готфридъ, обращясь къ мужественному Гвельфу, повелѣваетъ ему заступить мѣсто свое, и вѣщаетъ:

Слышишь ли какіе новые воинскіе звуки несутся къ намъ отъ горы и града? Искуству и храбрости твоей поручаю остановить первые порывы стремящагося противъ насъ врага. Иди, возми съ собою часть моихъ воиновъ, и распоряжай ими; съ остальными пойду я въ другую сторону прошивустать пылкости непріятельскаго набѣга.

Тако положа, оба текутъ съ равною твердостію различными путями: Гвельфъ къ Іерусалиму, верховный Вождь туда, гдѣ Аравитяне торжествуя не встрѣчаютъ болѣе сопротивленія. Готфридъ шествуя отчасу больше усиливается: воинство его на каждомъ шагу приращаетъ, такъ что напослѣдокъ весьма не малочисленъ приходитъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ гордый Солиманъ рѣками проливаетъ кровь.

Тако скудный Эриданъ, вытекая изъ подгорнаго исходища своего, едва наполняетъ узкіе бреги, но чѣмъ далѣе простираетъ бѣгъ свой, тѣмъ болѣе изобиліемъ впадающихъ въ него новыхъ водъ гордится, и наконецъ подъемля, какъ волъ, чело свое противъ оплотовъ, побѣдоносно разливается, и упираясь многими рогами въ Адріяти-

ческое море, кажется не дань ему несетъ, но гнѣвъ и войну.

Готфридъ подоспѣвъ, туда гдѣ видитъ устрашенныхъ людей своихъ бѣгущими, грозно вопіетъ имъ: чего боитесь вы? куда бѣжите? оглянитесь по крайней мѣрѣ на того, кто васъ гонитъ. Вы бѣжите отъ подлой толпы, не могущей въ лице ни разить, ни терпѣть пораженій, и естьли вы обратитесь къ ней, то она отъ единаго зрака вашего вострепещетъ.

Сказавъ сіе, стремитъ коня своего туда, гдѣ Солиманъ наиболѣе громитъ и убиваетъ. Течетъ сквозь кровь, сквозь пыль, сквозь тысячи мечей, опасностей и смертей. Оружіемъ и силою опрокидываетъ самые твердѣйшіе ряды, отверзаетъ себѣ путь сквозь густѣйшія груды народа, и по обѣимъ странамъ низвергаетъ и коней и всадниковъ, и доспѣхи и доспѣшниковъ.

Тамъ, гдѣ лютѣйшая кипѣла брань, скачетъ по буграмъ тѣлъ, несется впередъ. Неустрашимый Султанъ Турецкій слышитъ приближающееся къ нему грозное нападеніе; онъ не бѣжитъ и не уклоняется отъ него, но побуждая коня своего летитъ съ подъятымъ копіемъ на встрѣчу. О какихъ двухъ воиновъ изъ дальнѣйшихъ краевъ свѣта случай соединяетъ днесь единоборствовать!

На малой округѣ земли искусство и ярость ратуютъ, состязаясь о владычествѣ надъ великою Азіятскою державою. Кто можетъ описать быстрые и тяжкіе мечей ихъ удары? кто возвѣститъ о грозномъ семъ единоборствѣ? прехожу молчаніемъ дивные, происходившіе здѣсь подвиги, во мракѣ ночи сокрытые, но достойные при блескѣ солнечнаго сіянія быть созерцаемы всѣми смертными.

Христіянскіе воины, увидя себя толь великимъ Вождемъ предводимыми, ободряются и текутъ впередъ. Съ другой страны вокругъ пагубоноснаго Султана сонмы храбрѣйшихъ воиновъ его сгущаются. Вѣрные и невѣрные другъ другу въ пролитіи крови не уступаютъ; тѣ и другіе, побѣдители и побѣжденные, равно убиваютъ и сами убіенные падутъ.

Подобно какъ равные силою и быстротою вѣтры, одинъ отъ юга, другой отъ сѣвера, срѣтаются и ни они, ни небо, ни море другъ другу не уступаютъ; небо тучи противъ тучъ, море волны противъ волнъ ставитъ; никто ни туда ни сюда не подается: тако двѣ сопротивныя рати, съ ужаснымъ воплемъ и стукомъ, шлемъ со шлемомъ, щитъ со щитомъ, и мечъ съ мечемъ спираются.

Съ другой страны близъ града битва была не менѣе упорна и кровопролитна: тьмы злыхъ духовъ, подобно густымъ облакамъ, носясь надъ войсками невѣрныхъ, внушали въ нихъ смѣлость и не допускали ихъ обратиться въ бѣгство. Арганта, собственнымъ огнемъ исполненнаго, воспламенялъ еще адскій огнь.

Онъ опрокинулъ уже передовую стражу, ворвался въ окопы, раздранными членами наполнилъ ровъ, проложилъ слѣды и облегчилъ путь къ нападенію; многіе потекли за нимъ и передніе шатры Христіянскіе обагрили кровію. Съ нимъ, или не много позади его, скачетъ Клоринда, негодующая, что видитъ себя по немъ второю.

Франки бѣжали уже, когда Гвельфъ съ дружиною своею подоспѣлъ къ нимъ, остановилъ бѣгущихъ, и съ яростію на нечестивыхъ напалъ. Тако продолжалась битва и кровь въ той и въ другой странѣ лилась рѣками. Тогда Вседержитель міра съ высокаго Престола своего обращаетъ очи на лютое сіе сраженіе.

Тамо пребываетъ Онъ, на высотѣ небесъ, отколѣ, благій и праведный, даетъ всему законы, все украшаетъ и производитъ на семъ маломъ и отдаленномъ шарѣ, на коемъ безъ почерпанія отъ него нѣтъ здраваго смысла и правоты. Сѣдяй искони

на велелѣпномъ Престолѣ своемъ, присвѣтлый во единомъ свѣтѣ сіяетъ; у подножія его стоятъ судьба и природа, послушные ему рабы, и движеніе, и время онымъ измѣряемое;

И пространство, и та не пекущаяся о человѣческихъ нашихъ роптаніяхъ случайность, которая, по неисповѣдимымъ свыше соизволеніямъ, земную славу, и злато, и Царства, аки дымъ и прахъ разноситъ и развѣваетъ. Здѣсь на блистаніе свѣтозарной ризы его и самыя небесныя силы не могутъ возводить взоровъ своихъ безъ помраченія. Окрестъ же его предстоитъ неисчислимое множество смертныхъ, равное для всѣхъ благо неравномѣрно вкушающихъ.

Въ превыспреннемъ чертогѣ его раздаются въ согласныхъ звукахъ сладкія пѣнія изливающихъ радость свою блаженныхъ душъ. Онъ зоветъ къ себѣ Михаила, въ алмазномъ всеоружіи горящаго и блистающаго. Виждь, глаголетъ ему, како противъ вѣрной паствы моей ополчаются нечистые адскіе духи, изшедшіе изъ нѣдръ жилища смерти возмущать свѣтъ.

Иди и возвѣсти имъ, да оставятъ ратоваться тѣмъ, кому прилично, воинамъ; они же да не тревожатъ и не заражаютъ ядомъ своимъ Царства живыхъ и чистаго поднебеснаго воздуха; да возвратятся въ

темную Ахеронскую ночь, въ обитель, праведно по дѣламъ ихъ въ казнь имъ опредѣленную: тамо да терзаютъ сами себя и мучатъ души предавшихся имъ грѣшниковъ. Тако хощу, и тако повелѣваю.

Умолкъ: и воевода крылатыхъ силъ преклонился благоговѣйно къ стопамъ Всемогущаго. Посемъ, на златыхъ крыліяхъ своимъ, быстрѣйшихъ мыслей, пускается въ великій путь. Пролетаетъ страну лучей и свѣта, славное, непоколебимое жилище праведниковъ. Преносится чрезъ чистую кристальную область, и зритъ вертящіеся жемчужные круги звѣздъ.

Тамо, по лѣвую руку, различные видомъ и дѣйствіями, вращаются Сатурнъ и Юпитеръ, и другія волею премудраго создателя плавающія въ воздухѣ планеты. Посемъ изъ веселыхъ и вѣчныхъ днемъ сіяющихъ пространствъ преносится туда, гдѣ гремятъ громы и шумятъ дожди; гдѣ свѣтъ, самъ себя боря и разрушая въ безпрестанной съ собою брани, умираетъ и возраждается.

Паритъ и маханіемъ вѣчныхъ крилъ своихъ развѣваетъ исполненные ужаса густые мраки. Ночь отъ божественнаго сіянія лица его позлащается: тако солнце послѣ дождя изъ за тучъ проглядываетъ; тако видимъ иногда звѣзду, разсѣкая прозрач-

ную влагу воздуха, въ нѣдро матери сырой земли падающую.

Прилетаетъ гдѣ злыя адскія силы воспламеняютъ въ нечестивыхъ войскахъ ярость и злобу. Останавливается въ воздухѣ на мощныхъ крыліяхъ своихъ, и простря къ нимъ копіе вѣщаетъ: вамъ бы надлежало знать страшный Вседержителя громъ, о вы, въ уничиженнѣйшемъ состояніи, въ жестокихъ мученіяхъ и крайнемъ бѣдствіи, еще гордые!

Въ небесахъ опредѣлено, да предъ священнымъ знаменіемъ креста поникнутъ стѣны и отверзутся врата Сіона. Почто сопротивляться непреложнымъ судьбамъ? почто раздражать гнѣвъ небесъ? Идите, проклятіи, въ жилище свое, жилище мукъ и вѣчной смерти; и въ сей опредѣленной вамъ преисподней воюйте и торжествуйте.

Тамо злобствуйте; тамо надъ окаянными истощайте всю свою силу и свирѣпство, посредѣ вѣчнаго воя, скрежетанія зубовъ, стука желѣзъ и бряцанія цѣпей. Рекъ, и тѣхъ, кои медленно волю его исполняли, ударялъ и низвергалъ роковымъ копіемъ; они, трепетны, оставляютъ прекрасныя страны свѣта и златозвѣздныя области;

И направляютъ полетъ свой въ глубину ада для обычнаго мученія преступниковъ.

Не такъ многочисленны станицы птицъ, летящихъ надъ морями въ теплыя страны; не такъ велико, въ первые осенніе хлады, число падающихъ съ древъ на землю сухихъ листьевъ. Освобожденный отъ нихъ свѣтъ премѣняетъ мрачный зракъ свой въ веселый.

Но въ кипящей груди Аргантовой не уменьшаются чрезъ то ярость и дерзость, хотя Алекта и престала въ него вдыхать свой пламень, и адскіе духи не подстрекали его болѣе. Сѣчетъ и рубитъ мечемъ своимъ тамъ, гдѣ гуще стѣснены сонмы Франковъ; пожинаетъ сильныхъ и безсильныхъ, и самыя горделивѣйшія главы, подобно простымъ, низлагаетъ.

Недалеко отъ него Клоринда не меньше его разитъ и устилаетъ поле отторженными членами и трупами. Вонзаетъ мечъ въ грудь Берлингьера, въ самое сердце, гдѣ источникъ жизни, вонзаетъ съ такою силою, что окровавленный конецъ меча проходитъ сквозь хребетъ. Потомъ раздираетъ Альбину горло, и раздвояетъ у Галла лице.

Отсѣкаетъ порубленную еще прежде руку у Герніера: она полумертвая упавъ на землю держитъ еще мечъ и шевелитъ перстами: тако отсѣченный у змѣя хвостъ силится соединиться опять съ тѣломъ. Клоринда, оставя его въ семъ состояніи,

обращается къ Ахиллу, и на него возноситъ мечъ свой.

Она поражаетъ его въ выю между хребта и затылка: остріе меча проядаетъ кожу и горло; сверженная глава, ударясь лицемъ въ землю, катится прежде тѣла безобразная по праху; тѣло же (нещастное и чудное позорище) остается сѣдящимъ на сѣдлѣ, доколѣ скачущій подъ нимъ безъ управленія конь брыканіями своими не свергъ съ себя онаго.

Между тѣмъ какъ непобѣдимая воинственница толикое въ западномъ воинствѣ творитъ убійство, съ другой страны гордая Гильдиппа не меньше того Срацинскіе паражаетъ полки. Одинакій въ нихъ полъ и одинакая храбрость и смѣлость; но судьба, сохранявшая ихъ для другаго величайшаго сопротивника, не позволила имъ встрѣтиться и сразиться между собою.

Съ одной страны одна, съ другой другая, тщетно силились пробиться сквозь густыя окружавшія ихъ толпы. Но великодушный Гвельфъ нападаетъ на Клоринду, возноситъ мечъ свой, и жестокимъ ударомъ уязвляетъ прекрасную; она отвѣчаетъ ему столь же крѣпкимъ ударомъ и поражаетъ его между ребрами. Тогда Гвельфъ повторяетъ ударъ свой, но оный до нея не достигаетъ.

Палестинецъ Осмида, случайно къ нимъ подскакавшій, пріемлетъ на себя нечаянно сей не на него устремленный ударъ, раздвоившій ему чело. Но послѣдовавшіе за нимъ воины окружаютъ Гвельфа; съ другой страны кидаются на нихъ Франки: растутъ, сгущаются сопротивныя толпы; битва смѣшивается и становится общею.

Заря между тѣмъ, отверзая небесныя двери, червленное лице свое являла. Ярый Аргиланъ, во время смятенія и тревоги освободившійся изъ темницы, хватаетъ поспѣшно первое попавшееся ему оружіе, и не разбирая ни худости его ни доброты, течетъ новую вину свою загладить новыми заслугами и подвигами.

Какъ вырвавшійся изъ Царскихъ конюшенъ, содержимый въ нихъ для воинскихъ набѣговъ, рѣзвый конь, освободясь изъ заточенія, бѣжитъ по широкому пути въ табунъ, или къ рѣкѣ, или на паство; крутитъ подъятою гордо вверхъ главою, развѣваетъ гривою, топочетъ бурными копытами, и громкими ржаніями наполняя воздухъ, кажется пышетъ пламенемъ.

Тако притекаетъ Аргиланъ: горитъ яростнымъ зракомъ, подъемлетъ неустрашимое чело, легокъ въ скаканіяхъ и скоръ стопами, такъ что едва печатлѣетъ на песку слѣды. Онъ, достигнувъ до непріятелей,

громкимъ гласомъ съ угрозами и презрѣніемъ вопіетъ имъ: о ничтожное исчадіе земнородныхъ, коварные Аравитяне, кто подвигъ васъ на толикую наглость?

Не ваше дѣло облачаться во всеоружіе и носить тяжелые шлемы и щиты; нагіе и робкіе, вы токмо издалека храбры и въ бѣгствѣ ищете спасенія. Славныя ваши дѣла и хитрости ратовать по ночамъ: мракъ ваша оборона; теперь онъ исчезъ, кто же защититъ васъ? теперь потребны вамъ мужество и твердость.

Тако вѣщая и не доконча еще рѣчи своей сильнымъ ударомъ раздираетъ Алгазелю горло, и въ отверзавшихся отвѣтствовать ему устахъ останавливаетъ слово. Мракъ покрываетъ мгновенно очи нещастнаго и смертный хладъ течетъ по жиламъ. Онъ падаетъ и въ ярости, умирая, хватаетъ и грызетъ зубами ненавистную землю.

Посемъ Аргиланъ, разными пораженіями, и Саладина, и Агрикальта, и Мулеасема убиваетъ; и стоявшаго недалеко отъ нихъ Альдіазила по поламъ разсѣкаетъ. Произаетъ грудь Аріадина и повергнувъ его на землю ругается надъ нимъ. Сей, подъемля смыкающіяся смертнымъ сномъ очи, на гордыя слова отвѣтствуетъ ему:

Не долго, кто ты ни есть, побѣдою

своею будешь величаться; ожидай и себѣ подобной же судьбы. Сильнѣйшая твоей рука простретъ тебя на прахѣ подлѣ меня. Аргиланъ съ злобною усмѣшкою отвѣтствуетъ: мой жребій еще не рѣшенъ на небесахъ, а ты между тѣмъ умирай, пища птицъ и звѣрей. Потомъ попираетъ его ногами, и вмѣстѣ съ оружіемъ исторгаетъ изъ него душу.

Въ сей дружинѣ стрѣлковъ и пращеметателей находился любимый Султанскій отрокъ: весна лѣтъ не обложила еще прекраснаго подбородка его первымъ своимъ пухомъ. Струлящіяся по прелестнымъ ланитамъ его потовыя капли казались быть жемчужною росою. Пыль, покрывавшая смятыя власы его, придавала ему пріятности, и гнѣвная въ лицѣ суровость была въ немъ миловидна.

Конь подъ нимъ бѣлѣе упавшаго съ Апенинскихъ горъ свѣжаго снѣга: вихрь и пламень уступаютъ ему въ быстротѣ и легкости. Юноша вращалъ держимое имъ по срединѣ копіе; при бедрѣ его висѣла короткая, кривая сабля. По обычаю страны своей одѣтъ онъ былъ въ великолѣпную злато-тканную багряницу.

Между тѣмъ какъ новая для него слава младую грудь его увеселяетъ, и онъ, то здѣсь, то тамъ, мятетъ сражающіяся пол-

пы, и никто на него не устремляется, лукавый Аргилан примѣчает легкія его движенія, и выждав время кидается к нему, убивает коня его, и на него, не успѣвшаго еще возстать, грозно наступает.

Лютый не смотрит на лице его, просящее пощады, и тщетно орудіем жалости защищающееся; неумолимый простирает к нему руку, и прекраснѣйшее произведеніе природы оскорбляет. Меч в рукѣ его, человѣколюбивѣйшій чѣм сам он, казалось почувствовал жалость, и обратясь ударился плашмя в юношу. Но что пользы? жестокій повторяет удар и острым концем поправляет первую его погрѣшность.

Солиман, недалеко оттолѣ с Готфридом сражавшійся, увидя отрока своего в опасности, оставляет битву, обращает и стремит коня своего; мечем отверзает себѣ путь сквозь стѣснившіяся груды; но поспѣвает токмо к мести, а не к помощи; он зрит, о горе! убитаго Лезбина своего, лежащаго на землѣ, подобно прекрасному скошенному цвѣтку.

Зрит его в печальном положеніи увядающа: померкающія очи смыкаются, глава клонится на перси; блѣдность его толь умилительна, и образ смерти приводит в такое о нем соболѣзнованіе, что смяг-

чаетъ жесточайшее камня сердце, и у лютаго гнѣва извлекаетъ слезы. Ты плачешь, Солиманъ, ты взиравшій на погибель Царства твоего сухими очами?

Но когда увидѣлъ онъ непріятельскій мечъ, обагренный и дымящійся еще кровію юноши, тогда жалость исчезла, кипящій гнѣвъ заступилъ ея мѣсто и слезы въ груди его заперъ. Онъ кидается съ мечемъ на Аргилана, разсѣкаетъ противупоставленный ему щитъ и шлемъ и главу и гортань: великій ударъ сей соотвѣтственъ былъ Солимановой ярости.

Но недовольный еще тѣмъ, онъ сходитъ съ коня своего и мертвое тѣло терзаетъ, подобно раздраженному псу, ринутый въ него камень въ бѣшенствѣ грызущему. О чрезмѣрной скорби тщетное утѣшеніе, свирѣпствовать надъ бузчувственною землею! Но между тѣмъ верховный Вождь Франковъ, не теряя безполезно времени, поражаетъ и низлагаетъ.

Тысяча Турокъ, въ брони, шлемы и щиты облеченныхъ, въ трудахъ тѣломъ неутомимыхъ, духомъ отважныхъ, всѣ искусные и опытные въ войнахъ, старые сослуживцы Солимана, съ нимъ въ тяжкихъ походахъ по Аравійскимъ степямъ скитавшіеся, и въ нещастіяхъ его преданные ему и вѣрные.

Сіи, стѣсняся густыми рядами, мало или ничего не уступаютъ храбрости Франковъ. На сихъ нападаетъ Готфридъ, и гордому Коркуту лице разсѣкаетъ, Ростену прободаетъ ребра; у Селина снимаетъ съ плечъ главу; у Россана обѣ руки отъ тѣла отдѣляетъ. Не сихъ однихъ, но многихъ разными образами ранитъ и убиваетъ.

Между тѣмъ какъ онъ тако Срацинскіе полки поражаетъ, и самъ отъ нихъ поражаемый, не видитъ, чтобъ они въ какой либо части приходили въ разстройство и теряли надежду; вдругъ недалеко появляется новое облако пыли, несущее въ нѣдрѣ своемъ воинскіе громы: се внезапу исходятъ изъ него блистающія отъ оружій молніи, отъ коихъ востренетали силы невѣрныхъ.

Пятдесятъ рыцарей несутся съ развѣвающимъ побѣдоносно на сребряномъ полѣ голубымъ крестомъ. Хотя бы я имѣлъ сто устъ и сто языковъ, мѣдную грудь и желѣзный голосъ, то не могъ бы пересказать число убитыхъ и пораженныхъ при первомъ нападеніи отъ сей бурной дружины витязей. Падутъ попранны и робкій Аравитянинъ и дерзостный Турокъ.

Ужасъ, лютость, скорбь, трепетъ, повсюду распространяются. Вездѣ торжествуетъ смерть и волнуется море крови. Царь Іерусалимскій, окруженный сонмомъ

людей, льстясь побѣдою, изшелъ изъ града, и съ высоты холма смотрѣлъ на упорную въ обширномъ полѣ битву.

Но когда увидѣлъ главныя части войскъ своихъ поколебавшимися, повелѣлъ трубить отступленіе, посылая гонцевъ за гонцами къ Арганту и Клориндѣ съ прозьбою и настояніемъ, да возвратятся во градъ. Гордая чета, упоенная гнѣвомъ и жаждущая крови, отрицается; однако напослѣдокъ уступаетъ и старается покрайней мѣрѣ собрать и устроить войска.

Но кто удержитъ народъ и обуздаетъ робость и страхъ? бѣгство содѣлалось общее. Иной бросилъ щитъ, иной обезоружилъ руку свою отъ меча, ставшаго не защитою, но тягостію. Между градомъ и полемъ отъ запада къ полудню простирается гористый долъ; туда всѣ бѣгутъ, и за ними густое облако пыли несется къ стѣнамъ града.

Христіянскія войска бѣгущихъ стремительно въ горы гонятъ и рубятъ; но когда они востекли на оныя и могли получить помощь отъ Царя своего, тогда Гвельфъ не восхотѣлъ съ очевидною для себя невыгодностію течь за ними на крутизны. Онъ останавливаетъ людей своихъ; Царь же немногіе, уцѣлѣвшіе отъ жестокаго сраженія остатки, собираетъ окрестъ себя.

Солиманъ, Султанъ Турецкій, по содѣла-

нія всего, силамъ человѣческимъ возможнаго, не можетъ ничего болѣе. Весь въ потѣ и въ крови испускаетъ частыя и тяжелыя изъ груди дыханія. Шуйца его изнемогаетъ подъ бременемъ щита; десница слабо и медленно вращаетъ оружіемъ, не разражающимъ уже болѣе, но едва ударяющимъ, и мечъ его отупѣвъ сталъ мечъ безвредный.

Когда онъ почувствовалъ себя таковымъ, остановился въ видѣ человѣка, углубившагося въ сомнительныя размышленія, умереть ли ему должно, и собственными руками своими прекратить исполненную знаменитыми подвигами жизнь, не допуская кого либо другаго славою сею величаться, или сберечь себя и пережить разбитіе войскъ своихъ. Напослѣдокъ сказалъ: да торжествуетъ рокъ, и да будетъ побѣгъ мой знакомъ его побѣды.

Да узритъ врагъ хребетъ мой, да ругается снова надъ моимъ поноснымъ изгнаніемъ, лишь бы снова увидѣлъ меня вооруженнаго на разрушеніе мирной тишины его и Царства еще не твердаго. Не уступаю, нѣтъ! да будетъ съ вѣчнымъ срамомъ моимъ и гнѣвъ мой вѣченъ. Непримиримая тѣнь моя возстанетъ еще свирѣпѣйшею мстить ему изъ гроба.

Конецъ девятой пѣсни.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,

пѣснь десятая.

Тако еще вѣщая, узрѣлъ коня случайно къ нему бѣгущаго: онъ хватаетъ его за висящую узду, и хотя печаленъ и утомленъ, однако на него садится. Шишакъ его, недавно ужасами поражавшій, валяется сринутый съ упадшаго шлема, уничиженъ и безславенъ; одежда его окровавленная, разодранная, не являетъ болѣе ни малѣйшаго признака пышности и величія.

Какъ изгнанный изъ овчарни, бѣгущій укрыться волкъ, хотя наполнилъ пищею хляби широкой утробы своей, однако высовываетъ еще кровожадный языкъ и облизываетъ нечистыя губы, такъ онъ послѣ пагубнаго пира кровавой битвы бѣжитъ, жаднаго глада своего еще не утолившій.

Щастіе спасло его отъ тучи свистѣвшихъ вокругъ его стрѣлъ, отъ стольких копій, и стольких смертоносныхъ оружій. Одинъ и безвѣстенъ стремится по путямъ уединеннымъ, и размышляя о томъ, что предпріять ему должно, колеблется бурею великихъ думъ.

Наконецъ предпріемлетъ ѣхать туда, гдѣ Царь Египетскій собираетъ многочисленное воинство; хочетъ присоединиться къ нему и снова испытать щастія въ сраженіяхъ. Тако рѣшась ни мало не медлитъ, и какъ всѣ пути были ему извѣстны, то, не имѣя никакой нужды въ провожатомъ, пускается прямо къ песчанымъ брегамъ древней Газы.

Хотя чувствуетъ въ силахъ изнеможеніе и тяжкое отъ ранъ страданіе, однакожъ не совлекаетъ съ себя доспѣховъ, не ищетъ отдохновенія, но во весь день продолжаетъ трудный свой путь. Когда же мракъ ночи слилъ всѣ образы вещей во единъ образъ темноты, тогда сходитъ онъ съ коня, перевязываетъ раны свои и сколько есть у него силы, стрясаетъ съ Финиковаго древа плоды.

Вкушаетъ ихъ и насытясь повергается на голую землю, возлагаетъ главу свою на жосткій щитъ, и старается утомленное тѣло свое и треволненіе мыслей успокоить; но болѣзнь ранъ его отчасу болѣе умножается, и сердце его терзаютъ два внутреннихъ врана: гнѣвъ и печаль.

Наконецъ, когда въ часы глубокой ночи все вокругъ его умолкло, побѣжденный усталостію погружаетъ и онъ всѣ свои тяжкія страданія и горести въ сладкое забвеніе.

Боль ранъ его утихаетъ, и томныя очи смыкаются. Тогда въ легкомъ снѣ слышитъ онъ нѣкій суровый гласъ, тако ему вѣщающій.

Солиманъ, Солиманъ! отложи покой твой до благополучнѣйшихъ временъ; отечество, надъ коимъ ты царствовалъ, рабствуетъ еще подъ игомъ иноплеменныхъ. Ты забылъ, что спишь на той землѣ, гдѣ трупы воиновъ твоихъ лежатъ непогребенные! тамъ, гдѣ цѣлое поле усѣяно свидѣтельствующими срамъ твой знаменіями, ты въ праздности ожидаешь новаго дня!

Султанъ пробуждается, подъемлетъ взоры, и видитъ благолѣпнаго старца, грядущаго опираясь на искривленный посохъ. Ты кто, вопрошаетъ его гнѣвно, докучливый призракъ, дерзающій разрушать краткое успокоеніе путешественниковъ? какая тебѣ нужда до моего срама или мщенія?

Я тотъ, отвѣтствуетъ старецъ, кому намѣреніе твое отчасти извѣстно, и прихожу къ тебѣ какъ человѣкъ болѣе, нежели ты думаешь, пріемлющій въ тебѣ участіе. Не безъ намѣренія укорилъ я тебя оскорбительными словами: гнѣвомъ возбуждается доблесть. Да не будетъ тебѣ, Государь, противна рѣчь моя, храбрость твою воспламеняющая.

Я хочу отвратить тебя отъ намѣренія путешествовать къ великому Царю Египет-

скому: ты, мнится мнѣ, безполезно употребишь на то время и трудъ; ибо и безъ твоего туда прибытія воинство Срацинское скоро соберется и отправится въ путь. Не тамъ, но здѣсь нужно мужество и рука твоя противъ нашихъ враговъ.

Естьли угодно тебѣ будетъ взять меня вождемъ своимъ, я берусь, даже среди самаго свѣтлаго дня, безопасно и безъ всякой отъ меча твоего помощи, поставить тебя въ осажденный Христіянами градъ. Тамо съ охотою и славою обратишь ты оружіе свое на защиту онаго, доколѣ не придутъ Египетскія войска возобновить брани и битвы.

Вѣщающу ему тако, свирѣпый Мусульманинъ возводитъ на него очи свои, внемлетъ гласу престарѣлаго мужа, и лютость души его вмѣстѣ съ гордостію зрака потухаетъ. Отче, отвѣтствуетъ ему, я готовъ послѣдовать за тобою, веди меня куда хочешь: всегда лучшимъ совѣтомъ, почитаю я тотъ, гдѣ больше предлагается мнѣ трудовъ и опасностей.

Старецъ похваляетъ слова его, и какъ ночная сырость умножила ранъ его болѣзнь, то помазуетъ онъ ихъ врачебнымъ масломъ, которое возстановляетъ силы и унимаетъ теченіе крови изъ язвъ. Посемъ видя, что Аполлонъ разсыпанныя Авророю розы на-

чинаетъ позлащать: время намъ отправиться, сказалъ; солнце, зовущее всѣхъ къ трудамъ, отверзаетъ намъ путь.

И на колесницу, недалеко оттолѣ ожидавшую ихъ, съ гордымъ Никейскимъ владыкою садится; искусною рукою попускаетъ бразды и обоихъ коней попеременно ударяетъ бичемъ: они несутся съ толикою быстротою, что не оставляютъ ни отъ колесъ, ни отъ ногъ своихъ ни малѣйшаго на прахѣ слѣда; пышутъ, изъ ноздрей ихъ дымъ валитъ столпомъ, и бѣлая пѣна клубится изъ устъ.

Чудо скажу: воздухъ окрестъ ихъ сгущается въ невидимое облако и колесницу внутрь себя пріемлетъ: ничто, ни камень изъ пращи ринутый, ни сокрушающій стѣны таранъ, не могъ бы сквозь густоту онаго проникнуть. Сидящіе въ немъ зрятъ подъ собою туманъ, надъ собою свѣтлое небо.

Удивленный Султанъ подъемлетъ брови, протираетъ себѣ глаза, и смотритъ онѣмѣлыми взорами на облако и колесницу, стремящуюся, не встрѣчая ни какихъ преградъ, съ такою быстротою, что она кажется ему летящею по воздуху. Старецъ, примѣтя изъ неподвижности лица его овладѣвшее имъ изумленіе, взываетъ къ нему, и тогда, вышедъ изъ своего оцѣпѣненія, вѣщаетъ онъ ему:

О ты, кто ты ни есть, тако побуждающій природу творить высокія и чудесныя дѣла; ты, проницающій въ глубочайшія таинства человѣческихъ мыслей; естьли дано тебѣ также знать и о будущихъ сокрытыхъ вещахъ; о! повѣдай мнѣ, какой благополучной или злощастной конецъ опредѣлили небеса сей ужасной въ Азіи войнѣ?

Но прежде скажи мнѣ имя твое, и какою хитростію творишь ты толь необычайныя дѣла; ибо ежели не извлечешь ты меня изъ моего недоумѣнія, то какъ могу я понять прочія твои вѣщанія? Усмѣхнулся старецъ, и рекъ: отчасти не трудно мнѣ удовлетворить твоему желанію; я Исменъ; Сиріяне называютъ меня волхвомъ, потому что я въ безвѣстныхъ гаданіяхъ упражняюсь.

Но ты много и высоко обо мнѣ мыслишь, естьли думаешь, что могу я узнавать будущее и проницать тайныя опредѣленія судебъ: столько не позволено смертнымъ. Каждый здѣсь на земли долженъ разумъ свой и силы употреблять на то, чтобъ пробиться сквозь бѣды и напасти; ибо часто случается, что мудрый самъ себѣ щастливую устроаетъ судьбу.

Ты непобѣдимую десницу твою, могущую легко потрясть буйныя силы Франковъ, недостаточныя удержать и защитить стѣсняемый ими градъ, приготовь себя противъ

оружія и огня. Дерзай, терпи, уповай; я полагаюсь на тебя несомнѣнно. Между тѣмъ въ угодность твою скажу тебѣ то, что я тускло аки бы сквозь туманъ вижу.

Вижу или мнится мнѣ видѣть, что прежде, нежели свѣтило дневное совершитъ великое число обращеній, мужъ нѣкій прославитъ Азію знаменитыми подвигами и возобладаетъ надъ плодоносным Египтомъ. Я умалчиваю о мирныхъ его доблестяхъ, о мудрыхъ дѣяніяхъ, и о многихъ иныхъ добродѣтеляхъ, коихъ ясно различить не могу. Довольно для тебя знать, что имъ преодолѣются Христіянскія силы.

Онъ не токмо побѣдитъ ихъ, но и власть ихъ въ послѣднія съ ними битвы совершенно разрушитъ, и печальные остатки ихъ, въ тѣсную страну загнанные, одно только море защитою своею имѣть будутъ. Сей воинъ произойдетъ отъ крови твоей. Тутъ умолкъ престарѣлый Волхвъ, и Солиманъ воскликнулъ: о коль щасливъ сей потомокъ мой, толикою славою насладиться предназначенный! Тако вѣщая завидуетъ ему и радуется.

Потомъ присовокупляетъ: какой бы отъ неба ни былъ опредѣленъ мнѣ жребій, доброй или злой, онъ не поколеблетъ меня и найдетъ всегда непреодолимымъ. Скорѣе луна и звѣзды измѣнятъ теченіе свое, не-

жели я на одинъ шагъ съ прямаго пути моего совращусь: и сіе вѣщая онъ весь воспламенился мужествомъ.

Тако продолжая путь свой бесѣдовали они, доколѣ предъ очами ихъ появились шатры Христіянскаго стана. О какое лютое и печальное зрѣлище! сколько разнаго вида смертей представилось ихъ взорамъ! потускъ тогда зракъ Солимановъ и на лицѣ его изобразилась горесть. Ахъ! въ какомъ презрѣніи толь страшныя прежде знамена свои увидѣлъ онъ тутъ валяющимися!

Съ какимъ хладнокровіемъ Франки ходя попирали не токмо груди, но и головы любимѣйшихъ его друзей, и съ какою надменностію отбирали у непогребенныхъ оружія и совлекали съ нещастныхъ одежду! съ одной стороны, собравшись великими сонмами, торжественно воздавали они послѣднюю честь падшимъ своимъ братіямъ; съ другой, разложа огни, сжигали на кострахъ смѣшанныя груды тѣлъ Турокъ и Аравитянъ.

Солиманъ, глубоко воздохнувъ, обнажилъ мечъ свой, соскочилъ съ колесницы и хотѣлъ къ нимъ кинуться; но старый волшебникъ ухватилъ его, возопилъ на него, и усмирилъ безумный гнѣвъ его; и потомъ, когда снова убѣдилъ его сѣсть въ колесницу, направилъ путь свой на вершину холма.

Тако проѣхавъ нѣсколько, оставили они воинскій станъ Франковъ позади себя.

Тогда сходятъ они съ колесницы, мгновенно изчезнувшей, и сокрытые въ томъже облакѣ идутъ на высоту холма, оттолѣ по другую сторону спускаются въ долину и приходятъ къ западной странѣ горы Сіона. Здѣсь волхвъ приближась къ ней останавливается и смотритъ, какъ бы нѣчто примѣчая, на высокую ея крутизну.

Внутрь твердаго камня многими вѣками глубокая изрыта пещера, въ которую входъ уединенный и ни кому непримѣтный дикими заросъ кустами и травою: волхвъ сжавшись и согнувшись пробирается по тѣсной стезѣ сквозь сіи преграды, одною рукою разверзая ихъ въ переди себя, а другою ведя за собою идущаго въ слѣдъ за нимъ Султана.

Тогда Султанъ вѣщаетъ ему: какимъ потаеннымъ ведешь ты меня путемъ? можетъ быть съ дозволенія твоего отверзъ бы я для себя лучшій мечемъ моимъ. Да не возгнушаешься, отвѣтствуетъ волшебникъ, въ горделивомъ сердцѣ твоемъ шествовать по симъ мрачнымъ стезямъ, по которымъ хаживалъ нѣкогда великій Иродъ, толь и воинственными доблестями знаменитый.

Царь сей повелѣлъ изрыть сію пещеру для обузданія непокорныхъ своихъ поддан-

ныхъ; онъ изъ башни, называемой Антоніевою, по имени вѣрнаго друга его, ходилъ чрезъ нее никѣмъ не видимъ въ великій древній храмъ, и могъ тайно отлучаться изъ града и вводить и выводить по ней столько войскъ, сколько ему было потребно.

Нынѣ же путь сей уединенный и темный изъ всѣхъ живущихъ на земли мнѣ одному извѣстенъ. Онъ приведетъ насъ въ то мѣсто, гдѣ Царь Іерусалимскій, можетъ быть больше нежели должно устрашенный грознымъ видомъ злополучія, собралъ на совѣтъ всѣхъ мудрыхъ и сильнѣйшихъ. Ты ко времени подоспѣешь: внемли и молчи, доколѣ нужно тебѣ будетъ смѣлыми ободрить ихъ словами.

Тако рекъ: дебелый тѣломъ Султанъ входитъ въ тѣсный едва вмѣщающій его вертепъ, и въ слѣдъ за предводителемъ своимъ идетъ стезями, покрытыми вѣчною тьмою. Онъ при входѣ наклоняется; но чѣмъ далѣе идутъ они внутрь пещеры, тѣмъ она болѣе расширяется, такъ что скоро и свободно достигаютъ они до средины оной.

Тогда Исменъ отворяетъ малую дверь и восходитъ съ нимъ по лѣствицѣ, едва освѣщаемой слабымъ въ небольшое съ верху отверстіе проходящимъ свѣтомъ. Наконецъ входятъ они въ нѣкое подземное простран-

ство, и оттолѣ поднимаются еще выше въ свѣтлую великолѣпную храмину. Здѣсь въ Царскомъ вѣнцѣ и съ жезломъ въ десницѣ сидѣлъ печальный Царь, окруженный печальными своими вельможами.

Изъ нѣдръ облака гордый Султанъ Турецкій, никому невидимый, самъ всѣхъ видитъ, и озирая каждаго, слышитъ, что Аладинъ начинаетъ первый съ пышнаго Престола своего вѣщать: поистиннѣ, о вѣрные мои, прошедшій день для Царства нашего былъ пагубный: съ высокаго упованія ниспадшимъ остается намъ одна токмо надежда на помощь Египетскихъ войскъ.

Но вы видите, какъ надежда сія далека при толь близкой опасности. Для сего собралъ я васъ всѣхъ вмѣстѣ, дабы каждый подалъ совѣтъ свой. Тутъ умолкъ; и тогда поднялся окрестъ его легкій шопотъ, подобный шуму колеблемыхъ вѣтровъ въ лѣсу листовъ. Но Аргантъ съ веселымъ и отважнымъ лицемъ возсталъ и прекратилъ сей шопотъ.

О великій Государь! отвѣтствовалъ сей ярый и неукротимый воинъ, почто искушаешь насъ? почто вопрошаешь о вещи всякому извѣстной и не требующей нашего мнѣнія? однакожъ скажу: мы должны полагать надежду на самихъ себя, и естьли правда, что храбрость не преодолима, то ею вооружимся, ее одну призовемъ въ по-

мощь, и не больше возлюбимъ жизнь нашу, какъ сколько отъ ней позволено.

Не по тому говорю я такъ, чтобъ не надѣялся на вѣрную отъ Египта помощь: сомнѣваться въ непреложномъ Царя моего обѣщаніи было бы и недостойно его и несправедливо; но говорю для того, что желаю въ нѣкоторыхъ изъ насъ видѣть духъ болѣе непобѣдимый, болѣе увѣренный въ побѣдѣ, на всякое бѣдствіе готовый и презирающій смерть.

Сіе токмо единое изрекъ Аргантъ, но изрекъ съ твердостію мужа, въ словахъ своихъ надежнаго. Посемъ съ важнымъ видомъ возсталъ Орканъ, высокаго рода вельможа, прежде воинскими доблестями знаменитый, но нынѣ, сочетавшійся съ младою супругою и утѣшающійся дѣтьми, въ должностяхъ отца и мужа охладѣлъ бодростію духа.

Сей рекъ: о Государь, я не осуждаю огненнаго велерѣчія, раждающагося отъ храбрости, не могущей и не хотящей удерживаться въ предѣлахъ сердца; а потому и не считаю дерзновеніемъ, что отважный Черкешанинъ обыкъ вѣщать предъ тобою съ необыкновеннымъ жаромъ; ему сіе позволено; ибо и въ дѣлахъ своихъ онъ не меньшую являетъ пылкость.

Но тебѣ, опытами и лѣтами умудрен-

ному, надлежишъ совѣшами своими воздерживашь его шамъ, гдѣ онъ излишнего увлекаешся горячносшію. Твое дѣло сравнивашь надежду ошдаленной помощи съ близкою, или лучше сказашь съ насшавшею ужѐ опасносшію, и соразмѣряшь оружія и силы непріяшельскія съ шпвоими новыми укрѣпленіями и древнею сшѣною.

Мы, есшьли позволено мнѣ сказашь мое мнѣніе, находимся конечно въ шпвердомъ искусшвомъ и мѣсшоположеніемъ градѣ; но съ другой сшороны непріяшели наши запасаюшся огромными и сильными для разрушенія сшѣнъ его орудіями. Чшо́ будешъ, не знаю: надѣюсь и боюсь безъизвѣсшнаго рѣшенія Бога брани. Опасаюсь, чшо есшьли мы еще шѣснѣе осаждены будемъ, шо пошерпимъ крайній недосшашокъ въ пищѣ.

Ибо вчерашній привозъ съѣсшныхъ припасовъ, шогда, какъ ожидали мы мечи свои на рашномъ полѣ обагряшь кровію, было нѣкое нечаянное щасшіе. Но сія малая для великаго глада крупица не можешъ прошипашь жишелей многолюднаго града, есшьли осада продолжишся; а она продолжишся, хошя бы Египешскія войска и пришли въ назначенный ошъ нихъ день.

Чшожъ будешъ есшьли онѣ опоздаюшъ? но положимъ, чшо онѣ предупредяшъ свое обѣщаніе и шпвою надежду, шо и шогда, о

Государь, не вижу я еще ни побѣды, ни освобожденія сихъ осажденныхъ стѣнъ. Мы должны будемъ, о Царь, сражашься съ Гошфридомъ, съ шѣми самыми Вождями и воинами, которые многократно побѣждали и низлагали Аравишянъ и Турковъ и Сиріянъ и Персіянъ.

Каковы они, шы знаешь эшо самъ, о храбрый Аргантъ, шы, нерѣдко уступавшій поле сраженія и обращая хребешъ свой скорыми ушекавшій отъ нихъ стопами. Тожъ и Клоринда съ шобою, и я съ вами; никто другъ передъ другомъ похвалиться не можешъ. Я однакожъ никого не обвиняю: всѣ мы оказали самое величайшее мужество, какое токмо возможно.

Скажу еще, хотя и вижу, что иной, не охотно слушая правду, грозными сверкаешъ на меня очами, скажу смѣло, заключая то по вѣрнымъ и несомнишельнымъ признакамъ, что нѣкая непреоборимая сила покровительствуешъ нашимъ врагамъ, и что одолѣть ихъ и воспрепятствовать ихъ владычеству не могутъ никакіе люди и никакія твердыя стѣны. Государь! свидѣтельствуюсь небомъ, что усердіе и любовь къ отечеству исторгли изъ меня сіи мои слова.

О мудрый Царь Трипольскій, умѣвшій миромъ съ Франками Царство свое спасти! Но своенравный Султанъ Турецкій нынѣ

или мертвый лежитъ, или тяжкими въ плѣну угнѣтается оковами, или съ унынiемъ и страхомъ бѣжитъ въ крайнюю погребстися нищету, тогда, когда уступя нѣчто могъ бы данью и дарами искупить остальное свое имущество.

Тако рекъ, прикрывая намѣренiе свое околичными и хитрыми словами; ибо просить мира и покориться чужеземной власти не смѣлъ прямо совѣтовать. Гнѣвный Солиманъ, слыша его тако вѣщающа, не могъ долѣе пребывать въ сокрытiи. Тогда волхвъ сказалъ ему: Государь, потерпишь ли ты, чтобъ онъ рѣчь свою еще продолжалъ?

Я, отвѣтствуетъ Султанъ, скрываюсь по неволѣ и горю негодованiемъ и досадою. Едва онъ изрекъ сiе, вдругъ облако, окружавшее ихъ, разступается, исчезаетъ въ воздухѣ, и Солиманъ при свѣтѣ лучей, величественъ и грозенъ, внезапу предстаетъ предъ нихъ и вѣщаетъ:

Я, о комъ здѣсь рѣчь идетъ, я предъ вами, не бѣглецъ и не въ оковахъ, и тому, кто такъ обо мнѣ говоритъ, обязуюсь сею рукою моею доказать, что онъ трусъ и лжецъ. Я, который пролилъ рѣки крови, воздвигъ на поляхъ горы тѣлъ, видѣлъ всѣхъ моихъ друзей окрестъ меня падшихъ въ брани, я бѣглецъ?

Но ежели сей, или кто другой ему по-

добный измѣнникъ отечеству и вѣрѣ, дерзнетъ еще предлагать о постыдномъ и подломъ мирѣ, великій Государь, да не будетъ тебѣ противно, что я на семъ же мѣстѣ раздроблю главу его предъ тобою. Скорѣе овцы уживутся въ одномъ хлѣву съ волками, скорѣе голуби умѣстятся въ одномъ гнѣздѣ съ змѣями, нежели когда либо мы съ Французами будемъ въ одной землѣ жить мирно.

Вѣщая сіе съ грознымъ видомъ держался онъ рукою за мечъ свой. Всякъ при сихъ громовыхъ словахъ и свирѣпомъ взорѣ его пребылъ нѣмъ и неподвиженъ. Посемъ, смягча суровость лица и рѣчей своихъ, подошелъ онъ вѣжливо къ Царю и сказалъ: будь увѣренъ, Государь, что я не малую приношу къ тебѣ помощь: Солиманъ съ тобою.

Аладинъ, возставшій ужè и на встрѣчу къ нему идущій, отвѣтствуетъ: о съ какою радостію вижу тебя, моего друга! теперь не чувствую потери убіенныхъ моихъ воиновъ и не страшусь ожиданнаго мною еще худшаго зла. Ты утвердишь мой, и возстановить свой падшій Престолъ въ краткое время, ежели небо не воспротивится, удобно можешь. Тако рекъ, и бросясь къ нему на выю въ дружелюбныя заключилъ его объятія.

Послѣ сихъ первыхъ привѣтствій Царь

посадилъ великаго Никейскаго Владыку на собственномъ своемъ Престолѣ; самъ же по лѣвую страну его возсѣлъ на богатомъ сѣдалищѣ, давъ подлѣ себя мѣсто Исмену. Между тѣмъ, какъ онъ разговариваетъ съ ними, и они вопросы его о неожидаемомъ ихъ прибытіи полными удовлетворяютъ отвѣтами, Клоринда первая подходитъ съ поздравленіемъ къ Солиману: всѣ прочіе послѣдуютъ ей.

Въ томъ числѣ и Ормусъ, которому поручено было провесть въ градъ толпу Аравитянъ: онъ во время жаркаго сраженія шелъ съ ними по окольнымъ путямъ, и вспомоществуемый ночнымъ мракомъ и тишиною достигъ благополучно града, и доставилъ гладнымъ онаго жителямъ не малую помощь награбленнымъ хлѣбомъ и рогатымъ скотомъ.

Одинъ гордый Черкесъ не вставалъ съ мѣста и пребылъ на немъ угрюмъ и безмолвенъ, подобно льву, когда онъ вращая очи стоитъ неподвижно. Орканъ же на грознаго Султана не смѣлъ возвесть взоровъ и сидѣлъ потупясь и задумчиво. Тако остаются совѣщать между собою, Царь Палестинскій, Царь Турецкій, и созванные вельможи.

Но благочестивый Готфридъ, одержавъ полную побѣду и очистя всѣ пути предъ собою, повелѣлъ убіенныхъ воиновъ своихъ,

по совершеніи божественной службы, отпѣть и съ подобающею честію предать землѣ. Остальному же воинству приказалъ наутріе быть готову къ приступу, вознамѣрясь воинскія дѣйствія свои усилить и рукою болѣе грозною и бранною стѣснить осажденный въ градѣ нечестивый народъ.

Когда же онъ въ дружинѣ, подоспѣвшей на помощь къ нему противъ невѣрныхъ, узналъ послѣдовавшихъ за прелестною Армидою любимѣйшихъ своихъ сподвижниковъ и между ими Танкреда, хитростію ея въ темницу заключеннаго, то повелѣлъ ихъ, въ присутствіи токмо пустынника Петра и нѣкоторыхъ иныхъ мудрыхъ мужей, позвать къ себѣ.

И тако вѣщалъ имъ: прошу, чтобъ кто нибудь изъ васъ расказалъ мнѣ, какія были съ вами приключенія, и какимъ образомъ по краткомъ заблужденіи своемъ подоспѣли вы въ самонужнѣйшее время подать намъ величайшую помощь? Они стояли всѣ съ потупленными отъ стыда очами, чувствуя за малую вину свою великое въ сердцѣ угрызеніе. Наконецъ знаменитый Царя Британскаго сынъ прервалъ молчаніе и поднявъ очи сказалъ.

Каждый изъ насъ, по изъятіи изъ сосуда жребіевъ, рѣшился ѣхать, утаявая намѣреніе свое отъ другаго. Всѣхъ насъ, не

скрываю, влекла обманчивая любовь. Прелестная Царевна вела насъ по путямъ окружнымъ и безвѣстнымъ. Ревность посѣяла между нами вражду. Нѣжныя улыбки и взгляды, ахъ! поздно я позналь ихъ, питали въ насъ и любовь и злобу.

Напослѣдокъ пріѣхали мы въ тѣ мѣста, гдѣ небесный пламень, мстя за оскорбленіе природы упорно пребывавшихъ въ беззаконіи людей, глубоко изпепелилъ внутренность ихъ земли, нѣкогда цвѣтущей и плодоносной, нынѣ же превратившейся въ мутное, густовлажное озеро, наполняющее воздухъ гнилостію и смрадомъ.

Ничто тяжелое, брошенное въ него, не тонетъ; человѣкъ, и твердое желѣзо, и камень, плаваютъ въ немъ подобно легкой соснѣ или тополу. Посреди онаго стоитъ крѣпость, куда по узкому и недлинному мосту проходитъ путешественникъ. Тутъ она приняла насъ, и не знаю какимъ чародѣйствомъ островъ сей украшенъ всѣми возможными пріятностями.

Тамъ и воздухъ чистъ, и небо свѣтло, и луга и древа цвѣтутъ, и прозрачные текутъ источники, и между миртами прекраснѣйшими бьютъ высокіе водометы, кои низпадая претворяются въ журчащіе потоки. Въ нѣдрахъ благоуханныхъ травъ, при тихомъ шумѣ помавающихъ вѣтвей, томные

сны клонятъ къ отдохновенію; вездѣ раздаются сладкогласныя пѣнія птичекъ; умалчиваю о златѣ, о мраморахъ, удивляющихъ искуствомъ и красотою.

На злачномъ лугу, подъ густою тѣнію древесъ, подлѣ быстротекущей рѣчки, приготовленъ былъ съ лакомыми въ драгихъ сосудахъ яствами великолѣпный столъ: здѣсь собрано было все, что во всѣ времена года приноситъ земля и шлетъ море; все, что разными припасами къ услажденію вкуса придумано. Сто младыхъ, прекраснѣйшихъ, услужливыхъ дѣвъ угощали пирующихъ.

Мы въ привѣтственныхъ словахъ и пріятныхъ усмѣшкахъ Армидиныхъ пьемъ сладкую отраву. Между тѣмъ какъ тако насыщаемся мы и сами себя въ роскошной нѣгѣ забываемъ, она встаетъ и сказавъ намъ, что немедленно возвратится назадъ, удаляется. Вскорѣ потомъ обратно приходитъ, но уже не съ такимъ веселымъ и ласковымъ лицемъ. Единою рукою потрясала она малый жезлъ, другою держала книгу, и тихо шептала.

Шепчетъ чародѣйка, и я чувствую, что и мысли и воля и видъ мой перемѣняются. Чудесная сила! новое раждается во мнѣ желаніе: я кидаюся въ воду и хочу погрузиться. Не знаю какимъ образомъ ноги мои срослися, обѣ руки ушли въ плечи, я съу-

зился и сократился, кожа моя покрылась чешуею, и я изъ человѣка сталъ рыба.

Такимъ образомъ каждый изъ насъ превращенъ былъ и плавалъ въ струяхъ прозрачныхъ водъ. Я о тогдашнемъ состояніи моемъ помню токмо, какъ о нѣкоемъ смутномъ и несвязномъ снѣ. Напослѣдокъ чародѣйка возвращаетъ намъ прежній образъ, но мы отъ страха и удивленія пребываемъ безгласны; она же съ нѣкоторымъ въ лицѣ смятеніемъ сими печальными для насъ угрожаетъ намъ словами:

Се испытали вы мое могущество, и знаете сколь полную имѣю я надъ вами власть. Въ моей волѣ состоитъ инаго изъ васъ лишить на вѣки солнечныхъ лучей и въ подземную заключить пропасть, инаго превратить въ птицу, иному велѣть пустить отъ себя корень и водрузиться въ землю, или каменною стать скалою, или распуститься въ свѣтлый источникъ, или косматое воспріять чело.

Вы можете грознаго гнѣва моего избѣгнуть, когда согласитесь на мое требованіе, принять Магометанскую вѣру, и за Царство наше противъ нечестиваго Готфрида извлечь мечи свои. Всѣ мы съ гнушеніемъ отвергли недостойное предложеніе. Одного убѣдила она Рамбальда: насъ же всѣхъ, не могшихъ защищаться, тяжкими

обременивъ оковами, въ мрачное вринула обиталище.

Потомъ въ туже крѣпость случайно прибылъ сильный Танкредъ, и также содѣлался плѣнникомъ. Но лукавая чародѣйка не долго держала насъ въ темницѣ, и какъ я слышалъ, отъ Дамасскаго Владыки присланъ былъ посолъ съ тѣмъ, чтобъ ему, взявъ сто человѣкъ стражи, обезоруженныхъ и скованныхъ насъ препроводить въ даръ къ Египетскому Царю.

Тако шли мы, какъ вдругъ, по волѣ всеуправляющаго Провидѣнія, встрѣтился съ нами мужественный Ринальдъ, всегда отличными и новыми дѣяніями славу свою возвышающій; онъ мгновенно нападаетъ на ведущихъ насъ стражей, являетъ обыкновенную свою храбрость, убиваетъ и побѣждаетъ ихъ, и въ оружіе, бывшее прежде нашимъ, облекаетъ насъ.

Я видѣлъ его, и всѣ мы видѣли; онъ облобызалъ насъ и бесѣдовалъ съ нами. Ложный здѣсь разнесся о немъ слухъ. Онъ живъ и здравъ. Нѣтъ еще трехъ дней, какъ простился онъ съ нами и снявъ съ себя поврежденные и окровавленные доспѣхи свои, съ однимъ изъ сопутниковъ своихъ отправился въ Антіохію.

Тако рекъ. Пустынникъ Петръ между тѣмъ возводилъ на небо очи; видъ его и

цвѣтъ лица перемѣнялся. О какою почтенною святостію зракъ его сіялъ! Исполненный божествомъ, воспаленный усердіемъ, онъ вознесся духомъ выспрь къ небеснымъ умамъ: тамо открывается ему будущее, и онъ въ безконечномъ ряду вѣковъ зритъ грядущее.

Отверзаетъ уста и возвышеннымъ гласомъ сказуетъ долженствующее событься. Всѣ устремляютъ на него взоры свои и вперяютъ слухъ свой въ глаголы его пророчественные. Живъ, вѣщаетъ онъ, живъ Ринальдъ, и всѣ разсѣянные о немъ слухи суть женскіе обманы. Живъ, и юную жизнь его небеса для зрѣлой славы сохраняютъ.

Дѣла его, нынѣ гремящія въ Азіи, суть токмо начатки и предвѣстники будущихъ его подвиговъ. Се въ грядущихъ временахъ вижу, что онъ противустанетъ гонителю Христіянъ Августу, усмиритъ его, и исторгнувъ Римъ и церковь изъ когтей его лютыхъ, пріосѣнитъ ихъ сребряными орла своего крилами. Отъ него родятся чада, его достойныя.

И отъ чадъ чада и потомки, кои въ немъ созерцать будутъ примѣры славныхъ и великихъ дѣлъ, и отъ Цесарей мятежныхъ и неправедныхъ защищать и митру и святые храмы. Подвиги ихъ будутъ: унижать гордыхъ, возстановлять слабыхъ,

покровительствовать невиннымъ и низлагать злодѣевъ. Тако пресловутый Эстскаго дому орелъ воспаритъ къ солнцу.

И праведно, да озаренному свѣтомъ истины Петру вручатся громы земные. Повсюду, гдѣ за Христа сражаются, да распускаетъ орелъ сей крила свои, торжественныя и побѣдоносныя. Вѣчные законы судебъ для сего дали ему таковое свойство и природу. Сего ради угодно небесамъ, да отсутствующій отселѣ Ринальдъ призванъ будетъ обратно для совершенія великаго предпріятія.

Сими словами пустынникъ Петръ успокоиваетъ страхъ, молвою о смерти Ринальдовой разсѣянный. При общей радости одинъ благочестивый Готфридъ, погруженный въ великія мысли, пребываетъ безмолвенъ. Между тѣмъ наступаетъ ночь и простираетъ по лицу земли черный покровъ. Всѣ отходятъ предаться сну, но глубокихъ думъ верховнаго Вождя сонъ не побѣждаетъ.

Конецъ десятой пѣсни.